

Апокалипсис в шляпе вместо кролика

Некоторое время

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

И. Сотников

Игорь Сотников

**Апокалипсис в шляпе вместо
кролика. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сотников И. А.

Апокалипсис в шляпе вместо кролика. Книга вторая /
И. А. Сотников — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В этой части книги нас ждёт встреча с виду самыми обычными людьми. Но только с виду. Так каждый из них несёт в себе множество таких странных тайн и историй, что и они сами стараются держаться от них подальше, держа об этом в курсе совсем не тех людей. Вот и один не из тех людей и был встречен не самым обычным человеком, и вовлечён им в некую, полную недомолвок и недоговоров историю. Содержит нецензурную брань.

Игорь Сотников

Апокалипсис в шляпе заместо кролика. Книга вторая

Глава первой части пролога.

Уж больно мудрёная. Но ничего не поделаешь, если есть в этой мудрёности необходимость.

Что есть по своей сути клуб, а в особенности закрытый, – надо понимать, что в изначальном своём значении, – то, если простыми и сразу лежащими на поверхности словами сказать, то это собрание избранных людей. А вот в чём их избранность заключается? То ответ на этот вопрос тоже лежит на поверхности – они избраны для своего спасения. Кем и за какие, такие заслуги, то это частный вопрос и случай, разбирающийся каждый в отдельности, в зависимости от направления специализации клуба и сейчас нами не рассматриваемый. Ну а на чём будет основываться их спасение? То тут нет особых тайн и загадок – на общей объединившей и собравшей всех этих людей идеи – спасти себя. В которую они все беззаветно верят и с того момента, как были избраны и призваны в этот клуб, через призму этой идеи мировоззрят. И как не трудно догадаться, то остов этой идеи есть ковчег. А во главе этого союза спасения стоит человек со знаковым именем Ной.

Ну а теперь, зная основные постулаты и принципы построения этого закрытого сообщества (не все хотят спастись, да и мест на ковчеге спасения всегда в ограниченном количестве), давайте обратим свой взгляд на одно собрание разнокалиберных людей в одном из оживлённых мест, ещё называемом пивной, – а только в таких местах, чтобы не привлекать особого внимания посторонних людей, происходят такие собрания людей, со своими, послушай их только, невероятными разговорами, – где и собралась компания людей, с виду ничем от других компаний не отличающихся. Впрочем, так всегда бывает и должно быть – самые засекреченные, тайные сообщества одноидейных людей, – с виду сборища забулдыг и точно живущих только с одной идеей людей, как напиться, или же там ботаник на ботанике сидит и ботаником погоныет, – крайне законспирированы и их очень сложно вычислить.

И только оказавшись внутри этого сборища, всё-таки отчасти забулдыг (они более остро чувствуют конец света, находясь на краю жизненной бездны – что уж поделать, они сами довели себя до такого состояния, живя, как бог на душу положит, или покладёт?), конечно, не сразу, а после того, как постепенно завоеешь среди них доверие, – вот не знаю почему, но я тебя безмерно уважаю, – то используемая ими диалектика и лексика, сразу непонятная для тебя с первого раза, после кружки другой крепкого напитка, перестанет для тебя слышаться, как набор сленговых слов, а ты начнёшь улавливать глубокий смысл их речей и посылов на апокалипсическое, точно говорю, будущее.

– Все мы ходим в потёмках, – вполне себе убедительно, не вступая в контраст с реальностью (в этом дальнем от общего шума углу пивной, свет был приглушен в интим), со своей долей эпичности начал излагать свою мысль человек с задатками лидера, скорей всего, тот, кто взял на себя роль ведущего всю эту компанию к своему спасению, в нашем случае Ной, – а всё потому, что находимся в заблуждении главного. Нынче время не безверья, как нас убеждают с экранов телеинформационных передатчиков, а сейчас время веры в ложных богов, идолов, навязанных нам через призму стереотипного мышления. И только поняв всё это, мы сможем избавиться от сковывающих наше сознание иллюзий, и прийти, если не к настоящим богам, то хотя бы к самому себе. – Здесь Ной, конечно, хватил лишка, так высоко заглянув далеко и

вверх, но в век воинственного атеизма такие стереотипные измышления о богах простительны – божественную монополию нужно ещё отвоевать в головах людей.

А Ной, между тем, предварив свой основной рассказ этим предисловием, приступил к новой части своего доклада под видом тоста. – Мы подвергаемся гонениям через осмеяние наших идей. Вы, мол, закат физики, и ваш взгляд на мироустройство, – мир плосок, – вызывает не просто удивление после того, как человек полетел в космос, а заставляет задуматься о нашем умственном здоровье. А я скажу, что как раз все эти умники из околонуучных кругов, а по-другому их и не обозначишь, плоско мыслят, своей аналитикой, так характеризуют нас. А такое наше умопостроение этого мира, это не есть наше мышление в одной плоскости, а мы всего лишь прямолинейно, без всяких вычурностей и художественных дополнений мыслим.

– Да, мы несколько неповоротливы в воображении и на этот счёт мыслях. Но при этом мы более честны и ближе к реальности кто бы то ни был. Объёмный мир, это тот мир, который находится за пределами зрительного нерва, он всегда домысливается, давая все возможности и повод для манипуляции сознанием наблюдателя, – вот идеологический источник интерпретационной модели мира, со своей старой и новой нормальностью, – и он всегда находится на заднем плане реальности, как запасной вариант для господ иллюзионистов и манипуляторов нашего мнения и сознания. Тогда как мы, утверждая, что мир в первую очередь визуально плосок, настоящие, без всяких околичностей реалистично мыслящие люди. – Ной делает небольшую передышку, необходимую также для своих слушателей, привыкших прямолинейно мыслить и оттого им нужно время, чтобы всё сказанное Ноем переварить.

Когда же всё сказанное Ноем вроде как оседает в головах его слушателей, он берётся за второй блок своего разъяснения своей позиции на этот мир.

– Пространство и время есть плод порождения человеческого ума, а уж затем физических законов. А сами эти понятия находятся в своей зависимости от места нахождения этого ума. А человеческий ум привязан к определённым состояниям сознания человека. И получается, что время и пространство понятия относительные, и всё зависит от наблюдателя и его расположения в этой нашей концепции мира. Где он для нас прямолинеен, без всяких домыслов и 3D обмана, за которым может находиться, что угодно и тайна вкладов, чем прелестно пользуются медиа ресурсы и финансовые столпы мира. И я скажу больше. Нет объективного характера понятий пространства и времени. Эта система координат нашего сознания, есть имена формы нашего мышления.

– И из всего этого я вывел принцип относительности. – Ной делает знаковую паузу, которая должна привести слушателей к повышенному вниманию того, что он сейчас скажет. И после этой настройки слушателей, озвучивает то, что хотел. – Для создания универсальных законов природы нужно создать единую систему координат, и всю подчиняющуюся этим законам предметность подвести под один квалификационный регламент. А единая форма сущего, для всех наблюдателей доступна только в плоском выражении видимости сущего. И это первый шаг на эволюционном пути познания нашей относительности. Ведь мир искривлён относительностью его существования. И наша задача заключается в том, чтобы привести его в познаваемые нормы и к какой-то единой определённости. А точка и плоскость, и есть те основы, отталкиваясь от которых мы сможем приступить к познанию нашего мира.

– Незнание законов, как говорят, не освобождает от ответственности, – продолжил Ной, как только дал своим слушателям немного передохнуть (с правильным ударением на слове), – забыв добавить, что незнание элементарных вещей и правил природы, не освобождает человека от ответственности перед эволюцией и прогрессом, а также оттого, что всё это его не минует и не будет на него действовать. Но тут мне хотелось бы уточнить. – Ной сделал оговорку. – А что есть элементарные вещи? – задался вопросом Ной и тут же дал ответ на этот свой вопрос. – Уж точно не атомы. Так нами по своей научной и умственной недалёкости называются кирпичики в фундаменте строения этого мира. А нам и к элементарным вещам

ближе вещи обыденные и бытийные правила нашего сосуществования. И вот взяв за основу эту элементарность жизни, как элемент познания мира, и всё в фокусе нашего мировоззрения, – нашей прямолинейности взгляда, плюс мы мыслим прямо о пространственных вещах, – мы с позиции моно, честного взгляда, и будем низвергать стереотипы и вести мир к справедливости. – Сказал Ной, окинув взглядом своих слушателей, всё-таки немного заскучавших. И не от того, что рассказ Ноя был скушен, а просто он был слегка затянут. Всё-таки современник не привык к длинным монологам, – его рамки внимания ограничены пяти, семи минутами, – и поэтому он (слушатель) начал проявлять рассеянность и всё больше поглядывать на кружки перед собой.

И Ной, уловив этот ход мыслей своих слушателей, решает подвести черту в своём рассказе.

– Ну а наша реальность – это наше невежество. – Заявляет Ной. А вот это его утверждение отдаёт достаточной новизной, взбудив внимание слушателей. – И лучше... Да не лучше, – поправляет себя Ной, – а человеческий мир, вместо того чтобы себя понимать и изучать до истинности знаний, переключился на объяснение себя интерпретацией понятий, что такое хорошо, а что такое плохо. И теперь иллюзионизм – это новый инструмент очевидности человека. И здесь нет ничего уж такого странного и сверхъестественного. К тому же аморальные законы, как и законы морали, имеют право на своё сосуществование, как хотя бы другой полюс притяжения. Да и списывать со счетов нельзя то, что они основоположены в нас. И вот от них мы и будем отталкиваться в познании нашего мира. – На этом месте поставил точку Ной в своём рассказе, резко схватив со стола кружку, наполненную до краёв крепкого состава жидкостью, а как показалось и притом уверенно, сидящему по соседству с Ноем гражданину упитанной наружности, то этот Ной в своём злоупотреблении их доверием не знает никаких моральных границ и пределов, и он не только вырвал из контекста их понимания его много всякого, а плюс ко всему этому вырвал у него из рук его кружку, к которой он было потянулся.

Но уже поздно и Ной к полнейшему восхищению всех людей вокруг, с долей зависти, конечно, залпом опрокидывает в себя содержимое кружки, затем звучно её ставит на стол, окидывает взглядом взволнованные лица своих слушателей, и со словами: «Я пошёл», оставляет всех за столом сидящих людей без себя. Дальше за столом настаёт задумчивая пауза, где сидящие за столом люди пытаются что-то про себя сообразить.

– Это кто был? – обращается с вопросом к своему соседу гражданин испитой наружности, но при этом не потерявший в себе особый шарм, на который так и клюют бессодержательные дамочки.

– А ты разве его не знаешь? – с долей сомнения спрашивает сосед гражданина с шармом в лице.

– Нет. – Удивляется в ответ гражданин с шармом в себе. – Я думал, что ты его знаешь.

– Теперь мне понятно, – с тяжким вздохом говорит упитанный гражданин, с трагизмом во взгляде поглядывая на свою опустошённую даже не Ноем, а самозванцем кружку, – кто он такой на самом деле есть. – И такая информативность упитанного гражданина насчёт Ноя, переводит всё внимание людей за столом в его сторону, и в их лицах красноречиво читается один на всех вопрос: Кто?

– Вот кто! – заявил с надрывом упитанный гражданин, выставив вперёд руку, с кулаком на острие, где он ещё при этом её перехватил другой рукой в сгибе локтевого сустава. И понятно, что такой его ответ трудно читаем из-за своей многозначности. Но он и не думает удовлетворять никого за этим столом своим ответом. И упитанный гражданин, не став объяснять, что этот его ручной посыл означает, выходит из-за стола и направляется к барной стойке, чтобы заказать себе новую кружку крепкого напитка, которую он на этот раз не выпустит из рук, пока она не будет именно им выпита.

Глава, дополняющая пролог.

В продолжение прошлой главы рассказывается о неугомонности и планах Ноя.

– Как бы странно это не прозвучит, – поглядывая на проходящую мимо себя жизнь в виде тех же гуляющих в такую солнечную погоду по улице людей, глубокомысленно рассудил Ной, помешивая ложечкой чай в чашке, стоящей на столе перед собой, усевшимся на стуле в одном из уличных кафе, – но нам в нашем деле помогут современные разработки учёных, так сказать, прогресс. Где я отвожу своё знаковое значение теории большого взрыва, от которого своё начало берёт наше время. – Ной покосился взглядом на своего соседа по столу и добавил. – И я более чем согласен с этим утверждением, но в своих частностях.

И тут слово берёт сосед Ноя по столу. – Хотелось бы послушать. – Говорит он. Ной в свою очередь откладывает в сторону чайную ложку, берёт чашку с чаем, делает из неё глоток, затем отставляет её и пускается в объяснения. – Человек живёт себе, живёт, не замечая нисколько время, – а в это время в нём ежедневно всё копится его нагруженность своей жизнью, со своими неосуществлёнными мечтами и надеждами, плюс не получившие своего должного выхода чувства и эмоции, скомпоновались во взрывную смесь, – и так пока не наступает свой момент истины, когда это всё в нём накопленное достигает пределов своей бесконечной плотности.

– А тут в него ещё, выступив тем самым спусковым крючком, врежется плечом зазевавшийся прохожий, – на этом месте собеседник Ноя, видимо, человек слишком эмоциональный и увлекающийся, посмотрел по сторонам, в поисках этого зазевавшегося прохожего (но его нет нигде), – или он вляпывается в скверную для себя историю, – Ной между тем продолжает свой рассказ, – и в нём всё внутри начинает зашкаливать, – я называю эту точку, точкой сингулярности, – и он взрывается. И это для человека и есть большой взрыв, в своей, конечно, аналогии и локальности. Но по своей разрушительности, ничем не уступающий тому самому большому взрыву, на который в своих диссертациях так уповают учёные. – Ной перехватывает ртом воздух, в котором он почувствовал недостаток после таких эмоциональных высказываний, и, не давая себе возможности остыть, продолжил дальше свой рассказ.

– И с этого момента время для него получает новое начало. – С долей патетики сказал Ной. – И он, чувствуя себя в иной временной среде, – он выплеснул из себя весь этот отягощающий ход его жизни временной налёт тягот и забот, и ему стало легче дышать и передвигаться, – начинает жить по другим, от души правилам. Где он вначале совершает всяческие глупости, – это понятно, он ещё не настроен для жизни в новой временной реальности, – но постепенно у него всё выправляется и ... – На этом месте Ной сбивается с мысли, вдруг задумавшись.

– Да ... – проговаривает Ной, выйдя из своего задумчивого состояния. – При его выходе после большого взрыва в новую для него реальность, его могут ждать свои проблемы. Ты может, слышал историю о ... – Ной резко перешёл от одной истории к другой, обратившись к своему больше слушающему, чем говорящему собеседнику. – Как там его? – задался вопросом к самому себе Ной, видимо запамятавав имя того, о ком собирался сейчас упомянуть. И видимо сильно забыл, что махнул на него рукой и сказал, что это не столь важно.

– Так вот, – продолжил свой рассказ Ной, – один тип, находясь в сильном подпитие, не сумел преодолеть себя и добраться до своей квартиры, и как есть и был, увалился спать на лужайку у своего многоквартирного дома. Благо место и время позволяли ему без особых для себя осложнений здесь вздремнуть, – было лето, а проживал он где-то на юге, где почти всегда лето и тепло. И вот когда он спал, так уж вышло, происходит землетрясение и люди кто, в чём дома был и спал, повыскакивали на улицу. И теперь представь его умонастроение, когда он, очнувшись от земных толчков, всё-таки проснулся и увидел бродящих к округе людей в ночных сорочках и рубашках. – Ной повышает накал своего рассказа и озвучивает то, что его герой подумал, увидев такое вокруг себя:

– Я что, оказался в дурке?! – ахнул герой рассказа Ноя, вцепившись руками в землю, и даже с этого своего спросонья решивший бросить навсегда пристрастно пить горькую. – Допился до чёртиков, вот и поместили. – Пришёл к выводу герой рассказа, всё больше теряясь в себе при виде лунатически при таком освещении и виде выглядящих людей вокруг.

– Чтобы обезопасить наших испытуемых, – Ной вновь резко перескакивает на другую тему, – мы должны дать им защиту в виде надежды. И когда они погрузятся для себя в новую реальность, этот тотем должен помочь им совладать с новой действительностью и просто выжить. – Резюмировал себя и свой рассказ Ной, глядя на своего внимательного собеседника.

А тот на этот раз не столь внимателен к нему, и он отвлечён неким за спиной Ноя событием, куда он заинтересованно поглядывает. И Ною ничего другого не остаётся делать, как обернуться и посмотреть в ту сторону, в которую так интригующе смотрит его собеседник.

А там вроде как нет ничего столь драматического и интересного, чтобы сбивать его с мысли. И Ной оборачивается к своему собеседнику и с претензией спрашивает его. – И что ты там такого увидел?

Собеседник Ноя смотрит на него со значением и начинает рассудительно говорить. – Ты знаешь мою философию. Я в своём мировоззрении не отталкиваюсь на превалирующую в современном, само собой прогрессивном обществе, мысль о связующей всех нас, отдельных, цельных личностей, систему взаимоотношений. А наш мир, это не отдельно друг от друга локальные объекты права, а все мы части одной стратегии, где имеет значение не наша локальность, а наше движение. Но, тем не менее, я готов рассмотреть твоё предложение.

– Что ж, я рад это слышать. – Говорит Ной, и теперь уже по собственному почину поворачивается в ту сторону, в которую чуть ранее смотрел его собеседник. Там им выхватывается семейная пара среднего возраста, в окружении детей-подростков, которая, в общем, ничем особым не отличается от любой другой семейной пары, и он, глядя на них, говорит. – Семья есть становой хребет конструкции нашего мира. Как думаешь, выдержит? – задаётся вопросом Ной.

– Противник изощрён. Есть смысл быть не полностью уверенным. – Отвечает собеседник Ноя. Поглядывая в ту же сторону.

– Это да. – Задумчиво говорит Ной. Так проходит некоторое время, пока Ной не поворачивается к своему собеседнику с полностью переформировавшимся форматом лица – он теперь не само спокойствие, а он пылает повышенной энергичностью.

– Нет ничего более визуальнее, – на подъёме своих душевных сил обращается к своему собеседнику Ной, – а в нашей временной каденции только так и говорят, если ты не хочешь прослыть человеком безграмотным и не в теме нынешнего информационного выноса из мозга, – озвученной со стороны опрашиваемого, так называемого интервьюера, а в нашем случае интервьюерши, требовательность к своему будущему избраннику: Доход не меньше того то, и всё остальное не меньше моих запросов к нему и этой жизни.

«А вы что предложите взамен?», – сам напрашивается ответный вопрос.

«А с какой это стати тут этот торг, – в удивлении хлопает, надо отдать должное, красивыми глазками интервьюируемая на улице в виде опроса девушка, – Здесь нет ему места. У нас всё должно быть на бескорыстной основе», – этой предвзятостью журналиста к современным, прямо оскорблена в своих лучших чувствах спрашиваемая девушка.

Но ей на пути встретился до чего же настырный и упрямый представитель журналистского пула, который после таких прямых намёков этой девушки на несостоятельность таких его утверждений на современницу, и не думает сбавлять оборотов и продолжает задаваться своими дерзкими вопросами. – Но всё же, – подступает к девушке с новым вопросом этот упрямый журналист, – жить рядом друг с другом предполагает ведение совместного хозяйства. И как вы смотрите на свои домашние обязанности? – интересуется журналист, уж хитро как посмотрев на девушку искоса.

– Это вы на что тут намекаете? – прямо потрясена интервьюируемая девушка. И правду ей говорили, не заговаривай никогда с незнакомыми мужчинами, они обязательно постараются тебе голову вскружить. Что и случилось с ней после того, как она такого тут от этого, типа жур-

налиста, наслушалась. – У меня голова уже кружится от таких его вопросов. – И вправду чувствуя головокружение, спрашиваемая девушка еле удержалась на ногах и на этом признании.

При этом она и не думает отступать, как того от неё добивался журналист. И она с презрением в лице, с возмущением кроет этого домашнего деспота и тирана в журналистском обличье. – Я что вам, – прямо негодует девушка, – повариха или посудомойка, и не дай бог, предположить, что... – здесь она перебивается журналистом. – А тогда? – спрашивает журналист.

– Что тогда? – ничего не понимает в ответ девушка.

– А это тогда, мы за между делом вашего знакомства, и выясним. И сейчас вас ждёт, не дождётся, – он даже себе представить не может, какое его счастье в вашем виде ожидает, – как вы думаете кто? – Журналист ловко вгоняет девушку в непонимание всего сейчас происходящего.

– И кто? – заинтересованно спрашивает Ноя его собеседник, не дождавшись от него пояснений.

– Для примера и я сойду. – Запросто говорит Ной.

– А к чему ты это всё рассказал? – спрашивает собеседник Ноя.

– Разрабатываю на ходу план нашего подхода к ним. – Сказал Ной, кивнув в сторону примеченной ими семейной пары.

– А! – звучно отреагировал собеседник Ноя, пристально посмотрев на Ноя, сидящего к нему в профиль.

Часть первая.

Глава 1

Вскрывающая горькую правду семейной жизни, где за внешним благополучием и улыбками на счастливых лицах супругов, подчас скрываются споры, ссоры и разночтения в своих предпочтениях – ему нравятся боевики, а ей мелодрамы.

Сейчас уже и невозможно обстоятельно сказать, и нам остаётся лишь только делать последственные выводы о том, чем руководствовался творец, создавая человека (если рассматривается теологическая версия его происхождения). И один из таких выводов гласит (и это единственное знание, которое, пожалуй, трудно оспоримо) – человек определённо делался им на скорую руку. И на это указывает весь его образ жизни и заложенная в человека характерность его поведения – он при выборе для себя дорог по достижению поставленной цели, практически всегда выбирает самый короткий для себя путь. Видимо по этой же самой причине, человек и проживает наиболее короткий, отмеренный для него жизненный путь. Так быстрее можно достичь итоговой цели жизни – смерти. Что поделать, боится человек опоздать к разбору своих залётов, вот и спешит всю свою жизнь, сознательно не зная куда, но подсознательно, определённо догадываясь.

– Чего тратить лишнее время и зачем свои ноги стаптывать, добираясь до подземного перехода, а я сейчас мигом перемахну через турникет и прямиком перейду через дорогу на ту сторону. – Побуждает себя к прямым действиям вечно спешащий пешеход, для которого сводки происшествий на дорогах служат лишь для мотивации его отваги. И он, перемахнув через парапет, разделяющий дорожную магистраль и пешеходную дорогу, в момент добивается до своей подспудно не осознанной цели – он попал под машину и заодно в эфир программы сегодняшних дорожно-транспортных происшествий.

И таким подходом для достижения своих целей, человек руководствуется практически всегда, в том числе, когда дело касается сфер не интеллектуального характера (что поделать, расчётлив человек чрез меры, и даже в том случае, если он и считать не умеет – у него особого рода расчётливость), а тут задействованы человеческие чувства. И хотя этот, волнующий каждого человека имеющего сердце, период воспитания его чувств, хотелось бы, чтобы он длился подольше, тем не менее, человек ничего с собой поделать не может, и он так и старается фор-

сировать события на этом своём любовном фронте. А затем добившись своего, он хоть и чувствует себя счастливым, но не настолько, как в тот период, называемый ещё предощущением этого счастья, где всё, посредством всем известным невербальным знакам, – указующим взглядам-переглядам, полунамёкам и недомолвкам, – указывает в ней или в нём на то, что вы не совсем безнадёжны в своих чувствах и на ваш счёт имеются планы. И сейчас, когда всё это позади, как же хочется, чтобы этот период ещё немного помучил вас своей не окончательной определённой.

Но уже ничего не поделаешь, и вы не только добились своего, но и пошли дальше, пройдя несколько последующих предусмотренных этим актом любви шагов, закрепив ваши настоянные на чувствах доверительные отношения, юридического характера действиями. Ну и плюс ко всему прочему, чтобы уже в вашей голове не осталось сомнений, в свою очередь настоянных на ностальгических чувствах о своей молодости без обязательств ни перед кем, ваше семейное сознание укрепило появление детей.

Что тоже счастье и радость, но не без того же желания со стороны осчастливленного потомством человека, поскорей их вырастить и отдать в какое-нибудь престижное учебное заведение. Но в данном случае не всё так спешно пролетает в жизни, и интересующий нас герой, с интересным именем Константин, подстать его работе (о ней в своё время), пока что находится на середине пути к этой промежуточной и отчасти попутной для себя цели (в конце концов, не ему же идти ещё учиться; хотя он и не против поднять свой уровень образования за чей-нибудь, или государственный счёт).

Ну а когда ты не единолично планируешь, да хотя бы тот же семейный бюджет, а тут дело куда как более важное, это будущее твоей семьи, – хотя сейчас пока и не рассматриваемое, – а в нём практически всегда (и ни разу такого не было, чтобы она промолчала) принимает деятельное участие вторая половина Константина, Лилиан, то лёгких решений не жди. И тут обязательно, эта, до всего у неё есть дело, Лилиан, к чему-нибудь да придерётся (хотя бы к тому, что её не слушают и с ней никогда не считаются), и начнёт вначале непримиримо и дерзко себя вести по отношению к своему, как она бывало говорила, любимому и такому умному супругу, который, как из её сегодняшних слов выясняется, уже и не столь любимый, а уж насчёт его умственных качеств, (она лучше промолчит, чтобы никого не обмануть в своих ожиданиях) у кого-то просто язык не поворачивается так говорить (я слишком честна, чтобы вслух говорить спорные вещи).

А как только Лилиан на этом не успокоится (а такого ни разу ещё не было), то она начнёт недоумевать по поводу того, как такое с нею вообще могло произойти, чтобы она, а таких как она красавиц пойдёшь поищи, чьей руки добивалось столько перспективного народу, отдельно для себя выбрала Константина, до сих пор для неё непонятного и не пойми что за человека. И для неё ясно лишь одно, что Константин, как последний мошенник и негодяй, действующий на самом святом для девушки, на её доверии, ей голову задурил своими много чего обещаниями и тем самым склонил её к сожительству с ним. И ладно бы это, и она ещё готова смириться с тем, что они проживают не в самом центре города, а в спальном районе, от которого до центра они добираются на неподдержанной, а вполне новой, с претензиями на люксовость машине, но её просто бесит то, что она должна заставлять Константина проявлять инициативу в достижении их семейного благосостояния, а его, видите ли, всё и так устраивает.

И Лилиан, как и всякая домохозяйка, знающая во многом толк, и в особенности в том, как направить на путь истинный своих нерасторопных мужей, которых всё устраивает в жизни, но в тоже время по их лицам совсем не прослеживается довольство, когда им всю правду говоришь об их пассивности поведения, начинает делать свои логические цепочки в поиске истинных причин этого недовольства Константина. И надо отдать должное рассудительности Лилиан, то ход её мысли был направлен в правильном направлении – в сторону самой себя.

– Значит, вся проблема во мне, и я тебя не устраиваю! – накалив посредством своего лица атмосферу в кухне, где и происходил этот серьёзный разговор, переходящий на повышенные тона, принялась возмущаться Лилиан, упервшись зорким взглядом в Константина, чтобы значит, не пропустить мимо себя доказательств его измены её ожиданиям (он моргнёт, побледнеет или икнёт). Но Константин, как и всякий закоренелый в обмане своей горячо любящей супруги злодей, не только отлично скрывает весь этот обман в себе, а он, что за подлец и негодяй, преотлично играет своё недоумение, типа, что я такое слышу, да не может быть такого.

Но Лилиан уже давно не столь наивна, и её не провести, как в период той своей влюблённости, где она каждому слову Константина верила и чуть ли в рот ему не заглядывала, а сейчас её время пришло, и теперь Константин должен заглядывать ей в рот и во всё её слушаться. А Константин, видимо ещё пребывает в своём прошлом и не понимает, что жизнь не стоит на месте и всё меняется, вот и гнёт свою главенствующую линию, когда всё давно не так.

Ну а раз он такой непонимающий, то Лилиан вправит ему мозги. И Лилиан предпринимает против Константина излюбленную тактику уверенных в своём положении глав семьи, домохозяйек, она начинает предлагать Константину альтернативные варианты его семейного благоустройства. – Что ж, Константин, – вздохнув на публику, проговорила Лилиан, – если я тебя не устраиваю такая, какая я есть, – а у Лилиан в отличие и в противоположность от Константина, совсем другие взгляды на себя, – то ты прекрасно знаешь (Лилиан всё же не удержалась оттого, чтобы не подстраховаться и переложить всю ответственность за принятие окончательного решения на Константина), что я тебя не держу. Мы уж как-нибудь продержимся и выживем без тебя. Всё равно от тебя не дождёшься никакой поддержки. – Здесь Лилиан демонстративно приложила к глазам, взятую со стола салфетку, которая ей понадобилась, чтобы осушить свои глаза от слёз, до которых её довёл своим упрямством и подлостью своего эгоистичного характера Константин.

И видно Лилиан только сейчас осознала, как подл и эгоистичен Константин, от которого ничего кроме слёз на своих глазах не дождёшься, отчего ей так стало жалко себя, такую несчастную (и всё по воле жадного до ласковых слов Константина) и подневольную, жертву рационального к ней подхода со стороны Константина, что она в момент разозлилась и уже со злобой начала выдавливать на своих глазах ещё больше слёз посредством озвучивания всей глубины коварства Константина, который только ждёт, не дожётся удобного случая, чтобы посмотреть на сторону.

– Найди себе более красивую и молодую, которая тебя не будет упрекать ни в чём и всегда будет покладистой. – И на этом бы Лилиан и закончить, но она, если заведётся, то не может успокоиться и продолжает нагнетать нестабильность во взаимоотношениях с Константином. – Чтобы она тебя во всё понимала, слушала и не терзала вечерами своими глупостями. – Уже с яростью добавляет Лилиан. И что странно, так это то, что в такого рода случаях, что совсем не редкость, противная сторона, к кому обращены все эти слова, почему-то не прислушивается к этим дельным советам своей второй половины, которая, как она сама утверждает, плохого не посоветует (здесь, наверное, имеет место психологический эффект, где вторая половина, к кому обращены эти слова, включает защитные функции, и в штыки принимают эти слова). И противная сторона, вместо того чтобы последовать, и притом немедленно, этим рекомендациям, повинно склоняет голову, недовольно бурчит в ответ: «Не пори чушь», и тем самым соглашается и дальше быть, не то чтобы несчастным, а скажем так, не полностью раскрывшимся человеком.

Но на этот раз всё пошло не по этому, сглаживающему углы недовольства Лилиан плану. А Константин, и вправду, в последнее время редко слушающий все эти недовольства в устах Лилиан, сам не зная почему, вначале к ней прислушался, затем проанализировал всё ею сказанное, и как итог, сделал соответствующие выводы. А как только Константин довёл до ума эти свои соображения, то он прямо немедленно, с крайней решимостью на лице подрывается из-за

стола, да так резко, что чашки на столе зазвенели, а Лилиан от такой неожиданности в испуге вдавилась сильнее в свой зад и место. Откуда она, хлопая изумлённо глазами, так же вдавленным голосом с трудом спрашивает. – И куда ты собрался? – А так как она в своём вопросе ограничилась только этими словами, без своей знаковой добавки «когда я ещё не договорила», то стало понятно, как она потрясена этим поведением Константина. Но Константин на этом не останавливается, и продолжает удивлять и потрясать Лилиан.

– Спрашиваешь, куда я собрался? – с такой язвительной насмешкой над вопросом Лилиан это сказал Константин, что Лилиан и впрямь стало страшно за будущее их отношений (такую язвительность в твой адрес, бывает, что не прощают). – А последовать вашему совету, Лилиан Аристотелевна, камень преткновения моему счастью. – Константин этим своим заявлением, да ещё и с непонятными для Лилиан отсылками к её каменной чёрствости, выбил из неё последние остатки кислорода, необходимого ей, как и всякому человеку, для поддержания жизни в своём организме. Ну а Константин, осадив таким образом Лилиан на своё место, посчитав, что он, наконец-то, всё, что хотел сказать, сказал, разворачивается к выходу из кухни, и вперёд за своим счастьем.

Но Лилиан, пока Константин не покинул её и дом, всё же успевает спохватиться за свою досаду и язвительность, и со всем этим своим внутренним я, вспыхнув в лице, покрывшемся красными пятнами, как закричит ему вслед, начав себя противоречиво вести, совсем не желая ему удачи и счастья, которое, как вдруг выясняется, он может обрести только рядом с ней, а не с теми потаскухами, до которых он такой ходок. А ведь она сама буквально совсем недавно настояла на том, чтобы Константин попытал своё счастья на этом пути. А как только Константин внял её совету и буквально послушал, то она воспротивилась самой же себе, и теперь во всю свою горячность и до чего изобретательную умелость в применении пакостных слов, и жгучую язвительность, начинает отстаивать совершенно другой тезис.

– Да и катись на все четыре стороны, подлец! – подскочив с места для убедительности своих слов и желания высказать всё, что думается, закричала вслед Константину Лилиан. – Сволочь, а не человек. Только и ждал повода, чтобы слинять из дома на свободу. Ну-ну, давай, потаскайся, посмотрим, что из тебя будет. Но только знай, что обратной дороги для тебя не будет. Понял, негодяй!? – Громко выкрикнула Лилиан и прислушалась. А Константин, видимо почувствовав близость выходной двери и свободы за ней, не собирается сдерживать себя на молчание, а берёт и так дерзко отвечает Лилиан, чего ни разу не наблюдалось прежде.

– Ага. – Очень отчётливо и внятно говорит Константин к новому изумлению и отчасти желанию подавиться Лилиан. И теперь со стороны, с трудом пришедшей в себя Лилиан, звучат уже причитания и подавленности, хоть и негативного качества в сторону Константина.

– Да кому ты нужен такой кроме меня. – Здесь Лилиан пытается понизить самооценку Константина, указывая на его не кондиционность. – Никого ты не найдёшь со своим неуживчивым характером и заумностью. Сейчас такие как ты уже никому не нужны и неинтересны, сейчас всем подавай технологически продвинутых и прогрессивно мыслящих молодых людей, к коим ты никаким боком и видом не подходишь. Отсталый и ретроградно мыслящий человек. – Тут вход пошли указания на не полноценность внутреннего содержания Константина по современным оценочным рамкам. Ну и как итог – Что б ты сдох!

На что у Константина есть сбивающий с ног аргумент: «Тогда на алименты не рассчитывай». Но Константин не лишён благородства, и он не хочет, чтобы дверь за ним закрылась на этих словах, которые, как последние им сказанные слова, обязательно дадут пищу для размышлений для Лилиан и сборища её подруг, услышавших об этой новости и немедленно решивших по сопереживать ей в таком новом для себя устройстве, или неустройстве в жизни.

– Я всегда говорила, что твой Константин, тебе не пара. – Заглотив в себя приличную порцию успокаивающей жидкости, типа коньяка, как на духу заявит вновь близкая подруга Лилиан, Анжела, которую из-за её блестящего поведения на людях (любит Анжела выделять

себя среди серой массы людей броским одеянием и заметным поведением), Лилиан отодвинула на дальний план своей жизни, но до Анжелы было доведена информация, что за этим решением стоял Константин. Вот почему Анжела так критично относилась к Константину. Ну а то, что она так была прозорлива на счёт их будущего, то об этом Лилиан только сейчас в первый раз узнала, ведь Анжела ничего такого ранее никогда не говорила. Но Лилиана сейчас не в том настроении, чтобы цепляться за такие мелочи, к тому же Анжела редко не ошибается и её в этом деле нужно поддержать. К тому же верные прогнозы всегда лучше делать по следам прошедшего, то есть из будущего в прошлое.

Анжела же, получив со стороны Лилиан такую поддержку, начинает всё больше расхаживаться (и не только в плане туда-сюда), выискивая из памяти, а часто просто выдумывая на ходу те факты из жизни Константина, которые можно неоднозначно трактовать. Ну а после того, как Анжела пару раз приложилась к рюмке, то у неё ещё больше открылись глаза на вероломную сущность Константина, и она уже не стала жалеть Лилиан, и всё, что думает об этом негодяе, Константине, который и в её сторону посылал двусмысленные сигналы и делал странные намёки, выложила ей. – Но я не поддаюсь, для меня наша дружба священна. – Вон на какие жертвы была готова пойти Анжела, случись такое быть на самом деле (надо понимать, что Анжела иногда любит преувеличить). А Лилиан, как бы не совсем не дорожила дружескими отношениями с ней, и за это Лилиан даже слегка становится стыдно. И она, дабы подчеркнуть важность этих отношений, раскрывает тайну последних слов Константина, брошенных им на пороге квартиры.

– И знаешь, что он мне сказал, когда уходил? – с таинственным видом, вытянув своё лицо в сторону Анжелы, риторически спросила Лилиан. А Анжела вместо того, чтобы выказать полное не знание, начинает выдвигать свои версии, ничего не имеющие общего с настоящим положением вещей (вот за это, за неумение помолчать, Анжела и получает от ворот поворот).

– Всё, ты меня достала! И я тебя бросаю, стерва!? – прямо коробит слух Лилиан своим предположением Анжелы. И Лилиан прямо самой хочется сказать эти слова, но в адрес Анжелы. Но тогда она останется совсем одна, и ей тогда не с кем будет предаваться горестными и мстительными мыслями. А это ещё хуже, чем делиться мыслями с Анжелой. И Лилиан сдержанным тоном говорит. – Не совсем так, а он сказал мне, чтобы я не слишком рассчитывала на него, и если я решусь подать на алименты, то он всё сделает, чтобы я от него не получила ни копейки. Лучше говорит, я сдохну, чем копейку тебе дам. – И Анжелу от такой новости прямо в умственный столбняк вбивает, и она и слова промолвить не может, так она потрясена услышанным.

А Лилиан, сама убеждённая этими своими словами, тоже выпадает в осадок и непонимание того, как она раньше жила и не замечала за этим жадным человеком, Константином, всей этой его настоящей сущности. И только теперь у неё глаза открылись на него и на все его прежние поступки, целью которых было зажимание и ограничение её во всём. – Что не попрошу, всё у него для меня жалко. Вечно я должна была у него всё просить. Всю жизнь мою, гад, измерил и рассчитал, и я была для него своя под расчётная единица. А эти его слова: «Твой горизонт событий и мысли ограничен потолком моих алиментов»... Что, чёрт возьми, это значит! – Лилиан так зарядилась от этих своих мстительных мыслей, что было бы лучше, чтобы Константин по выходу за дверь из квартиры, промолчал, ведь последнее слово в их семье всегда было за Лилиан, даже если оно пока не было сказано.

Но Константин лучше нас вместе взятых знал Лилиан и он ничего ей не сказал, а он открыл дверь, переступил порог, обернулся в полуоборот, бросил прощальный взгляд на Лилиан, замершую в одном растерянном положении, с опущенными руками и как-то неожиданно растрепавшими на голове волосами (а они ведь были уложены и приглажены в причёску; наверное, встали дыбом от переживаний), и закрыл за собой дверь.

И вот дверь закрыта за ним и за этой ещё не остывшей в сердце, но опостылевшей главой этой части его жизни, и он уже с более чистой головой и мыслями, освободившимся от укоров совести сердцем, где слегка мешают вопросы будущей неустроенности в плане, где жить, да и юридический аспект нельзя снимать со счетов, но это всё равно уже не те препятствия, которые могут Константина остановить, оправляет себя во внешней обязательности внешнего вида и со спокойной душой и жадой открытий выдвигается в новый для себя мир. Ведь Константин вышел в него обновлённым человеком и теперь он смотрел на него новым, не отягощённым обязательствами взглядом. И ему всё интересно в нём, и он ко всему проявляет любопытство и повышенное внимание, окромя только окон своей квартиры, проходя под которыми, он удерживал себя от желания поднять голову и тем самым дать понять, так забавно прижавшейся к окну своим личиком Лириан, что для неё не всё потеряно и у неё ещё есть шанс.

Ну а что ждёт Константина впереди и что приготовил для него этот новый мир, то, условно, много опасностей в виде новых привязанностей и человеческих отношений. Но Константин на этом жизненном пути уже не новичок и он знает, до каких границ запускать все эти отношения, и главное, он теперь умеет говорить слово «нет». Правда, отсутствие опыта свободной жизни, это тоже в некотором роде препятствие и Константин решает немедленно провести проверку себя и преодолеть это препятствие с первой встречной.

– А какой смысл откладывать, – подумал Константин, вдруг резко остановившись на месте, но при этом очень удачно, как раз напротив входа в одну из кофеен, куда он всегда заглядывал по пути на работу, чтобы прихватить с собой стаканчик горячего кофе, – нужно немедленно выяснить для себя, на что я ещё способен, и не растерял ли я себя. – Достаточно объективно и со своей долей самокритики рассудил Константин и направил свой шаг в сторону этой кофейни. Оказавшись в которой, он прямиком направился к стойке, за которой решаются все интересующие посетителей вопросы с кофе. Ну а привлекательный вид и прописанное гостеприимство на лице девушки за этой стойкой, немало способствует решению всех возникающих в головах посетителей вопросов. Правда не без того, чтобы не отвлечься от своего желания согреться одной чашкой кофе и не поинтересоваться у этой милой девушки о том, чем она согревает себя в неуютную погоду по вечерам.

Ну и Константин, до сегодняшнего дня, забегавший сюда по прямому назначению этого заведения, только за кофе, не замеченный ранее никем из обслуживающего персонала этого заведения, в том числе этой сто раз продававшей ему кофе девушкой, в рассеянности взгляда и особой внимательности к чему-нибудь другому кроме кофе, на этот раз, то есть прямо сейчас, если конкретней, смотрит прямо на Марию, на эту самую девушку у кофейного аппарата и за стойкой, а не куда-нибудь сквозь людей, куда он всегда смотрел своим погруженным в размышления взглядом и, не успевает она сообразить, что всё это может для неё значить, спрашивает её. – А как всё-таки вас зовут?

Что, конечно, очень удивительно слышать для Марии, уже достаточно давно считающей, что это не тот вопрос, который не разрешён между ними. Хотя бы потому, что он был давно между ними выяснен, и он как-то ей уже представлялся: «Константин», а она ему в ответ назвала своё имя, которое также было прописано на бейджике, подвешенном на её униформе. Но может ему хочется ещё раз услышать её имя в её устах, то, что ж, она не против. Но только на этот раз ему придётся убедить её в этом.

– Так нынче не знакомятся, молодой человек. – Не слишком холодно, несколько нейтрально, и отчасти благожелательно, что даёт надежду на благополучный исход начавшихся взаимоотношений, отвечает Мария, для Константина, до сегодняшнего дня, вечно погруженного в самого себя, девушка из кофейни. И, пожалуй, скажи ему, что ты, Константин, ведёшь себя отчасти странно, ведь тебе уже раз ответили взаимностью, сообщив своё имя, а ты и помнить об этом не помнишь, то он бы и не поверил, что при его-то памяти на лица, на имена и исторические события, он вдруг упустил из виду такое замечательное имя и его хранилищу.

Но этого сказать Константину никто не может, кроме самой Марии, которая, конечно, такого тоже не скажет, и Константин, ничего такого за собой не подозревая, с чистым сердцем удивляется в ответ. – Вот как? А как же тогда знакомятся? – спрашивает он Марию.

– Нынче всё мобильно, – вынув из кармашка фартука телефон и, протерев его тряпичной салфеткой, сказала Мария, – и это основа построения любой связи.

– Хм. Интересно. – Глядя на телефон в руках Марии, задумчиво говорит Константин. – А как же быть тем людям, кто, скажем так, несколько отстал от научно-технического прогресса, и у кого нет этого мобильного приложения в своём багаже знаний.

Мария в ответ еле сдержалась оттого, чтобы уколоть Константина, забывчивого человека, сказав ему: «А ты закачай их из интернета», а она пристально на него посмотрела, затем взяла чашку, налила в него кофе из кофе машины и, поставив её перед Константином, сказала. – А вы хоть раз выпейте кофе из чашки, спокойно за столом, а не как всегда делали, на ходу, и тогда вы всё вспомните и поймёте. – Теперь уже Константин до крайней степени удивлён. И он, определённо заворожённый взглядом и словами Марии, берёт поставленную перед ним чашку кофе и, стараясь не сводить с неё своего внимания (боясь разлить), таким невнимательным по сторонам образом следует до первого свободного столика. Где он и не успевает присесть и отвести своего взгляда от поверхности кофе, как до него доносится голос незнакомца, как оказывается сидящего на другой стороне стола. – Вы, или неразборчивы в связях, или вы чем-то крайне озабочены.

– Что-что вы сказали? – подняв глаза навстречу человеку, обратившемуся к нему с этим замечанием, переспросил Константин.

– Не более того, что сказал. – С какой-то отстранённостью сказал незнакомец.

– Я не совсем понял, к чему всё это было сказано. – Уточнил Константин.

– А разве вы до сих пор не поняли. – Незнакомец продолжает гнуть свою загадочную линию. И надо отдать ему должное, ему отчасти удалось сделать некомфортным сидение на месте Константина – он действительно почувствовал под собой какое-то неудобство. Но Константин не хочет поддаваться на манипуляции сознанием этого типа и продолжает придерживаться линии своего непонимания этого типа. – А что я должен понять? Может, объясните. – С вызовом заявляет Константин.

Незнакомец продолжает флегматично себя вести, и он, пожав плечами, говорит. – Вы всего лишь присели на мои перчатки. – А вот такого обстоятельства объяснения происходящего, Константин точно не ожидал услышать. И он даже несколько смутился, услышав этот ответ незнакомца. Правда, Константин умеет быстро собраться, и он, вынув из под себя перчатки, посмотрев на них и на незнакомца, с улыбкой спрашивает его. – Они вам не будут жать, после того как я на них посидел?

– Сдавливает не вес, а мысль. – Ответил незнакомец, принимая перчатки. – А вы, как я понимаю, находились на пути к размышлению. – Кивнув в сторону девушки у кофе машины, добавил незнакомец.

– Пожалуй, соглашусь. – Ответил Константин, заметив этот брошенный взгляд незнакомца за его спину (Константин сидел спиной к Марии, и ему было несподручно оборачиваться).

– И что вас так задумало, если не секрет? – спросил незнакомец.

– Ничего необычного, мысли о свободе и об её ограничениях. – Сказал Константин.

– Если для вас это обычное дело, то я даже боюсь вас спрашивать, что для вас необычное. – Усмехнулся незнакомец, сделав глоток из чашки.

– Могу сказать, если не испугаетесь. – В свою очередь сделав глоток из чашки, и придвинувшись к столу, сказал Константин, чувствуя в себе невероятный душевный подъём, ранее им никогда не испытывающийся. То ли это так кофе на него подействовал, в своей совокупности с его новым свободным положением, то ли этот незнакомец излучал необыкновенную энерги-

тику, что Константин почувствовал себя необыкновенно свободным, где его ничего не сдерживало в этом мире, – все мыслимые запреты и ограничения отпали, и стали несущественными, – и ему хотелось делиться с миром всем, что его связывало с ним (и это логично). Так что его желание всё о себе рассказать первому встречному, имело под собой весьма существенные основания – если он всему миру верил, то первый встречный, как часть его, заслуживает его доверия.

– Я постараюсь. – Усмехнулся незнакомец, потрясся перед собой сжатыми в кулаки руками. Константин сделал ещё один глоток из чашки для своего воодушевления и для начала ограничился одной фразой, которая должна была стать эпическим вступлением для его рассказа, а также предупреждением незнакомца о возможных последствиях, которые ему могут грозить, если он всё же не передумает и решит дальше слушать Константина.

– Я, – говорит Константин, – «advocatus diaboli». А другими словами, адвокат дьявола. – Константин замолкает, глядя пристально на незнакомца, а тот не подводит ожидания Константина, и, присвистнув, начинает изумлённо, с лёгким недоверием к словам Константина выглядеть. Так проходит где-то с минуту, и незнакомец, собравшись с мыслями (не каждый день с такими людьми встречаешься), спрашивает Константина. – И откуда у него к тебе столько доверия, если такое слово уместно употреблять в этом деле? – Константин, всего вероятней, не такой дальнейшей реакции ожидал услышать от этого типа, как оказывается, слишком легковёрного, большого фантазёра, но всё же верующего в сверхъестественное. Которого ему теперь придётся разочаровывать в его, может быть, лучших чувствах – Константин ведь в другом значении адвокат дьявола, а вот в каком, то вот это, скорей всего, не понравится такому, живущему в своей сказочной наивности человеку.

Но делать нечего, и Константин, поскрипев душой, говорит. – Вы не совсем правильно меня поняли. – Но дальше Константину не удаётся сейчас что-либо сказать, так как его собеседник так многозначно кивает в ответ головой, – ну-ну, начинаются свои отговорки и лукавство, так свойственное всем адвокатам, даже если они адвокаты по бракоразводным делам, – что Константину немедленно хочется рассмотреть дело этого типа в формате дьявольской юрисдикции, так, как этот тип на его счёт сейчас размыслил.

– Вы, господин только с виду хороший, разве не знали, что излишнее любопытство, до добра не доводит. И оно уже раз довело человека до потери рая, но видимо, это не та история, которая чему-то вас может научить. И вы не только не готовы останавливаться на достигнутом, а готовы пойти до самого конца и предела, если они есть в наличие (хотя бы из того же любопытства). – Хотел бы вот так выразить свою заботу об этом типе Константин, но не стал. Ведь слова в этом деле бесполезны, и Константин, решает не реагировать на эту демонстрацию недоверия незнакомцем, а до рассказывает нерассказанное.

– Я работаю при церкви, – серьёзно посмотрев на незнакомца, отчего тот поумерил свой недоверчивый пыл, заговорил Константин, – и моя должность называется «укрепитель веры». В мои обязанности входит сбор информации и доказательств, которые бы могли служить основаниями для отказа в канонизации или беатификации праведника.

– Это как? – спросил незнакомец.

– Я не могу говорить о частностях. А если в общих словах, то я выявляю наличие в праведнике несоответствий его личности и жизни, предъявляемым к святости требованиям церкви. – Сказал Константин.

– Грехов что ли? – с усмешкой спросил незнакомец.

– Скажем так, погрешностей. – Ответил Константин.

– Ну, это ещё хуже. – Сказал незнакомец.

– Почему? – спросил Константин, не поняв, что тот имеет в виду.

– Погрешность, это своего рода инструмент дьявола, под названием лукавство. Где он уже изначально опровергает тезис греха. – Как-то совсем неожиданно для Константина, незна-

комец так глубоко углубился в этот вопрос. На что он даже и не знал, что ответить. И хорошо, что у того есть свои вопросы к нему. – А если есть адвокат дьявола, то, как я понимаю, то и у бога есть свой защитник. – Поинтересовался незнакомец у Константина.

– Мне, кажется, что вы больше знаете, чем говорите. – С лукавством во взгляде посмотрев на незнакомца, сказал Константин.

– У меня всего лишь деятельный ум. – Откинувшись на спинку стула, сказал незнакомец. – Ну а сделать логический вывод из ваших слов о наличии защитника бога, совсем не трудно. Это на поверхности лежит.

– Ну а вы чем занимаетесь? – теперь уже Константин заинтересовался и спросил незнакомца.

– Я-то? – усмехнулся незнакомец. – Я можно сказать архитектор. – Добавил незнакомец и сразу пустился в уточнения. – Но сразу сделаю оговорку. Не в том, всем известном значении, человека, имеющего дело с застывшей музыкой, с монументальным безмолвием, из которого нужно извлечь звуки. Я не строю стены, чьим строительством всегда сопровождается возведение границ творческой мысли архитектора, а я, наоборот, не то чтобы разрушаю, а я раздвигаю стены ограничений человеческой мысли, которые не дают человеку полностью самореализоваться. – Незнакомец замолчал, внимательно посмотрев на Константина.

– Не буду лукавить, – сказал в ответ на ожидание незнакомца Константин, – но я мало что понял.

– В каждом из нас стоят свои рамочные ограничения, за которые мы подчас не можем выйти, даже при наличии большого желания, – это заложенные в нас природой или воспитанием нравственные ориентиры, со своими красными линиями. Вот я и помогаю человеку снять эти барьеры. – Сказал незнакомец.

– Так вы психолог? – спросил Константин.

– Я архитектор. – Улыбчиво, но в тоже время твёрдо поправил Константина незнакомец, затем опять бросил взгляд за спину Константина и, продолжая смотреть туда, говорит. – А вы ей интересны.

– То, что недоступно, всегда притягательно. – Ответил Константин, не оборачиваясь.

– А вас, что сдерживает на пути к счастью? – спросил незнакомец.

– Обязательства. – Ответил Константин.

– Не быть счастливым? – недоумённо спросил и не пойми кого незнакомец и, посмотрев на Константина, тут же дал ответ на это своё вопрошание. – Это противоречит природному замыслу насчёт человека и значит, должно быть им отвергнуто. Вы меня поняли? – уставившись на Константина, спросил незнакомец. Константин со своей стороны несколько удивлён таким давлением на себя со стороны незнакомого человека и несколько в мыслях застыл, не зная, как на его слова реагировать. А тот, видя эту немую реакцию Константина, начинает по слогам выговаривать следующий к нему вопрос и при этом, как сейчас слышится Константином, не своим голосом, а ... Вот чёрт! Лилиан.

– Ты...ме-ня...слы-шишь? – задаёт вопрос незнакомец, а Константин, как замороженный, полностью сконцентрировал своё внимание на его рте, откуда выходят эти слова, произнесённые Лилиан. – Да как такое может быть?! – ничего не понимая, задаётся про себя вопросом Константин и в этот же момент получает ответ на этот вопрос оттуда, откуда он уж точно не предполагал – от самой Лилиан, вдруг оказавшейся на месте этого незнакомца, и всё это происходит у них в доме, на прежнем месте, на кухне.

– Так меня слышишь или опять ушёл в глухую оборону!? – перекосившись в лице, нервно возмущается Лилиан, с ожесточением глядя на Константина. А Константин вот сразу и сообразить не может, что с ним происходит, и уходил ли он отсюда, или он так всего лишь задумался.

– Наверное, выдал желаемую фантазию за действительное. – Оглядевшись по сторонам, сделал вывод Константин. Ну а Лилиан тут же прицепилась. – Ты тут взгляд не отворачивай, а давай говори, что от тебя требуется.

– А я разве обязан это делать? – посмотрев на Лилиан, на прямую, с некоторым напором спросил её Константин. Лилиан только на мгновение замешкалась, и вслед, как само собой разумеющееся ответила. – Если ты ещё, конечно, считаешь меня своей семьёй и любишь.

– Вот значит как. – Задумчиво сказал Константин, обратившись взглядом в глубину взгляда и мысли встреченного им на пути своего воображения незнакомца. – Хм. И почему именно адвокат дьявола, а не защитник бога? – задался вдруг вопросом Константин. – Это всё кино. Там только такие персонажи демонстрируются, вот я и подсел на информационную иглу. Сейчас каждый на какой-нибудь игле, да сидит. А ведь то, что я себе такое нафантазировал, говорит о том, что я, пожалуй, с пессимизмом смотрю на себя и на свою жизнь. А представь я себя защитником бога, то тогда можно было говорить о моём оптимизме. М-да. – Вдохнул Константин, но не в полную силу, чтобы значит не потревожить Лилиан, всегда нервно реагирующую на его вот такие вздохи. Ей почему-то начинает думаться, что Константин, таким образом, выказывает своё отношение к их браку – мол, всё плохо и ещё хуже, и одно только и остаётся, как вздыхать. И при этом во всём виновата она, Лилиан, а он как бы не причём. Он должен снимать только сливки, тогда как она одна должна стараться осчастливливать его.

Нет уж Константин, более чем самонадеянный человек, у вас ничего не получится. И Лилиан вам не прислуга, чтобы по одному вашему щелчку растележиваться, и это вам придётся постараться, чтобы дотянуть семейные отношения до уровня счастья.

Константин же на этот раз не только так провокационно вздохнул, а он на этот раз пошёл дальше. А он вдруг для себя усмехнулся: «Адвокат дьявола нашёлся. Страховой агент всего лишь», и сам от себя не ожидая, вдруг так развеселился, что это всё вышло за пределы его всегда сдержанной натуры и вылилось наружу громким смехом. В результате чего Лилиан, потрясённая этой новой для себя выходкой Константина, выпала в свой осадок.

Глава 2

В ней будет рассказано о минусах и плюсах ведения разговоров в имеющихся в доме или квартире комнатах со своей специализацией, а так же в этой главе много чего хотелось бы изменить, но на это способен только её герой, Константин, который и попытается это сделать.

Как стало нам из доподлинных источников известно, а также из вышеприведённых, плюс можно сослаться на данные личной статистики, той разумной части вас, которая чуть ли не ежедневно вами лично в руки получает фиксированные данные о происходящем в вашем доме – то все требующие немедленного разрешения вопросы в кругу собственной семьи, среди её составных частей, супругов, выносятся на своё обсуждение в основном на кухню. И для этого есть свои немаловажные причины и основания.

Правда, кухня, хоть и немаловажная часть жилого помещения типа квартиры или дома, в котором, как правило, проживает любая среднестатистическая семья, где есть также гостиная, спальня, туалет с ванной и ещё пара другая кладовок в этом среднем случае, но всё же она отчасти проходное помещение. Куда и заходят лишь по требованию своего изголодавшегося желудка, или пополнить свои мысли видами внутреннего интерьера холодильника. А вот если бы человек был самодостаточен, и ему не требовалась подпитка извне, то тогда бы первый закон термодинамики дал бы сбой и был бы построен вечный двигатель в виде человека, и кухня бы потеряла свою актуальность за своей ненужностью (из неё бы сделали ещё одну кладовку).

И по всему этому обстоятельству, связанному с кухней и её проходными характеристиками, где домашний человек на долго не задерживается и старается не связывать свою жизнь с кухней (это часто для его фигуры опасно), можно сделать предположительный вывод о том, что кухня на то и выбирается местом решения возникших вопросов, что она не довлеет на

тебя своей субъективностью и не несёт в себе кроме дурманящих желудок и голову запахов, необъективного характера значений. И здесь можно, не опасаясь за то, что тебя, как, например, в спальне, мигом смогут склонить к выгодному не для тебя решению, поговорить на равных со второй стороной, назревшего или назревающего конфликта, у которой за ночь накопилось к тебе столько вопросов, что она, во-первых, всю ночь не могла уснуть, а во-вторых, как встала с больной от недосыпа головой, так и сразу попыталась всю свою головную боль переложить на голову здоровую, то есть Константина.

А Константин ещё вчера, когда он свой разговор с Лилиан так эффектно завершил последним, чего ранее никогда не бывало, прямо чувствовал, что на этом разговор однозначно не закончится, и для него обязательно будет своё продолжение и он весь день был в напряжении. Правда, он это продолжение ждал сейчас же, но Лилиан к его удивлению не накинулась на него сразу по приходу в спальню (с обвинениями, а не с другого рода неожиданными для долго состоящих в браке людям предложением пикантного характера), а явно желая его помучить своей неопределённостью и ожиданием расплаты за свою дерзость, с недовольным видом всю ночь ворочалась, накапливая побольше злости на утро.

И вот тут-то главное, утром им не разойтись друг с другом. Что только на первый взгляд чрезвычайно сложно сделать, раз Константин и его супруга, Лилиан, спят в одной кровати, хоть и по разные стороны. Ведь у каждого из них намечен на разное утреннее время подъём, и притом это время подъёма так кардинально разнится и не пересекается между собой, что нужно действительно обладать завидным самообладанием, чтобы уже с утра здесь не разойтись. А всё дело в том, что у каждого из них на утро были поставлены разные цели, – Лилиан наметила себя подъём на то время, когда можно будет Константина перехватить для серьёзного и отчасти требовательного разговора, тогда как Константин всем собой хотел избежать этой утренней встречи, – а это две находящиеся в разных плоскостях задачи, где только одна из них может быть выполнимой, как они до этого утра думали.

И вот Лилиан, придя в общую спальню вслед за Константином, уже под вечер, полная зрительного негодования на этого выносителя её мозга, нет ему прощения, Константина, с надувшимися губами занимает своё место на своей стороне кровати, и при этом не просто так, как раньше, – она с недовольством: «Подвинься», задом толкала в бок Константина, а затем с той нервностью: «Дай одеяло», одёргивала на себя всё одеяло (затем следует одёргивание одеяла со стороны Константина, итак пока отношения с одеялом не отбалансируются), – а подчёркнуто вежливо, с боку.

– Мол, знайте, Константин, – весь глубоко вздыхающий вид Лилиан что-то такое говорит, – как мне глубоко наплевать на то, что вы рядом лежите. – А Константин, что за бесчувственная сволочь и скотина, и не думает реагировать на эти глубокие вздыхания Лилиан, в которых можно и угадать желание. А вот такого бесчувственного подхода к себе со стороны Константина Лилиана сейчас не ожидала ощутить, и ей становится очень сложно спокойно лежать и не вертеться. А ей хочется немедленно посмотреть в глаза этому бесчувственному негодяю, Константину, который вон уже до чего её довёл – до инициативы.

И Лилиан сейчас же в него вцепилась, если бы не пришедшая ей мысль о том, что Константин специально так себя ведёт хладнокровно, чтобы вывести её из себя окончательно и тем самым одержать верх в этом их противостоянии. И Лилиан решает крепиться. Но на этот раз она уже не шумит у себя в голове всякими недостойными её мыслями, а она начинает прислушиваться к тому, что там, на стороне Константина, происходит.

А там, как ей кажется, вовсе ничего не происходит – полнейшая тишина. И это начинает её несколько тревожить. – Что там с ним? Может он умер от переживаний? – в волнении начала задаваться вопросами Лилиан. И она уже было собралась повернуться к Константину, как до неё вдруг доносится похрапывание Константина, и Лилиан прямо вбивает в подушку

тот хладнокровный цинизм Константина, с которым он отнёсся к ней, так спокойно уснув, не объяснившись перед ней за своё беспардонное поведение.

А как только до Лилиан дошла мысль о том, что Константин не только спит безмятежным сном младенца, но подаваемый из самых недр его горла и рассудка такой голосистый храп, есть весома заявка на звание его спокойного сна, сном без задних ног, то вот тут-то она и начала заводиться, само собой заворачившись. И так всю ночь она нервно ждала того момента утра, когда сможет посмотреть в бесстыжие глаза Константина, всю ночь не дававшего ей уснуть своим бесчувственным к ней отношением.

Но Константин, хоть под утро и смягчил свой хмурый нрав, а дальше и вовсе перестал храпеть, не спешит просыпаться. А он, ещё не проснувшись, а находясь на пути к своему про- соню, явно заподозрил реальность в том, что там его очень ждут и при этом не с радостными для него намерениями. Вот и Константин, прежде чем просыпаться, решил прояснить, что там такого задумала Лилиан, как даже подсознанием Константина понимается, та единственная, кто может выступить в качестве суровой реальности.

– Послушаю, что она там задумала. – Рассудил про себя Константин, принявшись при- слушиваться. – И при первой же возможности ноги отсюда.

А вот тут Лилиан допустила ошибку. Она ровным дыханием не замаскировала себя под спящую, чем и выдала себя не спящую перед Константином.

– Не спит и явно что-то задумала. – Слегка взмок в спине Константин от понимания того, насколько близко к нему находится опасность. А вот теперь уже Константин сделал ошибку, не удержав на своём лице хладнокровие и, покраснев ушами, испугавшимися ярости рук Лилиан. А Лилиан мигом заметила, как оказывается спит Константин, от кончиков пальцев ног и до кончиков ушей проявляя к ней повышенное внимание. Что не могло её не позабавить, с жела- нием надорвать свой живот от смеха, когда она начнёт разными способами (какими, она ещё не надумала) провоцировать Константина на реакцию лицом.

Для чего Лилиан начинает по сторонам осматриваться, ища подходящий предмет для такого рода действий (тот же носок Константина, будет как нельзя кстати для его выдающего такие звуки рта), а Константин, что за ловкий и предупредительный человек, через лёгкий прищур всё это заметил, и тут же решил, что если не сейчас, то никогда. С чем он в момент подпрыгивает со своего места, и, не давая возможности Лилиан его остановить, впопыхах заяв- ляет о том, что он чуть ли не проспал на крайне важную деловую встречу. А виноват в этом, понятно, что единственный в этом доме человек – Лилиан. Которая, определённо зная, что Константин пунктуального склада человек, который опаздывать не любит, особенно на дело- вые встречи, хоть сама и не спала, даже не подумала его толкнуть и разбудить. И чего теперь спрашивается, он скажет заждавшемуся и позеленевшему от злобы клиенту, который так на него и его страховой полюс рассчитывал (Константин действительно агент по страхованию), что не ел пока его ждал, а Константин посредством своего продолжительного сна его подвёл под геморрой, который страховкой не лечится (клиент его ждал, сидя на холодной уличной скамейке).

И у Константина, сумевшего взять инициативу сразу с подъёма, вроде как всё шло очень удачно, и он бы вскоре смог миновать препятствие в виде Лилиан, не сразу сообразившую, что нужно поспешать, а иначе Константин, сбегав от неё и от разговора, весь день будет себя прекрасно чувствовать, а ей опять придётся мучиться от ожидания прихода домой Констан- тина, подбирая самые укоризненного качества слова. Ну, а зная отлично Константина, Лилиан совсем не уверена в том, что Константин и вечером не попытается избежать назревшего между ними разговора – он может заглянуть в бар с приятелями, тем более есть такой веский повод для этого, – меня моя гримза окончательно заела или достала, – а там уже нет смысла для обстоятельного разговора с ним, и придётся всё откладывать на завтра. А к этому завтра уже утратится былая эмоциональная актуальность вчера, которая должна разрешаться именно

по горячим следам, чтобы было тепло и сладостно в душе от своего взбешённого состояния, после которого наступят те самые мгновения успокоения души, за которые и любит Лилиан всю эту бурю своих эмоций. В общем, или сейчас должен состояться разговор с Константином или никогда.

И вот когда Константин уже было собрался вздохнуть с лёгкой душой, – вот она дверь, ведущая на улицу, – как к его полной неожиданности ему дорогу преграждает выбежавшая в одном negligé Лилиан. При виде чего Константина застопорило на месте, – видимо он не такая уж и бесчувственная скотина, и в нём ещё сохранилось место для удивления, – и он, раскрыв рот, принялся любопытствовать в сторону раздетой Лилиан, выясняя для себя, а иногда и вспоминая, что да как и на месте ли.

А Лилиан, между прочим, так себя продемонстрировала перед столь завидущими и до всего им есть дело глазами Константина не для его развлечения, а этот её подход к нему нёс в себе достаточно конструктивную мысль. – Вы, Константин, человек толстокожий, с не пробивным характером, должны для себя уяснить: нам сейчас же нужно всё между собой выяснить. И это не требует отлагательств. А иначе, зачем я так бездеждно вырядилась ещё с вечера, а вы, холодный человек, этого и не заметили.

Константин же всё отлично понял, что от него хочет Лилиан, но как человек сам себе на уме, для которого слова жены всегда стоят на последнем месте по её уверениям, делает не просто непонимающий вид, а он всё так ловко переворачивает, что Лилиан сразу и найтись не смогла, что ему на это его последовавшее предложение, извратившее всё её послание, ответить.

– Что, вернёмся обратно в спальню. – Вот так прямо в лицо Лилиан, это своё переиначивание её понимания, говорит Константин, и при этом с таким многозначительным видом, как будто он и не сомневается в верности своего понимания желаний Лилиан. А Лилиан со всей своей неодетой очевидностью действительно сложно что-либо противостоять этой самонадеянности мысли Константина, которая вон куда его далеко завела.

И Константин вполне резонно, с обидой в лице и голосе, в ответ на её аргументированную претензию: «Вы, Константин, меня совершенно неправильно поняли. А если у вас на уме только одно, то это говорит лишь о степени вашего нравственного развития», может заявить. – А как я ещё всё это должен понимать, когда мои ответные рефлексy так мотивируют на свою работу. – Затем Константин с заговорщицким видом наклонится к Лилиан, и когда она в ответ к нему лицом подтянется, – что поделать, такой уж сильный магнетизм источает собой Константин, вечно притягивая её к себе, – тихо прошепчет ей на ухо. – И скажу по секрету, мои рефлексy отлично работают. – После чего Константин, не сводя своего взгляда с Лилиан, медленно отодвинется от неё и, заняв прежнее положение, будет целеустремлённо смотреть на Лилиан. А Лилиан, сбита с толку его стоящим в глазах магнетизмом и далеко ведущим, прямо в спальню, заявлением, стоит в полной своей раздетости и растерянности, еле сдерживаясь оттого, чтобы не посмотреть на то, как работают рефлексy Константина.

А Константин всё это видит и своей безынициативностью доводит Лилиан до его полнейшего непонимания, и следствием всего этого, крайней степени взбешённости. – Не поняла, это что, всё?! И зачем спрашивается, всё это говорить, да ещё шепотом на ухо, если не собираешься... – Но знаковый кивок Константина в сторону очень знакомой для Лилиан комнаты, в момент сметает все эти её мысли и разумение, приведя к головокружению и сумбуру всё что у неё до это поместилось из разумного в голове, и она понять даже не успела, как оказалась в той знаковой комнате, на которую указывал взгляд Константина. А затем она мало что помнит из всего того, что там происходило, пока перед её глазами не вырисовывается силуэт Константина, опять куда-то наострившего лыжи.

– И куда ты собрался? – голосом смягчённым обстоятельствами пребывания в тёплой постели, спрашивает Константина Лилиан.

– Разве я тебе не говорил, – удивлённо говорит Константин, – меня ждёт клиент. – С чем Константин её оставляет, но только не в этой реальности, где Лилиан сильнее озлоблена на Константина, и её на такие хитрые уловки не подловишь. И она в ответ на это заманчивое во многих смыслах предложение Константина не клюёт, а делает своё ответное предложение.

– Лучше на кухню. – Говорит Лилиан. Правда, зная извращённый ум Константина, есть своя опасность того, что он это предложение Лилиан поймёт в том прежнем смысле, ведущим их в спальню, и тогда от Константина не дождёшься конструктивного подхода к тому, на чём настаивает Лилиан. Но Константин на этот раз не проявил свою завидную дальновидность, а с неполным пониманием предложения Лилиан, переспросил её. – В кухню?

– Всё верно, туда. – Уже спокойным голосом сказала Лилиан. А вот Константин и не понимает, откуда у Лилиан такая страсть к кухне, когда она и готовить не сильно-то любит (он не может себе врать, когда столько раз это от неё слышал) и поесть для неё целое испытание, – жизнь Лилиан протекает в беспощадной борьбе со своими лишними килокалориями (слышите! Кило, а не просто калориями). И если уж рассматривать кухню с объективной точки зрения, ни тебе, ни мне, то она всей своей начинкой и душой ближе ему, Константину, совершенно не боящегося заглянуть в холодильник и прихватить оттуда себе в рот чего-нибудь перекусить, и не страдающего от избытка холестерина, которым пугают потребителя производители рафинированных продуктов.

И вот это-то и обидней всего для Лилиан, которая из чувства противоречия, а не какой-то там генетической памяти, и решила под себя подмять кухню, где своими разговорами на актуальные и не требующие отлагательств и само собой возражений Константина темы, отравила всё его нахождение в кухне, отныне потерявшей для него свою прежнюю привлекательность, даже в виде прожаренного куска мяса. – Я так скоро стану вегетарианцем. – Со временем Константин начал о чём-то таком догадываться, проходя мимо кухни и не заглядывая в неё для более глубокого и содержательного изучения содержимого холодильника.

– А может она таким затейливым способом добывается от меня своей поддержки в её борьбе со своими лишними килокалориями. Сама же говорила, что ей невозможно удержаться от того, чтобы чего-нибудь не прикусить, при виде того как я расправляюсь со всем этим сочным и жареным блюдом. Вот же святая и жестокая в своей наивности простота! – Противоречивые чувства накрыли Константина, не знающего как к этому отнестись – оставить всё как есть и мясо не есть, или из чувства самосохранения, через силу идти в кухню и есть. Ведь Лилиан, как свойственно представительницам её рода, на одном никогда не останавливается, и если она добилась для себя успеха на одном направлении, то она обязательно прибегнет к этому показавшему свою эффективность приёму и в других случаях. И видимо Константин не послушал голос своего разума и всё пустил на самотёк, раз Лилиан сейчас стоит здесь и требует от него сдачи всех своих позиций на кухне.

– Только после вас. – Константин решает проявить галантность, препровождая проход вперёд Лилиан руками. Лилиан было собралась принять это его предложение, но тут её что-то насторожило во взгляде Константина, который вскоре окажется к ней не лицом к лицу, а скажем так, с обратной стороны Луны. И как только она поняла всю бесстыжесть (и это жуть), Константина, замешанную на коварстве, решившего воспользоваться её доверчивостью к нему, и по облизываться в своё удовольствие за её спиной (она слышала, что вот таким любвеобильным типам, как Константин, особенное удовольствие доставляет облизываться за спинами эффектных девушек), то она переменила своё мнение о Константине, вдруг решившего себя выдать за джентльмена.

– Не джентльмен вы, Константин, а самый что ни на есть бабник, который взял на вооружение джентльменские штучки, чтобы вскружить голову благородной леди, желающего при всём своём итоговом паскудстве выглядеть в их глазах и глазах общества, человеком с незапятнанной честью и неприступного для поклёпов благородства, – я вам, леди, никогда не обе-

щал быть дураком и простофилей (я сэр Антон, а не ваш любимый Филиппок), чтобы взять на себя обязательства на последствия ваших необдуманных поступков приведших вас, человека самодостаточного, а у меня лишних пенсов нет, в мою постель, а затем и в материнство. Хотя это тоже самое. – Сделала свои, как всегда противоречивые и замыкающиеся на одном выводы Лилиан. С чем она даёт понять Константину, что это его предложение её не заинтересовало, а так как Константин находится ближе к двери, ведущей на кухню, то ему и идти первому.

– Как скажешь. – Явно притворно улыбнувшись, и Лилиану в этом никто не переубедит, сказал Константин, и было уже собрался повернуть в сторону кухни, как вдруг его взгляд останавливает некая для Лилиан неизвестность за её спиной и на лице Константина появляется своё затруднение. Что вводит Лилиан в напряжение и она спрашивает Константина. – Что ты там увидел?

А вот ответ Константина не только ничего не объясняет, а он ещё больше размывает понимание Лилиан Константина. – Дверной глазок. – Говорит с напряжением в голосе и на пониженных тонах Константин.

– Глазок? – ничего не понимая, переспрашивает его Лилиан.

– Всё верно. – С той же звуковой затаённостью говорит Константин.

– И что? – продолжает недоумевать Лилиан.

– Это ведь глазок. Он всегда смотрит. – Многозначительно говорит Константин, с тем же значением посмотрев на всю в общем Лилиан. И Лилиан поняла-таки, что имел в виду Константин, выражая эти свои опасения. А как поняла, то вдруг ощутила себя не одетой под взглядом этого глазка. И хотя эти слова Константина можно было принять за полную глупость, как можно в глазок заглянуть с обратной стороны, чтобы различимо в него увидеть то, что делается, а иногда творится для будущих поколений на другой стороне этого мировоззрения, всё-таки Лилиан, большая любительница женских детективных романов, где об извортливости мужского пола и его всевидящего ока всё описано, к ним отнеслась с полной серьёзностью.

И Лилиан со словами: «Никуда не уходи, я сейчас», уносится в спальню, чтобы, значит, там приодеться. А Константину, человеку не холостяку, а точнее женатику, пресытившемуся семейной жизнью и, уже не испытывающего остроты былых влечений и поползновений в сторону своей супруги, готовой для него вон даже на какие, в неглиже поступки, видимо только этого и надо было (теперь, как будто время потекло вспять и откровенность отношений вела не к полному раскрытию себя перед своей второй половиной, а к приодеванию этих отношений). И он не стал дожидаться Лилиан, а тут же воспользовался тем, что она освободила собой проход к входной двери, расстояние до которой он сократил в одно мгновение. А когда Лилиан выскочила в халате в коридор, то её в прихожей уже никто не ждал.

– Вот значит как. – С холодной злостью глядя на дверной глазок, сквозь зубы процедила Лилиан. – Ну, теперь ты у меня дождёшься. – А вот этот её эмоционально прозвучавший посыл, в виду своего многозначения, до своей поры до времени, будет сложно в точности уразуметь.

А Константин уже и не может всё это слышать, он уже далеко зашёл в своей слуховой бесчувственности по отношению к Лилиан. И он ничего бы и не услышал из её сказанного, даже если бы Лилиана подошла к этому своему делу более ответственной. Где она, выбравшись на балкон, принялась бы с него истошно, матерными словами смазывать дорогу Константина так для него убедительно, что на него все вокруг с укором и недовольством смотрели как на последнего негодяя, бросившего там, наверху, совсем одну свою девушку, которая ради него так расстаралась, что некоторые встречные люди губы прикусили в зависти, а он ей так за это отплатил (это как понимается, что Константин был бескорыстен), и как всему итог, Константин бы поскользнулся об свои ноги и разбил бы свою пустую голову.

Но Константин совсем не зря имеет профессиональное отношение к сфере страхования, и он, если не каждый свой шаг просчитывает, то вот такие острые моменты, ведущие прямой дорогой на скользкие отношения своих ног с той дорогой, куда вступает его нога, а дальше

на больничную койку, он просто обязан предусмотреть и предупредить для себя. Так что Константин, после небольшого ускорения, необходимого ему для того, чтобы не оказаться в эпицентре действия звуковой волны, которой сотрясёт воздух вокруг себя Лилиан, когда достиг по его расчётам безопасного для себя места, то остановился на краю мостовой, у одного из ларьков по продаже прессы, чтобы перевести дух и, ободрённый этой своей мелочной и по своей сути, подленькой удачей, прищурил глаза и с радостным лицом обратился к солнцу.

Но Константин рано так обрадовался и к нему тут же изнутри постучались, и своим внутренним голосом укорили за эту его беззаботность, до которой он дошёл столь нечестным путём. «Да уж, Константин, силен ты духом, – как всегда совесть привнесла свою ложку дёгтя». И передёрнувшись в лице Константину, уже это начинает надоедать – ни одного слова поддержки от неё не услышишь, одни только унижения и оскорбления. У самой, наверное, несварение желудка, раз из неё одна желчь вечно лезет, или она вечно жрёт всухомятку всякую гадость, а все (Константин и его составные части) из-за неё потом мучайся.

– А такие конфликтные случаи, ни одним страховым случаем не предусмотрены и не предусмотреть. – Для начала Константин себя успокоил по поводу всех этих домашних неурядиц. После чего Константин уже было собрался заметить своей совести, что это не её ума дело, как для него сейчас вдруг и очень неожиданно, – а так-то этот момент вполне был предсказуем, – раздаётся сигнал звонка телефона из кармана его плаща. – Вот чёрт! Нашла! – перво-наперво, в Константине под звук смеха его совести, заголосили эмоции. И это были те самые эмоции, под которые человек редко может себя сдержать оттого, чтобы не одёрнуться лицом в испуге и не продемонстрировать всем своим телом один из танцевальных элементов из брейк-данса (он называется роботоинфицированный человек, то есть киборг).

А вот следующая вопросительная мысль Константина была уже более разумной. – И как я этого не предусмотрел? – спросил себя Константин, всё равно считающий, что это не потеря им своей страховой квалификации, а это сбой в его программе Лилиан, которая кого хочешь выведет из себя и собьёт с истинного пути. Но всё это мало имеет отношения к голосящему звонку телефона, который всё настойчиво звонит, и как заодно Константином понимается, настоятельно предупреждает Константина не делать ещё больших глупостей и игнорировать этот звонок. И перед Константином в один момент предстала Лилиан во всём одетом, с трубкой телефона у уха и с саркастической улыбкой на лице, говорящая ему:

– Константин, ты же меня отлично знаешь. Так что будь паинькой и возьми трубку.

И Константин, как бы ему не было сейчас спешно и неудобно отвечать на её звонок, – он, может быть, в этот момент перебегает проезжую часть в неположенном месте или находится на совещании у начальника, – ничего с собой не может поделать, уж очень под большим влиянием своей супруги он находится, а точнее её любит, и протягивает свою руку в сторону кармана, откуда вскоре вынимается голосящий телефон. После чего Константин, даже не убеждаясь в том, что ему звонит именно Лилиан, – а кто ещё может звонить вот в такие, подловившие тебя на неожиданности случаи, только самый нежелательный сейчас для тебя человек (есть ещё случаи с неожиданными людьми, но это такая редкость, что Константин счёл за лучшее, не принимать их в расчёт), – с глубоким выдохом нажимает кнопку ответа и, поднеся к уху телефон, со сквозящей в голосе безнадёжностью отвечает:

– Я слушаю.

Что видимо на той стороне телефонной связи заметили, – а этот звонок, как уже можно догадливо предположить, исходил не от Лилиан, – и вместо своего приветствия, с нескрываемой иронией поинтересовались. – Я что так безнадёжно? – Константин, услышав в ответ совершенно не тот ответ, какой он ожидал услышать, да ещё к тому же не оттого человека (это значит, что ожидаемый им ответ просто откладывается на потом), не сразу может сообразить, кто с ним говорит. Отчего он отнимает трубку телефона от своего уха, подводит экран телефона к лицу, смотрит на него и видит на нём высветившийся незнакомый номер. Это ему объясняет

лишь то, что с ним сейчас говорит не Лилиан, а незнакомый тип, а вот всего другого не объясняет. И Константин, для того чтобы выяснить всё остальное, подносит телефон обратно к уху и собирается было спросить своего собеседника из трубки, а часом он не ошибся, а если это так, то чем обязан, но тот выказывает себя с более проворной стороны и со смехом перебивает его намерение так с ним вопросительно поговорить.

– Что, обознался? – усмехается тип из трубки. – Пришлось даже на экран смотреть. – А вот такая проницательность этого человека из трубки заставила Константина не просто занервничать, а он и сам не знает, как так вышло, принялся себя глупейшим образом вести. Так он стал оглядываться по сторонам, в поиске того, кто бы это мог с ним сыграть эту штуку. А как он в такой не останавливающейся массе народа узнает того, кого он с виду не знает, а по одному голосу визуально не узнают.

Ну а тот тип из телефонной трубки и этот манёвр Константина предусмотрел, а может быть, хорошо где-то спрятался и всё с Константином происходящее воочию видел, и он со всё тем же противным смехом, прямо издевательски в трубку говорит. – Думаешь, сумеешь меня таким образом найти. – А Константин как раз ничего не думает, вот он почему так себя растерянно ведёт. А если подумать, то и непонятно становится, отчего он так растерялся.

И Константин, наконец, собирается с самим собой, полностью останавливается, делает замедляющий внутренние мысленные процессы вдох успокоения, и обращается к трубке. – Может быть, перейдём к вашему делу, по решению которого вы обратились ко мне. – Ну а тот тип из трубки вот так сразу не может успокоиться, и он, для начала заметив Константину, что он тоже так поступает для своего успокоения, – я встаю строго напротив источника всех начал, закрываю глаза и наполняю себя живительным эфиром, – в итоге всё же переводит разговор в конструктивный ключ.

– Прежде чем я отвечу на этот вопрос, – голосом в момент переменившимся в саму суровость, проговорил человек из трубки, – я не должен ошибиться, что я разговариваю именно с тем человеком, которого мне порекомендовал случай. Так вы тот самый человек? – уж очень непонятно для Константина и странно говорит и спрашивает его человек из трубки. И Константин в определённом замешательстве насчёт ответа этому странному типу.

Но отвечать что-то нужно, и Константин даёт свой ответ. – Не знаю, что вы имеете в виду под всеми этими своими непонятными мне оговорками, скажу лишь одно. Меня зовут Константин Дром. Я специалист по продажам страховых случаев (на этом моменте Константин слегка оговорился, что уловилось обоими участника этого разговора – в трубке раздался хмык того типа). Если вы искали меня, то я вас слушаю. – Дальше следует молчаливая пауза, где каждый из замолчавших собеседников раздумывает над словами Константина, и в частности над этой его знаковой оговоркой: «Специалист по продажам страховых случаев».

Он что, страховые случаи предлагает, а не страховые полюса, где предусмотрены эти случаи. Но тогда даже если представить гипотетически что это всё так, то чем мотивируются люди, обращаясь к нему за предоставлением им этих страховых случаев? А разве непонятно. И точно. И вот когда это непонимание оформилось в вопрос, то всё сразу стало на свои места. Страховые случаи куда как больше востребованы, по причине их высокой оплачиваемости в будущем сторонней стороной. И значит, появившись на рынке страховых услуг такой специалист, то он точно без работы не останется. И такие специалисты, пожалуй, уже появились. И они, скорей всего, не желая делиться своими высокими доходами с налоговой службой, скрывают этот род теневой деятельности.

Видимо о чём-то подобном соображал там на своей стороне незримый собеседник Константина, пока не сообразил, что пора бы перейти к тому своему делу, по поводу которого он набрал номер этого Константина. А насчёт тех его, оговоркой озвученных услуг, то он ещё над этим предложением подумает. И он не может не подумать, ведь этот человек из трубки был со своим странностями, он каждому слову и поступку человека придавал своё знаковое значение

(«Иногда из нас прорывается наша внутренняя суть и таким, оговаривающим себя способом, подаёт свой голос истинности, – говорил он») и всегда человека слушал – чем невероятная странность для современного человека, давно уже разучившего понимать значение друг друга, а уж слушать, то с какой это стати.

– Вот такой специалист мне как раз и нужен. – Сказал незримый собеседник Константина. – Как насчёт того, чтобы встретиться? – задался вопросом человек из трубки.

– Я должен сверить свою занятость с головным офисом. – Ответил Константин.

– Я, наверное, поступил несколько опрометчиво, заранее себе позволив сверить ваш рабочий график, – проговорил в трубку неизвестный, – но что поделать, такой уж я несносный и нетерпеливый человек, – усмехнулся неизвестный, – так что могу вам сообщить хорошую новость (хотя может быть только для меня), у вас сегодня нет никаких запланированных встреч. – Здесь следует недолгая пауза, необходимая для обоих участников разговора. Где собеседнику Константина эта пауза была не столь необходима, а если и была нужна, то и не понятно для каких целей. А вот Константину она действительно была нужна – чтобы попытаться понять, что, собственно, сейчас происходит и что себе позволяет этот тип с той стороны беспроводной связи.

И понятно, что Константин так и не смог уразуметь, что всё это значит, и каким образом, его собеседник сумел добиться того, чтобы ему в их офисе такую информацию сообщили, если, конечно, он не соврал, чтобы ... вмешаться в его рабочие и вполне возможно, что и жизненные планы, а может он привык везде без очереди лезть. А это никак не выяснить, не позвонив себе в офис, что совершенно невозможно сделать сейчас по той причине, что телефон, с помощью которого это можно было бы сделать, сейчас используется Константином в разговоре с этим загадочным типом. И обо всём этом, если не знает, то определённо догадывается незримый собеседник Константина, который посчитав, что достаточно дал времени Константину на раздумье, вновь берёт слово.

– Вы совершенно не обязаны верить мне на слово, – заговорил неизвестный из телефона, – никто не застрахован от мошенничества, и тем более на доверии. Кто знает меня, кроме самого меня, – усмехнулся неизвестный, – и не хочу ли я таким способом провернуть некую схему по краже вашего времени. Так что я не буду вас винить в том, если вы отнесётесь к моим словам со своей профессиональной предвзятостью, настороженно, и вначале проверите их на соответствие действительности, а затем свяжитесь со мной, потеряв тем самым драгоценное время. Но если вы поверите мне на слово, без всяких доказательств, и тем самым продемонстрируете редкое на сегодняшний день качество доверия, то я буду вам немало обязан. – А вот это предложение незнакомца прозвучало как предложение выбора. И хотя незнакомец только вскользь, очень уж туманно объяснил, что последует после того сделанного Константином выбора, Константин уже догадливо понял, что его ждёт в следствии того или иного выбора.

Если он скажет, что ему всё-таки нужно связаться с офисом, чтобы поставить их в известность о своих новых планах, то незнакомец ничего не будет иметь против и даже выразит своё согласие: «Да-да, я всё понимаю». Но после этого Константин уже никогда о нём ничего не услышит, со всё тем же бесполезным результатом пробуя дозвониться в неизвестность, ответом из которой будет своя однозначность – абонент находится вне действия твоей сети, Константин. И Константин никогда не узнает, что от него хотел этот странный и таинственный человек. А вот если он ему поверит на слово, то... – Я к вашим услугам. – Недолго думая, дал ответ Константин, в последнее время, а точнее со вчера, решивший доводить все дела до конца и не откладывать на потом то, что вызывает трудности.

– Я знал, что вы так ответите. – Обрадовался человек в трубке, после чего он называет Константину адрес, где его не только ждут, а к этому всё готово. – Для вас выписан пропуск на пункте пропускного контроля. – Сделал немаловажные уточнения незнакомец. На чём они с Константином и расстались на то время, которое понадобится Константину, чтобы добраться в

центр деловой жизни этого города, ещё по традиционному разумению деловых людей и людей очень близко находящихся к принятию глобальных решений на финансовых рынках, называемое «Сити».

А вот то, что озвученное незнакомцем место ожидания Константина находилось в одном из небоскрёбов этого «Сити», по особому приободрило Константина, никогда не бывавшего в тех высотных далях, и видевший все эти подпирающие небо виды небоскрёбов «Сити», только из телевизионной картинки или из своего далека. И хотя Константин был по особому любопытный человек и всё собирался посетить своим близким вниманием этот центр деловой жизни, – во всех других центрах он уже побывал, – как-то всё на это времени у него не выпадало, а особой мотивации для этого не было (Константин не только не владел пакетами акций, евробондами и языком транскрипций, а он и самими простыми мажоритарными знаниями не обладал в этой области жизни), вот он так и не смог добраться со своим любопытством до этих мест.

Ну а сейчас для этого у него появился не только повод, но и возможно, что очень хороший для него повод, и Константин решил не скупиться на такси и вызвал такси. Пока же такси до него добиралось, Константин, глядя на тёмный экран своего телефона, раздумывал над тем, позвонить ли ему сейчас в офис своего страхового агентства и сообщить о своём заказе, или же не звонить.

– Что-то мне подсказывается, что этот тип не одобрил бы этот мой звонок. – Рассудил про себя Константин, покосившись по сторонам, в попытке отыскать кого-то такого, кто бы не гармонировал своим странным поведением с окружающим, и тем самым Константин мог бы для себя закрыть один вопрос – как тот тип сумел увидеть, что он делает в тот или иной момент. Но всё бесполезно, когда сама окружающая действительность, уже не обладает прежней статичностью и она так быстро меняется, что ещё вчера казалось странные вещи, сегодня уже видятся как само собой разумеющимся фактом реальности, и наоборот.

И Константин перестал высматривать такого человека со стороны, кто мог бы наблюдать за каждым его шагом и собрался уже вернуться своим вниманием к телефону, как вдруг натолкнулся на то, что так и не узнал имя человека из трубки. – И что я скажу на пункте контроля, если они меня спросят: К кому я иду? – в момент разнервничался Константин, не понимая, как так могло случиться. Но подъехавшее такси не дало возможности Константину убежать от своего заказа, и он, следуя инерции, садится в такси и довозится им до этого «Сити». Здесь дорожки таксиста и Константина расходятся, и если таксист поехал по следующему вызову, то Константин, продолжая нервничать, направил свой ход к самому из всех здесь построенных зданий монументально выглядящему и прямо в небо упирающемуся.

И как внутренним чутьём Константина ему подсказывалось (он часто паникует, но не менее часто не зря), то указанное место тем типом, где его будут ждать, будет находиться, как раз в самом фешенебельном из самых фешенебельных зданий. Что в итоге так и оказалось.

И Константин, когда на месте в этом убедился, то остановился чуть отдели от входа в это здание, да и решил со стороны на себя и на это здание посмотреть. И если на себя, столь ничтожного и мелкого в своей относительности к этому зданию, где на одном только этаже может расположиться и расположилось с тысячу вот таких как он мелких людей и плюс с десяток другого обширного уровня господ, нет особого смысла долго смотреть, то само здание, представляющее собой научно-техническую мысль, оформленную в стекло, металл и бетон, хотя бы из-за своей выразительной архитектуры заслуживает того, чтобы на него задрал голову ввысь, посмотрели несколько больше времени, чем на всякую мелочь у его подножья.

А сколько нужно так смотреть, то пока голова у тебя не закружится и тебя не обуяет довольно странное для тебя, до этого тобой незамеченное желание, стать частью этого здания. Или другими словами, ты вдруг осознаешь, как тебе наскучила вся твоя приземлённая жизнь, где идёт всё ровно, и нет тех стремительных взлётов и таких же яростных падений после того,

как маятник удачи, сопровождающий жизнь деловых людей из биржи, качнётся то в твою, то в обратную сторону (в сторону биржевого падения и его следствия, брокеров из окна), и ты захочешь сейчас же попытать удачу и сыграть на бирже.

– Терять мне особенно нечего, я и так в самом низу пищевой цепочки местного ореола существования, – окинув себя взглядом со стороны, где и не видно ничего такого достойного, что могло бы внушить уважение этим шныряющим в разные стороны людям в дорогих костюмах, со взглядами презрения к такой жизни что у тебя, Константин или кто другой на его месте приходит к бесповоротному решению – попробовать ухватить удачу в виде птицы счастья за хвост, – к жёсткости местного нахождения я привычен, – пристукнув ногой об мостовую, рассудит этот решительный человек, готовый превозмочь себя и всех кто встанет на его пути, – так что падать я уже знаю куда, и меня этим не удивить. А это значит, что я готов подняться к самым звёздам. – Константин сжимает руки в кулаки и с твёрдым убеждением войти в это здание и достичь в нём самых поднебесных высот, направляется ко входу.

И если, как правило, все эти убеждения людей сторонних от этого мира скупых людей, ограниченного их финансовым капиталом и их вкладом в него, вдруг решивших мыслить о себе по другому, сразу же разбиваются на пункте пропускного контроля, где их отчего-то совсем не признают за своих и не пускают внутрь (да ещё и норовят поддать под зад словом и взглядом), то вот с Константином всего этого не случилось, и его не сразу погнали взашей отсюда.

Правда, поначалу всё и шло к тому, чтобы Константина, чью ничтожную для этого мира сущность и невооружённым взглядом легко было распознать и видно, – а на пункте пропуска находились люди всё больше вооружённые, и не только своим всё распознающим взглядом, – немедленно развернули обратно и отправили гулять на все четыре стороны.

Так Константин, сразу замеченный на входе сотрудниками охраны, был взят ими на особый контроль, ощутив на себе это повышенное внимание сотрудников службы безопасности, вдруг растерялся и у него от его былой уверенности, покорить все вершины мира, не осталось и следа. Ну а на место уверенности тут же поселилась растерянность (свято место пусто не бывает, или по природному, природа не терпит пустоты), которая тут же подмяла под себя Константина в коленях (растерянность на самом деле куда сильнее, чем уверенность, которая всегда опирается на человека, тогда как растерянность на безумство духа – люди, пребывающие в таком безумном неосознании себя, всегда выказывают себя сильнее) и вогнала его лицо в испуг. Что сразу выдает в нём человека здесь нового, которому необходима помощь в ориентировании себя на этой местности. А это входит в прямые обязанности людей из службы безопасности, только и поставленные сюда, чтобы направлять людей, заблудившихся, в правильное русло.

И не успевает Константин, оказавшийся в прямой близости от пропускного пункта, раскрыть свой рот, чтобы поинтересоваться о правильности своего прибытия, как к нему, с подчеркнутой своим устрашающим видом вежливостью, обращается один сотрудников, интересующийся о цели его прибытия в это место. А Константин действительно растерялся на первое время и сразу не может сообразить, с чего начать. И главное, что его сбивает, так это то, что он не знает имя того, кто ему звонил. И если у него сейчас спросят: «Вы к кому?», то, что он им ответит на это.

– Так и запишите у себя в журнале посещений. Неустановленное лицо, но с хорошим чувством юмора и даром убеждения. – Типа что-то такое скажет Константин. А если это всё какой-то злой розыгрыш, который ему устроил...ла...Лилиан. – Неужели, это она?! – а от такого озарения Константин и вовсе онемел от умственного ступора, и ясно, что от него ничего толкового не стоило ждать, а одно только недоразумение, требующее от сотрудников службы безопасности большой выдержки и силы воли, чтобы удержать себя в рамках металлоискателей.

И у старшего поста, Николая Некливидова, при виде Константина, сразу же зачесались руки в кулаках, предчувствующих несговорчивость этого заблудившегося типа, который ясно, что простых слов не понимает, и от него стоит ждать сложностей неизвестного порядка. Но Николай никого не боится вообще, и он готов применить любой силовой приём при надобности, и только больших умников он слегка опасается, на чьей стороне находятся требования внутренних инструкций, всегда держать себя в рамках металл-детектора и приличий.

И этот Николай, как и ожидал Константин, обратился к нему с тем самым вопросом, которого он больше всего опасался. – Вы к кому? – Ну а Константин в ответ замешкался и ещё больше заволновался лицом, чем ещё больше привлёк к себе внимание Николая и напряг мышцы его рук. Что может ещё не так страшно, раз он находится вблизи от Николая и держится им под контролем, но вот когда Константин стал озиаться по сторонам, то это бросило в холод Николая, по учебным и художественным фильмам знавший, что могут означать эти взгляды. Перед ним не просто никчёмный прохожий, а это подрыватель всех основ благополучия современного общества, чьим фундаментом являются вот эти здания финансового сектора. И этот подрыватель подаёт сигнал своим сообщникам, чтобы они приступили к своей миссии, нажали ту кнопку, которая приведёт к взрыву. И у Николая нет другого выхода, как только зажмурить глаза (не любит он яркий свет) и достойно встретить эту вспышку света.

Но эта первая, уж очень сумбурная мысль Николая, при виде всех этих головных движений Константина, не получает продолжения, так как Константин, а для Николая подрыватель его настроения, хоть и сбивчиво, но выдаёт свою версию своего появления здесь. – Меня пригласили, и сказали, что на моё имя должен быть выписан пропуск.

– Наверное, их цель не обычные охранники и люди попроще, а кто-то кто повыше. – Решил про себя Николай, нисколько не веря Константину, а точнее подрывателю. И этот подрыватель подошёл к своему подрывному делу не по-дилетантски, а он основательно к нему подготовился. Вот даже выдумал для своего прохода версию. – Что ж, посмотрим, насколько убедительной окажется твоя легенда, человек по вызову. – Усмехнулся про себя Николай и предельно вежливо обратился к Константину. – Ваше имя? – спрашивает Николай. А Константин из-за своей растерянности сразу и не сообразил, для каких целей у него его именем интересуются. Так что его ответное недоумение со своим вопросом: «Моё имя? Зачем?», сразу всё расставило для Николая по своим местам. – На понт хочет меня взять. – Усмехнулся Николай, продолжая свою игру.

– Всё верно, – сухим на эмоции голосом говорит Николай, – мне нужно знать ваше имя, чтобы сверить его с выписанными пропусками.

– А! Понял. – Продолжает играть простачка этот подрыватель, совершенно не догадываясь о том, что Николай уже его вычислил. – Константин Дром. – Говорит Константин. Николай в свою очередь нисколько ему в этом и вообще не верит, – назовись ещё инвестором, а я поверю, – но виду не показывает, и держа его под контролем обзорного зрения, опускает глаза в журнал пропусков, и вот же незадача, обнаруживает там один в один такое же имя.

Но может пропуск ему выписан по ошибке или каким-нибудь незначительным человеком в этом здании, и тогда можно пропустить мимо это имя и сказать этому типу, что он верно ошибся столь много о себе возомнив и было бы неплохо, если бы он взялся за ум и покинул пределы этого здания по-хорошему. Но к полному непониманию Николая, – а он два раза прочёл имя того от кого поступила заявка на пропуск, – пропуск выписан не рядовым главой какого-нибудь финансового сектора, а одним из тех людей в этом здании, чьи слова всегда служат руководством к действию. И тут нужно либо исполнять то, что тебе скажут, либо идти на вольные хлеба.

И теперь уже Николай пребывает в крайней степени затруднения. Он не знает, как на это реагировать, если он уверен в том, что этот тип перед ним, есть подрыватель, с планами всё

здесь к чёрту взорвать, а вот запись в журнале настаивает на другом. И при этом приоритетным правом голоса обладает запись в журнале, а не он.

– Я вас провожу. – Делает ход конём Николай, решив довести этого типа до места его приглашения. – Если что, то я всегда успею скрутить этого гада. – Решив стать героем, Николай покидает своё насиженное и оттого тёплое место за стойкой пункта пропуска, и, передав всю ответственность за пропуск сюда людей здесь лишних на своего коллегу, но только ниже рангом, выдвинулся препровождать подрывателя на один из высших этажей этого здания. Где по его информации из источников заслуживающих доверия, занимают свои этажи руководители высших уровней. – Все сплошь гениального звания генеральские личности. – По секрету поделилась своими знаниями с Николаем и ещё с парой сотрудников из той же службы, заинтересованных в такого рода знаниях, уборщица Лида.

Впрочем, Николай свои знания черпал не только из такого рода источников, наиболее близко находящихся к действительным знаниям, а он также информировал себя с помощью служебной инструкции и находящегося в его распоряжении списка лиц, которых он должен знать всех поимённо в лицо и за кого он несёт персональную ответственность. Где он ни в коем случае в себе не должен ошибиться, когда это лицо вдруг на входе появится, а он его не узнает, и не только пропустит мимо, не выразив готовность во всём помочь, а ещё перегородит путь и затребует от него удостоверения своей личности.

И вот одним из таких значимых для всех и само собой и для Николая лиц, и при этом можно сказать, самым важным, был тот, кто выписал пропуск для этого, теперь совершенно не идентифицируемого Николаем типа, ранее им принимаемым за подрывателя, у которого он по этой важной причине, и забыл потребовать какой-нибудь документ, наглядно доказывающий, что он есть тот самый Константин Дром, на кого и был выписан пропуск, а не какой-нибудь другой Дром-подрыватель.

И хотя продемонстрированное Константином по ходу своего движения, нескладное, более чем подозрительное поведение указывало на то, что Николаю неминуемо придётся вступить в схватку с этим типом, чтобы предотвратить некую катастрофу, и Николая одно только беспокоило, успеет ли он это сделать до взрыва, всё в итоге привело к тому, что они прибыли на один из самых верхних этажей здания. Где, как оказывается, этого Константина с распростёртыми на лицах дежурными улыбками ждали, и радостно приветствовали сдержанным видом, не отходя от рамок делового этикета: лёгкий поклон с серьёзным лицом и видом. После чего, со словами: «Вам прямо по коридору, затем налево и опять прямо до конца коридора, где в кабинете для совещаний вас уже ждут», отправляют по указанному адресу. И не успел Николай спохватить этих людей на их неосторожности, как был ими задвинут на задний план лифта и отправлен вниз. Где Николай не удержался оттого, чтобы на время своего огорчения забыть о своём профессионализме и пожелать этим гадам с высоких этажей, там всем к чёртовой матери взорваться.

Константин между тем и не подозревал даже о таком на свой счёт беспокойстве со стороны Николая. Что и неудивительно, раз Константин и никакого Николая в своих знакомых не имел. А сейчас Константин, двигаясь по мягким коврам, препровождающих всякий ход оказавшегося на этом этаже посетителя, – а судя по тому, что ковры были крепко уплотнены, то на них редко вступает нога человека, – начал ещё больше, правда по особенному, волноваться за себя, но уже по другому поводу.

Там, на входе, поводом для его волнения служила его незначительность и мелкота, которая на входе будет принята как самое в нём значительное качество, и поэтому ему путь внутрь здания будет заказан, тогда как сейчас его обуревали обратного рода сомнения. Теперь он опасался некой, ещё даже ему неизвестной значительности, типа суперсилы, которая была кем-то в нём замечена, и теперь по этой причине на него постараются накинуть ярмо. И вот этот-то вопрос, касающийся его супер способностей, чрезвычайно взволновал Константина.

– И что это за способности такие, за которые меня и никого другого, позвали на этот этаж? – с теплотой в душе от осознания своей избранности, не слишком вопросительно, а констатируя факт всего с собой происходящего, задался вопросом Константин.

– Супер способности! Хм. Дурак ты, Константин, и больше никто. – Вот не может быть такого, чтобы изнутри Константина, кто-нибудь да не постучал и не напомнил ему, что он всего лишь человек, и при этом глупый. А Константин и разговаривать не желает с тем, кто не может увидеть очевидности. А очевидность такова – он идёт по мягкому ковру на самом высоком этаже первейшего небоскрёба «Сити», и никто другой. А это одно уже говорит о том, что он не дурак.

На что ответа и не последовало, и не потому, что сказать там нечего было этому самодовольному Константину, а просто Константин практически достиг пункта своего назначения, дверей, которые перед самым его подходом раскрылись (как будто кто-то там отслеживал его ход, и когда Константин приблизился к дверям, то они и открылись). И как только двери раскрылись, то на пороге входа во внутреннее пространство кабинета возник человек серьёзной наружности и внешнего вида, где ничего не было лишнего, одна целеустремлённость взгляда на Константина. Который в один взгляд этого типа был прочитан им и взят на визуальный контроль.

А Константина пробрало холодком этого взгляда, а сам он остановился в ожидании на свой счёт решения со стороны этого типа.

– Проходите, вас ждут. – Подчёркнуто вежливо сказал человек в проходе, пропуская Константина внутрь кабинета. Константин проходит мимо этого типа и только тогда когда его минует и оказывается внутри кабинета, то может сконцентрировать свой взгляд на внутреннем интерьере этого кабинета для совещаний. Впрочем, задерживаться взглядом здесь особо не на чем, сегодня интерьерным балом правит хайтековый минимализм, на котором настаивает экономическая целесообразность.

Так вдоль панорамного окна, являющегося составной частью одной из стен, своё протяжённое место занимал стол с острыми углами, выполненный из стеклянной органики (за ним свои совещательные места занимали рядовые члены совета), который упирался в установленный под 90° стол, место за которым уже занимал глава этого совещательного совета. И на этом как бы всё, если не считать ряда стульев, установленных у стенки напротив панорамного окна.

Константин, быстро окинув внутренний интерьер этого кабинета и, не обнаружив в нём никого из того, кто мог бы его там ждать, – а стулья хоть и фигурально могли бы его ждать, всё же Константину сдаётся, что его сюда позвали не для того, чтобы посидеть на одном из стульев, – собрался было повернуться к тому типу на пороге и поинтересоваться у него, кого он имел в виду, когда говорил такие ожидающие слова на входе, но тут со стороны председательского стола, а если точнее, то от стены, у которой установлен этот стол, краем глаза Константина фиксируется некое движение и он вдруг замечает ранее незамеченное – встроенную там дверь.

И вот эта дверь приоткрывается и из неё плавным шагом выходит человек само спокойствие и основательность, которого ничего в этом мире не беспокоит, и он прекрасно знает, что от чего и куда движется. А обладая такими знания, зачем куда-то спешить, нужно всего лишь идти вот так плавно, как он идёт, со своим временем. И этот выдающийся человек всего в себе высокого, в том числе и роста, как физической необходимости для такой своей высокой содержательности, пройдя в эту дверь, плавно отпускает её на круги своя, а сам бесшумным шагом напрямик направляется к Константину.

А Константин вроде как стоит совсем неподалёку от него, и этот человек находится в полной его видимости, но он почему-то видит только его общий образ, без своей внешней детализации. Правда, когда этот высокий человек к нему приблизился, то Константин успел

для себя заметить острые во всём черты лица этого средних лет человека, явно являющимися физическими выражениями его внутреннего я, тоже во всём резкого и острого.

– Прошу. – Указав на один из ближайших стульев за столом для совещаний, сказал этот высокий человек. И Константин, сочтя нужным принять это приглашение, занимает этот стул, тогда как высокий человек, кивком отдав команду тому типу на пороге, прикрыть дверь, обходит стол и занимает своё место на стуле на другой стороне стола. Усевшись на стул, он выдерживает внимательную к Константину паузу, после чего обращается к нему с вопросом. – Вы знаете, зачем вы здесь? – Что несколько удивительно слышать Константину, знающего лишь одно, что его сюда пригласили.

– А может это ошибка! – Константина опять пробило ознобом сомнения. – Голос этого человека совсем не похож на голос того человека из трубки. И меня, скорее всего, с кем-то перепутали. – Но сейчас уже было поздно, да и возможно, что глупо упускать из рук выпавший шанс. Правда, что это за шанс и к чему всё это может привести, Константин не знал, но его иногда не остановить и он решил рискнуть, если что, то выдать себя за другого.

– Если это не связано с моим родом профессиональной деятельности, то я даже не знаю, что насчёт всего этого думать. – Константин прибегнул к пространным формулировкам. Так что если эти люди насчёт него ошиблись, то он тут не причём.

– Мне нравится ваш настрой на позитив. – Сказал высокий человек без всякого намёка на озвученный им позитив. И при этом совершенно для Константина непонятно, – что он хочет этим сказать?

– Вы как я слышал, – продолжил говорить высокий человек, – специализируетесь в области страховых случаев. Это так? – спросил высокий человек.

– Так. – Подтвердил Константин, догадавшись, что он был принят здесь не по ошибке.

– Я, знаете ли, человек деловой, и, исходя из этой своей данности, подхожу ко всякому делу со своей долей расчётливости. Другими словами, прежде чем я принимаю какое-нибудь решение, я вначале должен предварительно ознакомиться со всеми аспектами предстоящего дела. Так дело обстоит и с вопросом своего страхования. Для начала я должен как следует разобраться, что это на самом деле такое, а уж затем принять для себя решение застраховаться. Я достаточно понятно изъясняюсь? – спросил Константина высокий человек. И хотя, в общем, для Константина всё понятно, – этот высокий человек, несмотря на своё высокое положение в иерархии человеческой жизни, жлоб каких ещё поискать (на всём хочет заработать, экономист чёртов), – его не покидает какое-то странное чувство тревоги. Какая-то странность прослеживается в словах этого человека. Правда, мысль о его жлобстве несколько успокоила и приободрила Константина.

– Этим людям из поднебесья, ничто человеческое не чуждо. Они также как и мы, склонны к дурным поступкам, носятся везде со своей гордыней на лице, пребывают в иллюзии своей богоизбранности, любят посплетничать, и так же неряшливы. – Заметив отсутствие пуговицы на рукаве пиджака высокого человека (на одном рукаве было две пуговицы, а на другом одна, вот и вся неряшливая арифметика), Константин ещё больше приободрился.

– Да, мне всё понятно. – Даёт свой ответ на вопрос высокого человека Константин.

– Тогда к сути моего дела. – Сказал высокий человек. – Я ко всякому делу подхожу системно, с выработкой стратегии и алгоритма дальнейших действий. Ну а так как предстоящее мне дело для меня ново и незнакомо, то я решил начать с малого. Так для начала, я хотел бы сделать небольшой страховой взнос в это незнакомое для меня дело страхования. – Не сводя своего взгляда с Константина, пустился в объяснения высокий человек. А Константин с первых его слов о небольшой взносе, поздравил себя с тем, какой он оказывается пронырливый человек. Мигом распознал в этом типе первейшего скупца и стяжателя. – Что и следовало ожидать. – Горько усмехнулся про себя Константин, уже было обрадовавшись, что здесь-то он сумеет заработать.

Тем временем высокий человек продолжает свои рассуждения. – Так как я всех нюансов дела страхования ещё не знаю, то я решил, что лучше всего к делу понимания процесса страхования подойти путём практики. Что это значит в реальности? Объясню. Я, как лицо, которому желается застраховаться, выбрал для себя одно из направлений страхований. А вы, как представитель института страхования, проведёте меня по всем пунктам этого процесса. Что на это скажите? – задался вопросом высокий человек.

– Мне не совсем понятно, что вы хотите. – Сказал Константин.

– Если вам нужны детали, – сказал высокий человек, откинувшись на спинку стула, – то я хочу найти кролика ... – здесь высокий человек сбился с хода своей мысли, уведшей его и не пойми в какие дали, и задумался. Чем заставил и Константина с некоторым удивлении себя спросить: «Что это ещё за странные причуды?».

Правда, совсем на немного он так отвлёкся. И высокий человек, разобравшись с тем затруднением, которое заставило его запнуться на слове, вновь берёт слово. – Я, видите ли, мыслю проектами, – говорит он, – это я говорю вам, чтобы между нами в последствии не возникло никому не нужного недопонимания, – сделал оговорку высокий человек, – и мой новый проект называется «Совершенная спутница». – Высокий человек сделал целевую паузу для Константина, чтобы он осознал важность этого момента, где его посвятили в одну из тайн людей, стоящих за двигателем этого мира, прогрессом, после чего продолжил. – Любое начинание, а особенно прорывное, не любит гласности, так что я надеюсь на вашу порядочность, – с холодным светом в глазах посмотрел высокий человек на Константина, что того даже обдало холодком, – а с нашей стороны в сторону конфиденциальности этого проекта, уже приняты все надлежащие меры. Так что для всех вы будете наняты, как страховой агент («Платить нормально не хочет, – всё понял за высокого человека Константин»), в чьи обязанности будет входить страховое обеспечение нового проекта. В чём суть проекта, то до поры, до времени, и вашей должной проверки, мы не можем себе позволить раскрывать все его детали. Так что вас посвятят только в часть общего, где для вас будет выделена своя область рабочей ответственности, где вы и будете трудиться. – Высокий человек сделал знаковую паузу и своим следующим заявлением сумел удивить Константина.

– Мы для начала, чтобы убедиться в вашей должной квалификации, решили предложить вам проявить себя в деле страхования брака. Предположим, моего. Ведь если хочешь вникнуть в суть какого-либо дела, то нужно всё через себя пропускать. – Сделал важное замечание высокий человек, после чего пустился обосновывать свой выбор этого предмета страхования. – Мне, кажется, что этот вид страхования (по причине того, что в нём приходится учитывать не только независимые от умственной деятельности человека природные факторы, но и интеллект другого человека) включает в себя все страховые случаи из жизни и, разобравшись с этим страховым случаем, я буду всё знать о страховании. – Константин не скрывает своё удивление и затруднение, вызванное этим странным предложением высокого человека. С коим он, после небольшого размышления даёт ответ.

– Знаете, – заговорил Константин, – я пока ещё не знаю всех деталей вашего предложения, может я в чём-то не так вас понял, но из того, что я от вас услышал, я могу предложить лишь следующее. Лучшей страховкой от негативных последствий брака, служит предварительно составленный брачный договор. А это значит, что по этому вопросу вам лучше всего обратиться в юридическую фирму, занимающуюся данным видом деятельности. Я немного не по тому профилю работаю.

Но у высокого человека на это имеется своё, иное мнение. – Я понимаю ваше затруднение моего понимания, – говорит высокий человек, – но дело в том, что в таком договоре всего не пропишешь, а в частности все эти страховые случаи. И вот в этой части мне и нужна ваша предусмотрительная помощь.

– Ну, всего предвидеть по факту нашей действительности невозможно. – Говорит как само собой разумеющееся Константин.

А вот высокий человек вновь считает иначе. – Разве. – С сомнением к словам Константина говорит высокий человек. – А я вот думаю по-другому и иначе. Если мир существует и живёт в своей закономерности (это его плоскость измерения), то любой шаг его дальнейшей действительности просчитываем. Для этого есть все необходимые формулы и алгоритмы. И нужно лишь знать, как их применить. – А на Константина, и непонятно что нашло, и он решил не просто высказать своё мнение, а он вдруг взялся за возражения. Да ещё за такие, какие никто в этих стенах никто себе не позволял перед лицом этого могущественного человека. Которому стоит только подать знак человеку в дверях мускулистой и угрюмой наружности, как через минуту другую Константина и поминай, как звали. И никто на всём белом свете, а в частности те, кто имел о Константине хоть какое-то представление (та же Лилиан), не узнает, куда это запропастился Константин, человек, если честно, не слишком надёжный по разумению подруги Лилиан, Анжелы, и вечно куда-то в непонятную её даль поглядывающий.

– Ясно одно, что он смотрел не в пустую, а нашёл в этой неизвестной дали для себя другую дуру. – Вот так бы за пропавшего Константина все заинтересованные в нём лица решили. И единственное, что всех интересовало, с чего это Константин решил, что он там, в дали, будет счастлив; и ещё один немаловажный момент, а как насчёт выплаты алиментов?

Но видимо Константин обо всём этом не подумал, вот и повёл себя не слишком благоразумно. – Я, – вот так не подумавши говорит Константин, – не думаю. – И, пожалуй, в этом его ответе есть своя некая глубинная истина. И его собеседник, высокий человек, хоть и покорбился дерзостью такого ответа Константина, но не повёл в сторону мускулистого человека на дверях бровью (это был знак, хватай эту сволочь в охапку, и в подвальный этаж, прямо в печь котельной), а с суровым видом отстучал свой бескомпромиссный ответ.

– Я привык апеллировать проверенными не раз фактами, так что извольте обосновать ваш ответ. – Проговорил свой ответ высокий человек. А Константин и не внемлет голосу разума и продолжает безумствовать. Так он посмел себе отвести взгляд от высокого человека, ничего подобного себе не позволяющего и продолжающего быть весь во внимании к Константину, и окинуть изучающим взглядом этот офисный кабинет. И при этом таким оценочным видом, как будто у него есть претензии к этому, аптекарская чистота стоит вокруг, кабинету. Отчего высокий человек даже на мгновение потерял возможность анализировать происходящее, так он был обескуражен поведением Константина.

А Константин, как только таким способом продемонстрировал независимость своей мысли, возвращается к высокому человеку и с гонором человека что-то решающего, или имеющего право на своё мнение, сделав обзорный кивок, говорит. – Да вот хотя бы место моего приёма.

– Что не так? – сам себе удивляется высокий человек, вынужденный следовать по следу чужой инициативы, а не как обычно, вести весь процесс.

– Вы, пригласив меня сюда, явно не предусмотрели того, хотя всё это лежало на поверхности, – правда, тут нет ничего зазорного, это самое сложное, принять во внимание то, что прямо на это напрашивается, – сделал оговорку Константин, – что тем самым выдадите свою состоятельность, разожгя во мне алчность. И как результат, мой ценниккратно вырос в сравнении с тем счётом, который я бы вам выписал, встретиться мы с вами, где попроще.

И тут к удивлению Константина, на лице высокого человека проявляется улыбка, и он лёгким смешком выказывает своё одобрение Константину.

– Вот ты-то тот, кто мне и нужен. – Сказал высокий человек уже не с прежней серьёзностью, а слегка смягченной обстоятельствами своего удовлетворения, к которым привёл ответ Константина. – Не зря мне тебя посоветовал случай. – А вот это добавление вызвало у Константина заинтересованность. – Как это? – спросил Константин. На что высокий человек под-

нимается со стула, выходит из-за стола и подходит к панорамному окну. Здесь он на мгновение замирает, глядя в дальние просторы, после чего оборачивается к Константину, и заводит разговор:

– Советников, которых у меня ещё недавно было хоть отбавляй, я всех до единого сократил, по причине их бессодержательности и бесполезности. А как их оставлять, если они толком не могут дать ответ на самый простой вопрос: «Если ваши советы дельные, то почему я до сих пор нуждаюсь в ваших советах? А если они бестолковые, то какого(!) вы ещё здесь?». К тому же я не привык жить чужим умом, со своими советами. Это, как минимум, спорно. Чужой ум никогда не может избавиться от своей субъективности, и в случае необходимости выбора, сам собой выберет себя. – Высокий человек сделал задумчивую паузу, где он на немного углубился в пучины своих мыслей. После чего выходит из своего погружения и с по-новому осознанным лицом обращается к Константину.

– А ведь они мне сказали тоже самое, что и ты. – С лёгкой усмешкой сказал высокий человек. – Всего предусмотреть невозможно, и все жизненные ситуации и случаи не предвидеть. И тут меня в один момент откровением озаряет. «А как насчёт того, чтобы предусмотреть сам непредвиденный случай и на основании него отталкиваться», – говорю я им. А советники только руки в непонимании разводят и спрашивают. – Как это?

«Всё как нельзя просто, – говорю я и достаю монету». – На этом месте высокий человек вынимает из кармана пиджака монету и показывает её со своего места Константину. Это, как видит Константин, не современная монета, а она несколько больше современных монет, ходящих сегодня в обращении. А вот когда высокий человек покрутил её в руке, и в глаза Константину бросилась в глаза олимпийская эмблема из пяти колец, то он догадался, что это за монета – это олимпийский рубль из своего исторического прошлого.

Высокий человек между тем продолжает свой рассказ. – Затем я подхожу к окну. Правда, в нашем случае это не нужно делать, – делает оговорку высокий человек, – Открываю окно, – говорит высокий человек, сопровождая свои действия по открытию окна. Затем он с головой выглядывает в окно, так задерживается на мгновение, возвращается оттуда возбуждённый высотой и действием ветра, и смотрит на Константина. – Дальше я отправляю своего человека вниз, чтобы он там, внизу, отыскал того самого счастливчика, на кого укажет его сиятельство случай. И как завершающий штрих, я создаю случай. – С этими словами высокий человек перекидывает руку через рамку окна, на мгновение задерживает руку за окном, чтобы Константин убедился, что здесь нет никакого обмана, и выпускает из руки монету.

А вот это действие высокого человека, вдруг спохватило на месте Константина, в момент подскочившего со стула, и запоздало закричавшего: Да так нельзя, она может кого-нибудь там убить!

Высокий человек с не пробивной хладнокровностью, да ещё и с удивлением во взгляде на это странное беспокойство Константина, на него посмотрел, и рассудительным тоном голоса утихомирил Константина. – Знаете, меня такого же рода мысль посетила, когда я вот также в первый раз перекинул свою руку с монетой в руках, а никто из находящихся в кабинете советников меня и не думал останавливать. – Сказал высокий человек. – А я так стою и жду от них хоть какой-то реакции. Но её всё нет и нет. И тогда знаете, что я сделал? – обращается с вопросом к Константину высокий человек. А Константину откуда это знать, и он естественно не знает.

А высокий человек не даёт словесный ответ, а он, подойдя к столу, к потрясению Константина кладёт на стол ту самую олимпийскую монету, которая была им выброшена из окна, а сам оперевшись руками в стол, смотрит на Константина.

Константин же во все глаза смотрит на монету (может это другая, но нет, она) и вдруг ему в обзор его глаз попадает один из рукавов костюма высокого человека. И вот чёрт! Теперь там вообще отсутствовали пуговицы. А как помнил Константин, ещё поначалу обративший

внимание на эту странную небрежность в костюме столь важного человека, не допускающего своим высоким положением в себе и вокруг себя никакого беспорядка, и всё в нём на своём месте и упорядочено, то на него с рукава пиджака высокого человека тогда смотрела одна пуговица, а сейчас её уже нет. А если провести свои логические параллели, то выходит, что высокий человек пуговицами с рукава пиджака подменял монету в руке и тем самым вгонял в мандраж или своё умственное застопорение людей с сердцем.

Высокий человек видимо уловил в лице Константина понимание этого фокуса и поэтому взялся за своё объяснение того, что к этому привело. И только не надо думать, что человеколюбие и сочувствие к тем людям, кого отметит, таким образом, случай, а всё дело куда как прозаичней. Слишком уж человек нынешней фармации не благодарен и от него не дождётся никакого дельного конструктива, когда этого человека, в один ошеломляющий его момент вгоняет прямиком в землю через колени, даже не попавшая в него, а пролетевшая мимо и упавшая рядом на мостовой, свалившаяся со своих чёртовых куличек монета. И этот осчастливленный судьбоносным выбором человек, не только в момент потерял в себе весу, а он весь здравый смысл в своём лице растерял и своей неготовностью соображать, не представлял никакого интереса.

Ну а те из случайных людей, кто оказывался не так близко от места падения этой судьбоносной монеты, когда узнавали от подошедшего к ним подручного высокого человека, какое им счастье выпало сверху (а ведь им что-то подсказывало, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке и значит, нечего тянуть свои руки к обнаруженной на мостовой монете), то они в миг прикидывались людьми несамостоятельными на умственную деятельность (их нужно было заводить), и начинали крутить пальцем у своего виска, делая удивительные выводы. – Там наверху, что, у всех свистит.

– Правда были и такие, кого видимо в тот момент так приблизило к существу, что им удалось заглянуть за пределы откровений, и их ответы были в чём-то пророческими. – Продолжил свои объяснения высокий человек. – «Ты, говорили эти люди, озарённые будущим, своей смертью точно не помрёшь». И хотя такой их ответ мне пришёлся по душе, но я живу по разуму, и я счёл, что такого рода подход к выбору случая, не слишком эффективен. И я решил ввести аналоговый эквивалент монете судьбы, этому моему философскому камню. – Высокий человек на мгновение задержал своё внимание на лежащей перед ним и Константином монете, и продолжил.

– Я для большего привлечения внимания судьбы, любящей эффектную картинку, и чтобы имелся шанс обойти предопределённость, – в наличие должна иметься сеть из разветвлений дорог выбора, – решил использовать бумажную купюру. Но уже большего достоинства, чтобы человек не оставался простым статистом, на кого укажет судьба своим перстом, а он мог бы побороться за предоставленный ему шанс на удачу. – На этом месте высокий человек вынимает из кармана пяти тысячную купюру, кладёт её рядом с рублём, фиксирует взглядом, затем берёт её в руки и начинает сгибать купюру по своему разумению. В результате чего выходит оригами в виде самолётка.

Высокий человек взглядом довольства творца окидывает взглядом самолётик, после чего бросает взгляд на Константина и подходит к раскрытому окну. И держа самолётик в готовности к взлёту, оттуда пускается в продолжение своего рассказа.

– И вот последний полёт моего самолётка и нашёл для меня настоящий случай, который и привёл меня в итоге к тебе. – Глядя на Константина, сказал высокий человек. – Человек, на чьей верхушке головы полной кудрей, и на ком нашёл для себя посадку мой самолётик, после того как был обнаружен моим человеком и затем, там же предстал передо мной, – мне пришлось спуститься вниз, к нему; слишком интригующе настырен был он, сказав моему человеку, что он там, наверху, не скажет того, что скажет здесь (Тем меня и взял). – Сделал оговорку высокий человек, видно до сих пор находящийся в сомнении насчёт этой диалекти-

ческой уловки того мошеннического вида типа. Он в ответ на вопрос высокого человека: «И в чём бы состояла разница между сейчас тобою сказанным и тем, что ты бы мне не сказал там, наверху?», хитро так посмотрел на высокого человека и снисходительно так спросил: А разве непонятно?

А если бы высокому человеку было понятно, то он, наверное, не спрашивал. Так что ему непонятно. На что этот ловкий на словесные выражения человек говорит, что те же слова, сказанные в разных местах, звучат по-разному и оттого понимаются иначе. Вот что он имел в виду, когда это говорил. В общем, ловок и ленив до предела.

Что же насчёт того, что он сказал высокому человеку, то он с подхода высокого человека к нему, сидящему на скамейке, – он почему-то утверждает, что в ногах правды нет (а как быть, если ты, а точнее он, лжив до кончиков ногтей и в нём правды от рождения не наблюдается), – не дав высокому человеку на него осмотреться, проанализировать его и на основе всего этого задать свой вопрос (как правило, он относился к подручному высокому человеку и звучал так: Ты разве не видишь, что это не тот случай), сбивает его с толку своим обращением.

– А тебе видно совсем скучно. – Прямо в точку попадает этот тип, обращаясь к высокому человеку. – И высокий человек, явно что-то подобное за собой подозревая, – всё до чёртиков надоело и даже пользоваться своими возможностями, служебным положением и властью стало не в радость, – когда услышал этот свой диагноз, оформленный в слова, даже на мгновение растерялся и в своей растерянности задался вопросом: И, что ты мне посоветуешь делать?

Этот кудрявый тип, скорей всего, с такими же всколоченными мыслями, поднялся на ноги, вынул из бумажного пакета, что был у него в руке, пластмассовую бутылку брендового названия газировки, наполовину наполненную похожим на этот узнаваемый бренд напитком, открутил крышку и, знаково посмотрев на высокого человека, спросил его. – А ты мне скажи, что у меня в этой бутылке. И тогда я, быть может, отвечу на твой вопрос. – А высокий человек видимо никогда раньше не встречался вот так лицом к лицу с таким воплощением дерзости и неуважения к нему, что он ещё больше растерялся и не потребовал от своего подручного убрать с глаз долой этого нахала, предварительно забрав у него эту бутылку, для проведения бактериологическо-химического анализа.

Нужно же определить источник появления столь невыносимой дерзости для высоких людей у такого рода низких людей. А то не доглядишь за их кислотно-щелочным балансом во рту, и они подхватят вирус недовольства замешанного на такого рода дерзости и начнут себя вести не так, как предусмотрено установленными правилами проживания местного общества – те, кто вверху, снисходительно смотрят на тех, кто внизу, а те, кто внизу, задрав голову в благоговении вверх, греются в лучах славы этих поднебесных небожителей.

Но высокий человек хоть и растерян, но его расчётливость и рассудительность всегда при нём как неотъемлемая часть его существа. И он принимается за свои рассуждения. – Все внешние признаки напитка, цвет, загазированность, и неуловимое убеждение, что это он, указывают на то, что в бутылке находится именно заявленный этикеткой напиток. – Раздумал высокий человек. – А вот не совсем внятный и рассудительный вид этого человека себе на уме, да ещё то, что бутылка было спрятана в бумажный пакет, указывает на то, что там, в бутылке, может быть всё что угодно. Тем более, он бы не стал у меня об этом спрашивать, если бы ответ на этот вопрос был очевиден. – На этом месте высокий человек упёрся в свой логический тупик. Выход из которого, исходя из одной только логики, не найти, и здесь помочь может только случай.

Так этот ловкач с бутылкой, пребывая в отличном состоянии духа (вон как ловко он вогнал в стресс большого человека) излишне расслабится и в результате этого запнётся об свои ноги и, упав на обочину тротуара, выронит из рук бутылку и разольёт её. А вот по этому исходу можно будет сделать подтверждающие ту или иную версию ответа выводы.

И если этот смутьян с бутылкой, с надрывом в голосе и со страданиями в лице, выкрикнет: «Моё лекарство!», то можно не сомневаться в том, что там была налита совсем иного

рода и качества жидкость, нежели просто газировка. Ну а если вытекшая из бутылки жидкость выжжет вокруг себя асфальт, то тогда там точно газировка, и даже высокому человеку станет немного обидно за этого, вроде бы взрослого человека, который лучше бы со смыслом не берёг свою печень, а не так беспечно.

Но как в жизни всегда бывает, вместо самых лежащих на поверхности случаев, выбор пал на самый не просматриваемый в данный момент случай. И этот тип смутьянской наружности, не захотел упасть, а обратился к высокому человеку. – Что, реальность при всей своей очевидности, не так очевидна? – спрашивает этот смутьян высокого человека. И высокий человек вынужден с ним согласиться. – А чем это не выход из твоего скучнейшего положения. Создавай свою очевидность. Это занятие, как мне по тебе видится, тебе по плечу.

И это предложение незнакомца смутьянского саморазумения, показалось заманчивым высокому человеку. На чём тот не останавливается, а углубляется в частности. – Ну а самый обычный человек, – говорю в порядке ознакомления, и вам может пригодиться в будущем, – в таких случаях принимается за преодоление условного себя, человека, ограниченного рамками жизни и главное самого себя. Так, к примеру, величайшие умельцы по преодолению всех этих рукотворных трудностей и само собой скуки, иллюзионисты, да тот же Гудини, связывал себя что есть силы всеми возможными ограничениями, в том числе и цепями, и погруженный в ящик, а затем в реку, пока есть воздух в лёгких и в ящике, искал для себя выход из этой ловушки, в которую он себя сам и загнал по причине своей непоседливости и большого таланта фантазии по борьбе со скукой.

– Ты же, – уже обратился на прямую к высокому человеку этот, не просто смутьян всякой упорядоченной мысли, а как сейчас выясняется, то и провокатор на безумные поступки, – я вижу, человек могущественный, и чтобы тебе себя развеять, тебе нужно ставить перед собой задачи до невозможности невыполнимые. И если тебе удастся создать такие невозможные для себя ограничения, то, пожалуй, ты сможешь оправиться от своей скуки. – Смутьян замолчал, и не по тому, что у него слова кончились, а ему, видите ли, захотелось смочить своё горло. И как по его выходу из этой связи с бутылкой выясняется, то там точно не газировка. А зачем тогда он так паскудно поморщился. – Хотя если это не игра с его стороны, – в момент сообразил высокий человек, уже отчасти взявший на вооружение слова смутьяна об очевидности.

А то, что ему(высокому человеку) так легко это далось, то его жизнь была тоже не сахар, а больше влияющий на внутреннюю потенцию сахарозаменитель. И такая его реальность с частичной подменой и заменой её настоящей сути на более обтекаемые по своей себестоимости вещи, где совсем не очевидно, что под тобой завтра кресло не зашатается в виду падения рынков и потери лица черед падение ликвидности акций крупнейшего инвестиционного фонда, во главе которого он стоит, можно сказать, подготовила его к такого рода реализации себя, к критическому отношению к настоящему. И встреча с этим типом послужила для него своим спусковым крючком, для формирования своей очевидности.

– Хочешь сказать, что мне стоит попробовать себя в качестве фокусника? – вот так околично спросил этого смутьяна высокий человек. Смутьян оценивающе посмотрел на высокого человека, и со свойственной ему дерзостью сказал. – Почему бы и нет, если к этому есть все природные задатки. – Высокий человек чуть было не вспылil, услышав в свой адрес такое. Что уж поделать, никому почему-то не нравится, когда их сравнивают с клоунами, или видят в них больших фокусников. А ведь сами от души смеются и отдыхают, наблюдая за их представлениями. Но высокий человек умеет сдерживать в себе эмоции и гнев, и он только интересуется у смутьяна:

– И чем я должен себя связать, как думаешь?

– Если тебе мало того, чем ты и так по гроб своей жизни уже связан, – кивнув в сторону небоскрёба, в котором находился офис высокого человека, проговорил смутьян, – то тогда самыми крепчайшими на свете верёвками – связью с человеком.

– Что это значит? – спрашивает высокий человек, делая вид или в самом деле не понимая, о чём ему тут говорят.

– А ты попробуй жениться. – С какой-то прямо издёвкой говорит этот тип, так многозначительно прищурившись, как будто он много чего знает о высоком человеке, в том числе и то, что не всем знать положено и чего только он один знает. – И кто ему вообще сказал, что я уже... это самое, – начал сбиваться в мыслях высокий человек, – не женат. – А этот смутьян, прищурившийся прямо в самую душу высокого человека, вычитывает там все его душевные сомнения, скорей всего, настоянные на одиночестве, как на настоящем источнике его скуки, и предупреждает возможное возмущение высокого человека. – Не женат же? – вопрошает этот смутьян. А высокий человек не обязан ни перед кем отчитываться, кроме налоговой службы и советом акционеров, и он со словами: «Деньги можете оставить себе», разворачивается и отправляется к себе.

– Это что получается, что бывали и обратного характера случаи, даже когда они были связаны с травматизмом голов счастливиц? – нет предела понимания Константина такого рода скупцов.

– Вот эта встреча и привела меня к этому итоговому решению. Для начала застраховаться. – Сказал высокий человек, выпустив в окно денежный самолёт. Но Константин даже не сомневался в том, что этот самолёт далеко не улетит. Его обязательно где-нибудь по приземлению перехватят установленные там, на земле, высоким человеком люди.

– Ну так, что скажите? – подойдя к столу, спросил Константина высокий человек.

– Мне всё-таки непонятно, как вы на меня вышли, или будь по-вашему, на меня указал случай. – Поинтересовался Константин. Высокий человек выказывает непонимание, как можно таких очевидных вещей не узреть. И он со словами: «Всё проще, чем вы думаете», направляется к председательскому столу, открывает в нём, имевшийся ящик и вынимает оттуда толстый справочник. Затем он его бросает на стол, смотрит на Константина и говорит. – Берёте первый попавшийся вам на глаза палец, – высокий человек поднимает ладонь руки перед собой (а Константин только сейчас почему-то замечает на его руках перчатки – может оттого, что они были из бежевой замши), смотрит на руку и с усмешкой замечает, – почему-то всегда первым замечается указательный палец. – После чего высокий человек переводит свой взгляд на Константина и подводит итог своим действиям. – И тыкаете им туда, в справочник, куда он попадёт. – С чем он пробирается в середину справочника, затем второй рукой открывает его и смотрит туда.

– Хм, интересно. – После небольшого изучения говорит высокий человек. Но вот что ему там показалось интересным, он не стал распространяться, а вернулся обратно к Константину и обратился к нему. – Так на чём мы остановимся? – спрашивает он.

– Мне надо подумать. – Сказал, приподымаясь из-за стола Константин.

– Скажу, что это самый здравомыслящий ответ. – В ответ сказал высокий человек. – У вас есть ещё какие-нибудь вопросы ко мне, которые бы поспособствовали вашему решению насчёт моего предложения. – Обратился с вопросом к Константину высокий человек.

– Вопросы? – задумчиво повторил вопрос Константин. – Да, есть один. – После небольшого размышления сказал Константин.

– Я слушаю. – Со всем вниманием к нему обращается человек.

– А что насчёт невесты. Она хоть есть в наличии, или ... – но начавшийся на бравурных нотках и отчасти как шутка вопрос Константина, оборвался на полуслове, когда Константин увидел лицо высокого человека, даже не скрывающего своего непонимания Константина, которому посвятили столько своего драгоценного времени, и как казалось высокому человеку, что он человек благоразумный и во всём предусмотрительный и ему тут всё по полочкам разложили и объяснили. И какая может быть ещё невеста, когда он находится в самом начале этого процесса. И высокому человеку для жирной точки в резюме Константина только и оста-

валось, как с укором покачать головой и сказать. – Ну вы, Константин, меня удручаете своей непроходимой тупостью и безмозговостью. Уж лучше бы вы помолчали, умнее бы выглядели. И я уж и не знаю теперь, стоит ли мне поручать вам это дело, которое могло бы на всю вашу оставшуюся жизнь вас обеспечить, или выкинуть мысль о вас в окно, как эту монету. – И тут взгляды обоих возвращаются к лежащей на столе судьбоносной монете, этому философскому камню, об который ни одна голова была поломана.

– Ах, да! – Вдруг спохватывается высокий человек. – Это вам. – Говорит высокий человек и, нажав пальцем руки на монету, приближает её к Константину. А Константин, наблюдая за всеми этими действиями высокого человека, и не знает, что обо всём этом думать. Правда одна мысль у него всё-таки в один момент затесалась в голову.

– По ходу этой монетой ни одна голова внизу была разбита, – возможно, что сильно несправедливо и паскудно рассудил сейчас Константин, но он в данный момент по-другому и не соображал, как себя подстраховать, – и этот тип ищет на кого все стрелки перевести. Так вот почему он в перчатках! – Константина осенило догадкой. – Что б отпечатков пальцев на ней не делать. А вот только я за неё возьмусь и тем самым наслежу, то тут-то они за меня и возьмутся, отдав за хорошие награды в полицию.

«Наконец-то, был схвачен в тиски правосудия этот негодяй и выноситель людского мозга. И всё благодаря моей ловкости и отчасти риску, на который я согласился себя подвергнуть, выступив подсадной уткой для этого безжалостного ко всему движущемуся недочеловека, – мне пришлось с неприкрытой головой столько времени гулять по округе, вызывая его огонь на себя, – который столько времени держал в страхе всю округу «Сити», не давая спокойно работать бирже, раз за разом разя головы самых уважаемых людей «Сити» своим орудием мщения, этим рублём», – выступит с речью высокий человек перед всем «Сити», в наскоро собранной конференции, держа в одной руке скрученного Константина, а в другой руке этот злосчастный рубль.

«И когда жертвой мстительности этого антигероя стал павший в самое своё не хочу и притом в грязь лицом, всеми нами уважаемый, председатель нашей фондовой биржи, Герман Грех с ним, то чаша моего терпения переполнилась, и я так и сказал своим подчинённым: «Всё, хватит убегать от судьбы, нося над головой зонт», и оставил в угол кабинета зонт. И вы, наверняка, понимаете всю степень мою обеспокоенности и тревоги за судьбы наших инвесторов и людей в одном лице, которые уже начали испытывать нервозность и волнение, когда спад на рынке ипотечных займов, вновь начал демонстрировать тенденцию к падению.

И всё это на фоне падений цен на чёрное золото. Что ещё подогревалось слухами о личности этого тайного мстителя, действующего не как псих одиночка, а за ним стояла целая группа людей-инвесторов, заинтересованная в падении рынка и желающей на фоне всей этой нервозности и падения акций, скупить всё с большим для себя дисконтом. Так что у меня особого выхода не было, как выйти на улицу беззащитным, с открытой головой. Так вот, о моём героизме я сообщил и на этом будет достаточно. Ну а о дальнейших деталях дела, пока идёт следствие, я не уполномочен говорить», – вот таким способом высокий человек подведёт Константина под монастырь.

А задавать себе вопрос: «И зачем ему всё это надо?», разве благоразумно, когда высокий человек уже всё Константину объяснил – ему скучно жить, вот он и ищет для себя развлечений. А посадить Константина на всю его дальнейшую жизнь в камеру, а самому постичь радость утех и удовольствий с его Лилиан, вот поистине будет развлечение и удовольствие. Правда у Константина есть выбор – он может не брать монету и прямиком сигануть в окно, ведь для чего-то оно открывалось. И не надо себя обманывать, что для того, чтобы с Константином выкинуть вот этот фокус. – Фокус! Это всё часть некоего фокуса! – Константина вдруг озарила пока ещё не до конца оформленная в смысл мысль. И Константин, глядя глаза в глаза высокому

человеку, берёт рубль, кладёт его в карман пиджака и ждёт на свой счёт решения от высокого человека.

– Тогда до следующей встречи. – Говорит высокий человек. – Аш, проводи нашего гостя. – Обратившись к человеку в дверях, высокий человек покидает кабинет прежним, как и заходил способом, через дверь в стене.

Обратный путь Константина пролетел для него незаметно, и даже по выходу из самого здания, где на него во все глаза обращал внимание Николай, тот очень беспокоящийся за безопасность людей в этом здании сотрудник службы безопасности, он не придал никакого значения этому факту своей признательности со стороны Николая. Чем вывел того из душевного равновесия. – Одного приглашения наверх достаточно, чтобы человек в доску забурел и перестал вокруг себя людей замечать. – Со злостью и отчасти с завистью, Николай посмотрел в спину Константину, человеку, приближённому к людям избранными властью и могуществом. И по Николаю было видно, что он бы был не прочь и сам забуреть. А уж стоит ему дать возможность и все основания забуреть, то тут ему на этом поприще равных вряд ли сыщешь.

И, наверное, и сами люди с верхних этажей, те, кто при власти и могуществе, сторонились бы этого забуревшего Николая, который так исчерпывающе дух обмерит тебя ничтожного своим взглядом презрения, посмей ты ему дорогу перейти, что сам произвольно в штанах теряешься. А ещё у него есть при себе кулачищи, которыми он может добавить вам уверенности в том, что не стоит вам расходиться с ним взглядами на себя ничтожество. А так как эти люди при власти и влиянии, преотлично знают, что творит с людьми толика власти и признания, – по себе, сволочи из сволочей знаю, – то они в этом деле крайне избирательны и только при крайней необходимости, через своё признание дают такую возможность забуреть людям из низов.

Константин между тем оказался на улице, где лёгкий ветерок, а других степеней его порывов в этих местах и не наблюдается (разве только когда рынки охватывает рецессия и пошли свои падения вслед за падением столбика барометра, и начинается буря), только чуть-чуть освежил его голову. Чего было явно недостаточно, чтобы привести в порядок его мысли.

– И что всё это было? – задался к себе вопросом Константин, только сейчас ощутив нереальность произошедшего там, наверху. И чем больше Константин углублялся мыслями в то, что там происходило в кабинете, то больше ему не верилось, что это происходило на самом деле. – Да разве люди серьёзные и при таких должностях, могут, таким образом, себя вести и мыслить? – спросил себя Константин. – Или это всё какая-то странная шутка, или... – Но здесь Константин себя оборвал, посмотрев на прилегающую к зданию небоскрёба открытую площадку, где в центре стояла скульптурная композиция, изображавшая одного из мифических богов, вроде как Гермеса, покровителя торговли. Далее же шли свои дорожные ответвления, ведущие в три стороны (четвёртая сторона находилась со стороны самого здания).

И вот над тем, куда сейчас пойти, и задумался Константин. А почему это сейчас вызвало у него особенный интерес, так что-то в его голове как-то крепко зачесалось, и Константину головой вдруг почувствовалось, что сейчас было бы очень кстати, иметь при себе зонт, несмотря на солнечную погоду. А вот почему ему так подумалось, то он не хочет раскрывать все карты даже самому себе. И Константин искоса посмотрел в сторону верхних этажей и в самый неожиданный для себя и может ещё для кого-то момент, рванул с места и быстрым шагом направил свой ход подальше отсюда.

Когда же Константин, после этого рывка, позволившего ему скоро удалиться на расчётное Константином расстояние от знакового небоскрёба, остановился, он повернулся, посмотрел на здание небоскрёба и вдруг от души рассмеялся. – Это уж совсем за гранью! – усмехнулся Константин, глядя в самую высь здания небоскрёба, в котором ему иллюзорно виделось раскрытое окно, с торчащей из него рукой, ждущей, когда Константин ослабит контроль над собой и тогда ему в голову кое-что прилетит.

И хотя расстояние между Константином и зданием было более чем приличным и все физические законы настаивали на том, что совершенно невозможно добросить монету с такого расстояния до Константина, да ещё и очень точно, ему в самую голову, Константину почему-то спокойно не чувствовалось. А когда он нащупал монету у себя в кармане, то его мысль вообще такое выкинула. – А он ведь добросил монету и даже попал в тебя. – Вот такое пришло на ум Константину. А монета в его руках всё это доказывает.

– И что это всё значит? – спросил себя Константин. Но ответ на этот вопрос он уже знал – ему от них никуда не деться, даже захоти он сейчас выбросить монету. – И этот его проскользнувший вопрос с кроликом, уж очень неоднозначный. И я, кажется, догадываюсь, что он под собой на самом деле подразумевает. – Сглотнув слюну, подумал Константин, чувствуя себя подловленным на чём-то пока для себя неизвестном. И поэтому Константин посмотрел на монету и не стал замахиваться, в желании закинуть её обратно в то самое окно, на самом верху небоскрёба (и что-то подсказывает Константину, что он бы это смог сделать), а положил обратно в карман пиджака. После чего он вынул телефон и вызвал по нему такси, и по его прибытию убыл в свой мир.

И вот Константин вновь оказывается в городских кварталах близких ему по духу и они ему вообще знакомы, – вон кафетерий, в который он забегают за стаканчиком кофе на пути на работу, а вон чуть в дали, то многофункциональное здание, где их страховое агентство занимает один из этажей, – и он, окинув взглядом знакомые виды, облегчённо вздохнул знакомым воздухом своей беззаботности (как будто камень с души снял). Где нет такого напряжения мысли и чего ещё другого, как в том месте, где он только что был, где на тебя столько всего давит, – люди своими взглядами, монументальность и основательность зданий, возлагаемые на тебя надежды высоких людей и мало ли ещё чего, – и приходится постоянно быть начеку.

– Зайти что ли. – Посмотрев на кафетерий, несколько запоздало спросил себя Константин, уже направив свой ход туда. – Стаканчик кофе, да ещё отсюда, точно будет кстати. – Почему-то обрадовался Константин от этой мысли, берясь за ручку двери, ведущей в кафетерий. Зайдя в который, а точнее сказать, ещё только находясь на пути во внутреннее помещение кафетерия, то есть переступая порог, Константин уже почувствовал знакомый запах этого кафетерия. А ведь он никогда не придавал какого-либо значения таким отличительным особенностям этих мест на своём пути на работу или ещё куда. А вот сейчас заметил и почувствовал себя надёжнее что ли.

Ну а по заходу внутрь, Константину захотелось непременно увидеть за кофе-машиной Марию и никого другого. И что может и удивительно для него, а для Марии, для которой это рабочая обыденность, не очень, то у кофе-машины стояла она и выполняла заказы на кофе. Константин же при виде её, а также выполнения своих тайных пожеланий, не скрываясь обрадовался и с этим выражением своей радости на лице подошёл к стойке, за которой стояла Мария и принимала заказы на кофе от клиентов.

И вот Константин с этим своим радостным настроением подходит к стойке и с той беззаботностью, свойственной людям, ответившим для себя на все сложные вопросы, естественно глядя прямо в глаза Марии, как и любому другому человеку на её месте, делает заказ: Мне, как всегда.

А Мария во все глаза на него смотрит и видимо ждёт каких-то уточнений или дополнений с его стороны. А Константин, глядя на неё не сводящим взглядом, да ещё с озорной улыбкой, как будто специально не замечает в ней всех этих затруднений, – он как бы на данном этапе их взаимоотношений всё сказал, а ты, Мария, сама додумайся, что всё это значит, и чего он недосказал. Что ж, раз Константин решил сыграть с ней в долгую, что определённо обнадёживает, то Мария примет этот его вызов.

И Мария дежурно улыбнулась ему и, взяв бумажный стаканчик, принялась наливать кофе в него, при этом не забывая не сводить своего взгляда с этого, непонятно для неё чем-то осчаст-

ливленного Константина. А когда ты изо дня в день видишь замеченного тобой по особенному человека, в одном своём безрадостном постоянстве, да ещё и не приглубленном женской рукой (так он не пристроено, по твоему мнению, выглядит), а затем в один раз, почти одновременно, случаются пару знаковых событий, которые в итоге ведут к такому его преображению, то тут поневоле в сердце надеждой потеплеет.

И Мария, как бы она не крепилась на умалчивание себя, всё-таки не выдержала и обратилась к Константину с вопросом. – Так вы нашли приложение? – И вот тут-то к полной неожиданности Марии, с Константином в один момент происходит резкая перемена – он вдруг в лице теряется и со сложным выражением лица, то ли с испугом, то ли ещё с чем-то отстранённым от понимания происходящего, начинает озираться по сторонам. После чего возвращается к Марии, подтягивается лицом ближе к ней и с тревогой спрашивает её. – Какое приложение? – Мария, в свою очередь испуганная такой резкой переменой Константина, замерев в одном положении, проговаривает. – Мобильное. – На что с его стороны следует вообще какая-то несуразность.

– Так я здесь раньше уже был? – повысив голос, вопрошает Константин. И как этот его вопрос понимать, Мария и не понимает. И она, сочтя за лучшее, не отвечать на него, а вернее сказать, что за неё всё решила кофе-машина, которая наполнила стаканчик кофе, протягивает его Константину и сухо говорит: Ваш кофе.

Константин, сбитый с толку этим поступательным движением Марии, по инерции берёт стаканчик, на мгновение замирает в размышлении и, бросив взгляд на Марию, идёт в зал кафетерия. Где он добирается до того знакового стола, где он, когда-то, а может и никогда, столкнулся со странным человеком, из как он думал, воображаемой реальности, и при виде пустого стола, останавливается перед ним и ... И тут до него вдруг, из-за спины доносится знакомый голос, который вбивает его ноги в пол, а самого его в свою задеревеншую неповоротливость.

– Говорят, что от случайных, а тем более, чему быть того не миновать, запланированных судьбой встреч, не застраховаться. – Кажется, что шепотом, но скорей всего это не так, прямо из-за спины Константина звучит знакомый голос. И Константин даже не догадывается, а с точностью до...перчаток на руках знает, кто это говорит. Это тот самый тип, который... Да чёрт возьми, что здесь на самом ли деле происходит?! Константин с негодованием настоящим на непонимании происходящего с ним, резко оборачивается и тут же обезоруживается смиренно-простодушным видом... Как его там? А, архитектора.

– Вы кто? – обращается с вопросом к архитектору Константин.

– Я-то? – с удивлением переспрашивает архитектор, оглянувшись по сторонам. – А вы что, уже забыли. – Всем видом показывая, что он не верит Константину, говорит архитектор. С чем он обходит Константина, затем стол и присаживается на своё место, которое он всего лишь минут на десять оставил, а тут такие изменения. И архитектор даже решает проверить, а не выпил ли кто-нибудь его кофе за то время, пока он отходил в туалет по сугубо личным делам.

Но вроде бы всё на месте и даже булочка надкусана в тех самых местах, где её надкусил архитектор, перед тем как оставить своё место на произвол судьбы. А как только архитектор убедился в том, что мир ещё не окончательно сошёл с ума и к нему ещё есть хоть какое-то доверие, – правда вот такая приметливость архитектора за своим прикусом, наводит на не очень созидательные мысли, – он переводит своё внимание на Константина, всё также стоящего у стола. И явно успокоенный в душе тем, что его завтрак остался на месте, с тем же добродушием обращается к Константину.

– Значит вот вы какой опасный человек. – Говорит архитектор. – Стоит вас покинуть минут на десять, как вы уже и забыть готовы, с кем прежде ознакомительно беседовали и по-своему знакомились.

Константин не сразу отвечает, а он со всем вниманием смотрит на архитектора, видимо в чём-то для себя убеждается, после того, как провёл перед собой руку, как бы ощупывая

эфирное пространство, в котором он находится сейчас или это всё ему представляется (надо ему ещё было себя ущипнуть, но это так по-женски, и он не стал себя щипать), и наконец, выдавливая из себя слова. – Отчего же я не помню. – Несогласно с архитектором говорит Константин. – Я весь наш разговор помню. Вот только есть одна заковырка, мешающая мне считать этот разговор реальным. Я не могу отметить в своём расписании, когда бы он мог состояться. К тому же, как мне понимается, он так и не прекращался.

– Вот как. – Удивляется в ответ архитектор. – Не знаю, что и сказать. – Пожимает плечами архитектор. А вот Константин ему не верит, и он занимает свой стул напротив него и обращается к нему. – А вот мне, кажется, что знаете.

– Хотите быть убеждёнными словесной риторикой, раз факт нашего сейчас разговора вас не убеждает в том, что разговор между нами действительно реален? – интересуется архитектор, с прищуром посмотрев на Константина. А теперь Константин сбит со своей уверенности и не знает, что ему возразить. Ведь очевидность настаивает на том, что этот разговор вроде как реален. Но в тоже время Константин прямо чувствует какой-то подвох. Ведь в тот самый раз, когда он сидел на кухне и, уйдя в глухую оборону под натиском Лилиан, заодно ушёл от реальности, он тоже с той же реальной осознанностью действительности прибыл в это кафе, где состоялось знакомство с этим архитектором. И до момента его возвращения на кухню, к Лилиан, он ни за что бы не смог поверить, что всё то, что ему вдруг представилось, не реально.

– Может это какой-то гипноз на расстоянии. – Подумал Константин. – Но зачем, с какой целью? – спросил себя Константин. А архитектор в это время так на него загадочно смотрит, как будто ему известны все эти мысленные затруднения Константина. И он бы ему открыл глаза на все эти загадки и дал бы все ответы на интересующие его вопросы, но Константин, как и всякий человек, от таких открытий ещё больше заволнуется, и у него возникнут уже новые вопросы, и так до бесконечности. Так что архитектор пока помолчит и подождёт момента, когда Константин сам отчасти додумается до того, что прямо ему в руки идёт.

– Хотя бы. – Молвит Константин, вызывая у архитектора укоризну взгляда. И архитектор, покачив головой, делает глоток из чашки, что вызывает у него новое недовольство. – Остыл. – Говорит архитектор, бросив взгляд через спину Константина и, указав кому-то там (ясно, что Марии) пальцем в чашку, мол, принесите ещё, обращается к Константину. – Значит, подавай вам иллюзию в виде обёртки слов, оформляющих ваше понимание действительности. А очевидные факты уже ничего не объясняют. К ним нужно своё поправочное приложение. Так, что ли? – зло спросил Константина архитектор. А Константин растерялся, и как есть для него сейчас, сказал. – Видимо так.

– Ну, раз визуальная составляющая для тебя главное, то это всё объясняет. – Усмехнулся архитектор. Здесь как раз подошла Мария с новой чашкой кофе. Она быстро сменила холодную чашку на горячую и, даже не посмотрев на Константина, не сводящего своих глаз с неё, удалилась. Архитектор же берёт чашку, делает запоминающийся Константину глоток из чашки, затем смотрит на него через призму поверхности чашки и говорит. – Если вас это удовлетворит, то могу пойти навстречу вам и объяснить все эти ваши затруднения насчёт реалий нашей встречи, тем же гипнозом. – Архитектор ставит чашку на блюдце, откидывается на спинку стула и пускается в рассуждения. – Для чего всё это нужно было, скорей всего, зададитесь вопросом вы. Но ответ очевиден даже для гипнотической ирреальности. Чтобы вывести вас на знакомство со мной. Но тогда возникает другой вопрос. А зачем всё так усложнять, когда было можно запросто позвонить к вам в агентство и выстроить знакомство? А вот это вопрос из вопросов, который и подводит нас к теме нашего сегодняшнего разговора. – Придвинувшись к столу, сказал Архитектор.

– Так что вы решили? – спрашивает архитектор Константина. А Константин и не готов к такому резкому переходу. И он переспрашивает. – Вы насчёт чего?

– Насчёт вашей сегодняшней встречи. – Уточняет архитектор.

– А вам откуда об этом известно? – наверное, зря это спросил Константин, только задав этот вопрос, понявший, что об этом спрашивать глупо – архитектор всё о нём знает. Архитектор со своей стороны не скрывает своей снисходительной на такую наивность Константина улыбки и говорит ему. – Я представляю рекрутинговое агентство, и моему клиенту понадобился страховой агент. Вот я и организовал эту нашу встречу. – А вот эта новость, сообщённая архитектором, не укладывается в упорядоченность мира Константина. В общем, он чего-то совсем не верит во всё это, но в тоже время сильно сомневается в том, что это может быть не так.

А Архитектор, определённо догадываясь обо всех этих смятениях души и разума Константина, с убеждённой во всём себе и своей правоте, говорит. – А ведь тогда воздействие на вас гипнозом, получает для себя должные объяснения.

– Какие? – не сдержавшись, спросил Константин.

– Вы были представлены клиенту без лишних рекомендаций с моей стороны. – Сказал архитектор.

– Постойте. – Заговорил Константин. – Что-то здесь не сходится. Ведь вы сами сказали, что вы нашли меня и представили клиенту.

– Разве?! – удивляется архитектор, удивляя в тоже время и Константина. – Всё так и одновременно не так. – Сложив руки перед собой в домик, заговорил архитектор. – Вы разве забыли, скажем так, некоторую странноватость нашего клиента (Константин согласно кивнул). Так вот, мы не простое рекрутинговое агентство, мы, скажем так, действуем постфактум. Мы подготавливаем уже нанятых работников к исполнению ими должностных обязанностей. Что только на первый взгляд кажется запоздалым и лишним, ведь вас же уже приняли на работу. Но когда столкнётесь с новыми для вас трудностями, где вы сами того не ожидая, – а это происходит сплошь и рядом, – окажетесь в безвыходном положении (выход правда есть, вон с вакансии), то в миг уразумеете необходимость наших подготовительных тренингов. Ну а целесообразность такого дистанционного подхода диктует наличие вот такого рода клиентов, как этот ваш, возможно будущий наниматель. Где будет лучше, если он ничего не будет знать о нашем существовании. Вы, наверное, и сами на практике убедились, насколько сложен и противоречив этот человек. Он человек слишком чувствительный и подозрительный, а мой близкий контакт с тобой, мог бы подвести его на подозрения в твоей заинтересованности. Вот мне и пришлось применить для вашего рекрутинга дистанционные методы. – Архитектор сделал паузу и продолжил:

– И то, что вы видели, есть только видимая сторона монеты. – Снова небольшая пауза. – Ведь прежде чем утвердить ваш выбор и позвать вас на собеседование, он всё о вас выяснил, просчитал, и возможно, что организовал за вами круглосуточное наблюдение. – На этих словах архитектора, Константин невольно одёрнулся взглядом по сторонам. Правда, только на одно еле уловимое мгновение, так что архитектор мог бы этого и не заметить по наивному разумению Константина.

Но не это сейчас волновало Константина, а ему в голову вдруг пришла удивительная мысль-догадка. – А вот одно из возможных объяснений всему со мной случившемуся здесь в кафе. – Рассудил Константин. – Этот архитектор, предусмотрев шаги моего нанимателя, организовавшего за мной слежку, и решил действовать дистанционно, с помощью телепортации. И сейчас я на самом деле нахожусь там, на улице, и за всем этим наблюдаю со стороны. – Константин бросил взгляд в окно, выходящее на проспект, где он до того, как сюда зайти, стоял и рассуждал о том, что было бы неплохо, зайти в кафе и выпить чашку кофе. – Так что же реально? – спросил себя Константин, и уже и не зная, как в этом ещё убедиться, решает посредством вкусовым ощущений это узнать.

Для чего он берёт стаканчик кофе и делает из него глоток. И хотя вкус, температура кофе, вязкость во рту от него, указывают на его реальность, Константину отчего-то этого недоста-

точно. И он с некоторой растерянностью смотрит на архитектора. А тот, как будто (да не как будто, а точно) всё это сомнение в Константине прочитал и, наклонившись к нему, с ловким выражением лица говорит:

– А ты себя ущипни.

Константин недоумённо на него смотрит и спрашивает архитектора. – Но зачем ему всё это нужно?

– Он хоть и настаивает на том, что случай должен был первичен, а на нём уже будет всё надстраиваться, всё-таки он, как человек расчётливый, не может не подстраховаться. – Сказал архитектор. – Но тебя, как я вижу, существующие данности не устраивают. Тебе нужны смысловые обоснования поступков и движения души людей. – Архитектор перенаправил разговор на Константина. – А то, что твой наниматель, просто свихнувшийся на своей безграничной власти циник, которому от пресыщенности своей властью и дающимися ею возможностями, стало смертельно скучно, это как-то неубедительно звучит. Так что ли? – со злобой спросил архитектор. Но так как этот вопрос не требовал ответа, Константин промолчал, а архитектор продолжил живописать своё видение Константина. – А он посредством всех этих экспериментов над реальностью и здравомыслием, всего-то ищет, как избавиться себя от скуки.

– Так это что получается, что всё это была уловка с его стороны, насчёт страхования его будущих намерений на брак?! – спросил себя Константин. А архитектор не отвлекается и продолжает говорить. – А тебе душой было бы более спокойно, если бы у него для всего этого были душевные причины. Например, сложное детство, трагедия сердца и ещё что-нибудь в этом душевном плане. – Архитектор замолкает, фиксирует своим вниманием Константина и делает интересный для Константина вывод. – А ты действительно адвокат дьявола, кем ты себя и мнишь в душе.

– Почему вы так решили? – не сдержался Константин.

– Тебя не устраивает данность, видимая в своей объективности реальность, а ты предпочитаешь видеть мир в своей иллюзорной домысливаемости. У тебя нет веры в то, что называется реальным, то, что не является выдумкой, иллюзией восприятия, мыслимой категорией – а именно существует как некая вещь, которую можно пощупать, либо как некая сущность. Да и к тому же ты сам себя в адвокаты записал.

– Я не знаю, почему я так сказал. – Повинно сказал Константин.

– А потому, что ты видишь мир по-другому. С недоверием к этой реальности. – Ответил архитектор.

– Так значит, мой наниматель сам дьявол? – вдруг неожиданно перевёл разговор Константин.

– Скажу так, – проговорил архитектор, – он дьявольски профессионален в своей области знаний. Вот почему он столь грандиозен и противоречив. Такие вещи всегда давят на человека, ломая его психику.

– А что насчёт защитника бога? – спросил Константин.

– Не понял? – переспросил архитектор.

– Мне, кажется, что его присутствие предусмотрено некими правилами. – Сказал Константин. Архитектор внимательно на него посмотрел и спросил. – Ты чего-то знаешь, чего не знаю я?

– Я видел пуговицы. – Даёт ответ Константин. И понятно, что такой его туманный ответ вряд ли кого удовлетворит и будет понятен.

– И что? – ничего не поняв, спрашивает архитектор.

– Пуговицы на рукаве костюма моего нанимателя. – С заговорщицким видом говорит Константин.

– И что? – с той же растерянностью переспрашивает архитектор. И на этот раз Константин более подробно рассказывает ему все случившиеся изменения в костюме нанимателя во время его нахождения у него в кабинете.

– Интересно. – Многозначительно говорит архитектор, затем углубляется в свою задумчивость и после небольшого размышления, обращается к Константину. – Ты верно заметил, такие люди ничего просто так не делают. Каждый их шаг просчитан и несёт в себе свою смысловую нагрузку. И тут главное суметь правильно понять, что всё это значит. И тебе не кажется, что он тебе продемонстрировал пуговицы на рукаве пиджака с другой целью. Ведь для демонстрации этого фокуса с монетой, было достаточно ловкости рук, с заранее приготовленной в руке другой монеты. Хотя он не приемлет логический подход к делу и считает, что любого рода человеческие разумения и математические выводы осуществляются «не вычисляемым» способом. – Задумчиво проговорил архитектор.

– Тогда что он хотел мне показать? – спросил Константин.

– Как ты верно и заметил, он тебе хотел указать на наличие конкурента. И этот твой конкурент, есть в противоположность тебе, самый что ни на есть реалист. То есть защитник бога. – Сказал архитектор.

– Что-то слишком сложно для моего понимания. – С растерянной улыбкой сказал Константин.

– А что непонятного-то. В борьбе противоположностей рождается истина. Вот он и хочет вас столкнуть лбами и посмотреть на то, что из этого всего выйдет. – Сказал архитектор. Константин замер в размышлении на мгновение и задал вопрос. – Так значит, никакого брака не предвидится?

– Отчего же, – удивляется архитектор, – всё идёт своим чередом. И на такой самой важной обыденности жизни, как брак, служащим основанием для рождения и предопределения будущего, как раз и проводятся такие стратегические испытания на поиск истины. Как я понимаю, невеста ещё не найдена и пока находится в своей перспективе? – спросил архитектор.

– Вроде как так. – Ответил Константин.

– И какие на этот счёт есть мысли? – спросил архитектор. А какие у Константина на этот счёт могут быть мысли, да никаких, кроме негативных: Вот же люди от жира бесятся, не зная уже как себе и другим людям жизнь сделать «веселей». И вот тут Константина осеняет догадка.

– Идеал. – Говорит Константин.

– Что идеал? – сразу не уразумев, что хотел сказать Константин, переспросил его архитектор.

– Ему нужен идеал. – Уточнил Константин.

– Ну, это не новость. Все стремятся к идеалу. – Сказал архитектор.

– Вы уверены? – переспрашивает Константин, заставляя архитектора задуматься.

– Пожалуй, не все и очень не все. Да и вообще, идеал понятие не определённое и спорное. – На этом месте Константин со значением наклонил голову и знаково посмотрел на архитектора. И Архитектор не сумел не понять, что это значит. – Вот почему ему понадобились люди с разной формацией взглядов: реалист и иллюзионист. Будем знать. – Сделал для себя заметку архитектор. – А ещё учтём тот фактор, что идеал, как бы он не был идеален во всём, он для каждого человека свой, со своими индивидуальными особенностями. А это значит, что мы должны всё, всё о нашем клиенте выяснить.

– И с чего начнём? – спросил Константин.

– Как бы это не странно тебе показалось. Нужно попытаться отыскать твоего противника, реалиста. – Сказал архитектор, пристально смотря в глаза Константина.

И хотя архитектор всё это говорил с такой убеждёностью, что ему не поверить было сложно, да и аргументация была более чем основательная, всё-таки в Константине поселилось странное сомнение ко всему им сказанному, и он, глядя в глаза архитектора, сам не зная

почему, вдруг выдал такое, что архитектор даже на мгновение потерялся и замер в одном удивительном на всё лицо положении. – А что скажите, если я скажу, что почему-то всему этому не верю. – Говорит Константин и архитектор застывает в одном положении. Так проходит с минуту, и архитектор с улыбкой выходит из своего транса. – А что так? – спрашивает архитектор.

– Не знаю. Такие странные дела со мной творятся, что я решил, что самое нелогичное объяснение, будет самое реальное. – Сказал Константин.

– А ты правильно мыслишь. – Усмехнулся архитектор.

– Так что же правда, если вымысел мы выяснили? – неоднозначно спросил Константин.

– А всё что я тебе сказал и есть реальность, с единственной поправкой... – Сказал архитектор, вдруг переведя свой взгляд в окно. Константину ничего другого не оставалось делать, как перевести свой взгляд вслед и ... Увидеть архитектора в окно, со стороны улицы.

Отчего Константин сбивается со спокойного дыхания. Но архитектор в окне не даёт ему ответов на происходящее, а он неуловимым кивком, как опять же показалось Константину, даёт ему понять, что на сегодня всё. После чего он, поднявшись из-за стола, скрывается там, в глубине кафетерия. Первым желанием Константина было желание забежать в кафе и всё для себя выяснить, но тут ему в отражении окна вдруг замечается человек сурового вида, и Константин, вспомнив слова архитектора о слежке, застывает на месте.

– Я уже ничего не пойму. – Уже не зная, что обо всём этом думать, Константин взмок нервными мыслями. А тут ещё ко всему этому добавляется, как же о нём забыли, телефонный звонок, который чуть было не выбил ноги Константина из под себя. Правда, когда Константин достал телефон и посмотрел на его экран, где на него смотрело имя «Ваша любимая жёнушка», то он от души обрадовался тому, что она решила ему о себе напомнить. А как только взялся за трубку, то своей искренней радостью в ответе вогнал Лилиан в умственный ступор. Она-то приготовилась к строптивости Константина, а тут такая незапланированная радость.

– Вот и пойми этих мужей. – В растерянности опустила руки Лилиан, сбитая с толку ответом Константина, пообещавшего ей быть скоро, а она значит, пусть чего-нибудь приготовит к его встрече.

Когда же Константин, так удачно для себя переговорив с Лилиан, покинул своё место стояния напротив кафе, направившись домой, то спустя совсем немного, после того как человек угрюмой наружности проследовал вслед за Константином, из кафе выходит архитектор. Выходит, он не слишком далеко от дверей кафе, а остановившись так, чтобы никому не мешать в него входить и выходить, с этого места с задумчивым видом смотрит в сторону удаляющей спины Константина и, натягивая на руки перчатки, еле слышно говорит. – А ведь есть и третья сторона. И она больше всех меня волнует и представляет опасность.

Глава 3

Полностью посвящена самому неблагоприятному делу – прогнозам и диагнозам. Где прогнозы Гидрометцентра и астрологические прогнозы находятся в своей неразрывной спайке – один без другого не объяснишь и не поймёшь.

«Ничто не предвещало бури», – с этих слов обязательно начинается что-то несусветное, простыми словами необъяснимое человеком, вокруг него всё резко меняющееся и происходящее в темноте заоблачного солнечного, а может уже и какого другого космического света.

Ну а признаки бури и алгоритмы её возникновения и повергания в ужас человека, все давно уже классифицированы и записаны в аналоги человеческой памяти, даже если человек никогда не видел бури, а она ему только снится. Это усыпляющий бдительность человека штиль его взаимоотношений с окружающим миром, застывшем в своей не изменчивости, первоначальная сердечная недостаточность чувств (они атрофировались), но не в биологическом смысле, а утрата сердцем его природной содержательности, затем вдруг и, конечно, для всех

крайне неожиданно, происходит резкое падение атмосферного давления, а вслед за ним и сердечное давление устремляется прямым вни́з, в пятки.

Вслед за этим человек берётся даже не за ум и не за молоток, чтобы отбиваться от обезумевших людей, отчего-то решивших искать спасение и приют в его доме, а за него берётся, и не пойми откуда у него взявшаяся составляющая, его заумь, которая начинает им руководить во всех его действиях и вести его в никому неизвестном направлении. Где на пути к нему, он себя не просто странно ведёт, а он по всем признакам может быть принят за сумасшедшего, помешанного на одной странной, только ему известной идее.

А ведь вначале все вокруг люди, не то что бы одинаково мыслили, а они одним общим мыслили и при этом все в одном направлении – в сторону неизбежного конца света: вон уже и света белого не видно под этими свинцовыми тучами и под пронизывающим насквозь ветре с промозглым дождём. И всё это в тяжёлой атмосфере тревожного предощущения и видения этого самого конца света.

И хотя на этом первом этапе, на общее сознание людей, путём звуковых и визуальных сигналов нагнеталась общая мысленная неустроенность, как первый предвестник бури, среди них были такие люди, так называемые первопроходцы, кто первым сумел уловить эти подаваемые природой знаки – у них может слух был по другому настроен или у них времени было больше свободного и они его тратили на всякую чушь, до которой нет никакого дела человеку занятому прокормом своей семьи.

И на такие, катастрофического характера мысли, как правило, наводят не самые обыденные события, а они становятся следствием совокупности нескольких факторов, где спусковым крючком служит не укладывающаяся в обычный порядок встреча с неким вашему уму при первой встрече непостижимым человеком. Чьи в здравом уме не совершаемые поступки и их обоснования, не просто вас потрясли до основания, но к вашему удивлению, вспоминались не как какая-то каверза, а вдруг заставили задуматься над ними.

И вот один из таких людей, близко стоящий к пониманию природы, с именем Трой, – у него даже все внешние признаки указывающие на это, присутствовали на лице: уши, как локаторы, язвительный язык и самое может быть главное, пронизывающий до костей холодом взгляд, – как-то в очередной раз, следуя по пути с места своей службы домой, не смог отделаться от того самого чувства, которое часто тревожит людей одиноких – своей обречённости, а значит и обречённости мира. А такое чувство прихватывает почему-то в полную солнечного света погоду, когда за твоей спиной остались все дела, и ты со свободной душой идёшь навстречу выходным дням (сегодня последний день рабочей недели), где тебя по своей сути должно ждать столько отдыха и радости. Но это только так выходит в теории и в случае, если ты по своей натуре человек компанейский, для которого никакого труда не составит завести новое знакомство.

А если реальность такова, что на месте того человека, кого впереди ожидают выходные, находится такой человек, как упомянутый нами Трой, который быть может и хотел бы составить кому-нибудь компанию и завести новые знакомства, но он слишком сдержан на выражения своих чувств и оттого с трудом заводит знакомства, то такие планы так и остаются в своей перспективе. А когда на пути Троя ещё оказывается своя недостижимая реальность в виде девушки привлекательной наружности, да ещё и такой, за которую он готов даже отважиться на геройский поступок (но только такой, чтобы ему говорить было не нужно), а она, явно умея читать мысли людей вот такой геройской направленности, как у Троя, мотивирует его улыбкой, то Трой совершенно теряется, и как только его путь с этой встречной девушкой, после краткого пересечения, навсегда для него обрываются её скрытием за его спиной, то Трой, увалившись на первую встречную скамейку, начинает подводить мир к своему итоговому крушению.

– Во все времена кричали, что мир сошёл с ума. – Глядя на проходящих мимо по аллее прохожих, принялся рассуждать Трой. – А нынешнее время ничем, ни лучше, ни хуже всех

предыдущих времён. Его единственное отличие от них, оно относительнее. И в нём всё так же кричат, что мир сошёл с ума, но на этот раз относительно, то есть окончательно. И я, как его современник, не могу с этим утверждением не согласиться и от себя не добавить. Я ничего не имею против этого поветрия мысли, и у меня есть все основания считать, что это именно так. – Трой в знак утверждения этого своего заявления, закинул ногу на ногу, сделал независимый от внешних обстоятельств вид и заглянул взглядом в события сегодняшнего дня. Для которых у него есть свои предварительные умозаключения.

– Бывают времена по особому смутные, – размыслил Трой, – и первый признак прихода такого времени, это даже не появление всё большего числа сумасшедших, или по новому, альтернативно мыслящих, а то, что ты их со временем перестаёшь замечать и начинаешь всему этому льющемуся на тебя со всех сторон бреду, а отныне заслуживающей доверие конфиденциальной информации, верить, и прислушиваться к тому, что тебе скажет первый встречный человек на улице, на пути к ней или в самом неожиданном для тебя месте, у тебя под боком, прямо в коридоре, на работе.

И при этом этот первый встречный, почему-то обязательно всегда выглядит совершенно не заслуживающим доверия человеком. А в нём наоборот, всё указывает на то, чтобы ему ни в ком случае не верить, и будет лучше пройти его мимо и не слушать. Но видимо, в такого рода людях присутствует некий магнетизм, какая-то неизвестная человеку притягательная сила, которая не даёт тебе, человеку до этого мгновения разумному и по своему рассудительному, пройти мимо и останавливает в ответ на его просьбу, даже не спросить, а ответить тебе на все мучающие тебя вопросы.

– Я глас вопиющего в пустыне. – Огорошивает тебя заявлением этот человек, позиционирующий себя пророком, сходу, а точнее, в тот момент, когда ты с приятелями по службе заходишь в комнату с ксероксом, чтобы сделать несколько копий, ну и заодно потрепаться за спинами тех своих сослуживцев, кто давно на это напрашивался. И я с приятелями ничего такого не ожидавшие по заходу в копировальную комнату, замираем на пороге кабинета с удивлёнными лицами и в самых неуклюжих позах, со стаканчиками с напитками в одной руке и фаст-фудом в другой (дело было в обед и мы собрались соединить приятное с полезным).

При этом мы всё-таки сумели сообразить, что он имел в виду, когда так эпично самовыразился. Его типа никто не слушает, сколько бы он не пытался донести свою позицию до других людей (даже криком, с брызгами изо рта). Что совершенно неудивительно, учитывая его внешнюю составляющую. И скорее удивительно то, что он ещё на что-то там рассчитывал, выглядя, как последний шаромыга и лапотник. Да такого, не то что слушать не будешь, а рядом с ним стоять зазорно (мы не в счёт, мы были подловлены им на неожиданности). Ведь прежде чем ты раскрыл свой рот и тебя стали слушать, первое слово в тебе берёт твой внешний вид. А если он говорит, что тебе как-то совсем наплевать на то, что о тебе думает сторонний человек и тебе его мнение до одного места, то с какой добровольной стати он будет тебя слушать.

А вот если ты, даже с пророческими вкраплениями в себе, пойдёшь навстречу человеку, причешешь себя (необязательно у дорогих стилистов, а так лишь, расчёской), с зубов соскребёшь хотя бы рыбную чешую, которая там уже прижилась (ну и что ты любишь побаловать себя рыбкой; крепись), одежной щёткой сметёшь с себя половую пыль (ну и что ты привык спать на полу под кроватью и она сближает тебя с простым народом), и самое главное, выбросишь из своего лексикона все эти заумные, простому человеку непонятные слова, то он, пожалуй, тебя выслушает. А если ты ему ещё задуришь голову обещаниями, если не скорого, а скажем так, туманного, вон там за горой, счастья, то он к тебе может быть и прислушается.

Хотя с самим этим его словесным и внешним посылом, честно сказать, и не поспоришь – такой же, как и у тех, посланных в этот мир в единственном экземпляре людей, кто смущает посторонних людей своими удивительными речами, дальновидный и не ко времени взгляд на тебя, одежда с чужого плеча, голова битком набитая мыслями, а иначе дикую причёску на

его голове и не объяснить, и к своему месту бородка на щеках и подбородке, ну и дальше по мелочам.

Что же касается этого его удивившего нас обращения, то он таким эффектным способом, видимо хотел подчеркнуть свою значимость, в общем, выпендриться перед нами – он в этот момент вынул из копировальной машины скопированный документ и, держа его перед собой, одновременно обращался к нему и к нам. Что, надо отдать ему должное, ему удалось. И мы даже заволновались на свой счёт – а не стали ли мы свидетелями нечто такого, за что потом не только по головке не погладят, а вызовут в отдел собственной безопасности, в качестве свидетелей некоего преступления против личности крайне важных для корпорации персон, чью честь попытался ослабить этот тип своими доносами.

– А вот теперь эти его странные слова о своём вопиющем гласе в пустыне, получают свои объяснения и мотивацию для озвучивания. Он распечатывает во многих экземплярах информацию порочащую репутацию первых лиц корпорации, где все мы имеем честь служить. – Мигом сообразил я, чего нам нужно опасаться со стороны этого вредоносного типа. – Сейчас распечатает эти объявления, где совершенно бездоказательно расписано, какие все негодяи и прохиндеи здесь в руководстве: «Генеральный директор, то ещё хамло, а все его замы проходимцы и лизоблюды, пользующиеся своим служебным положением в личных с секретаршами целях и т.д. и т. п.», и только он один приличный, не берущий ничего лишнего человек. И подписавшись знаковым именем «Правдоруб», расклеит все эти объявления на разных этажах нашего здания. Чем введёт в смущение и недоразумение некоторых не стойких в убеждениях сотрудников корпорации, которые начнут шептаться нехорошими словами за спинами руководства, которое утратив для них сакральное значение после этих заявлений «Правдоруба», потеряет иммунитет от обвинений в глазах рядового сотрудника.

И если все раньше считали, что начальство днём и ночью только об их благополучии думает и бдит, то после того, как Правдоруб открыл глаза рядовому сотруднику на настоящую сущность руководства, – они днём и ночью думают только о своём благополучии, а тебя они и знать не знают и знать не хотят, – рядовой сотрудник, отлично зная по имени отчеству и в лицо руководство, начнёт забывать их в лицо, затирая память о нём, заменяя их настоящие имена на всякого неприличного качества и значения прозвища. Так на свет появляются различные Барабасычи и Хапугычи.

Но всё оказалось совсем не так. Правда, определить как, и как же так всё это случилось именно с нами, никто из нас стоящих перед лицом этого странного, но не совсем уж незнакомого для нас человека, никто тогда не смог. Что же касается его знакомости, а точнее сказать, узнанности нами, то это было даже не шапочное знакомство, – хотя каждый из нас его разок мельком видел где-то по своему пути, по коридору здания, – а каждый из нас о нём какую-то странную подробность ранее слышал. И даже его именование «Чокнутый профессор», ясно, что надуманное, говорило о том, что этот человек стоит особняком к нормально мыслящему человечеству.

Ну а почему такого человека здесь, среди людей благоразумных и по большей части приличных держат, то скорей всего, он до помешанности гениального ума человек (как правило, такие люди фундаментируют собой области каких-нибудь прорывных наук), раз его прозвали «Чокнутый профессор». А такие люди всегда с приветом и со своими странностями и чудачествами. И по большому счёту, «Чокнутый профессор», как и все доморощенные Эйнштейны, по другой классификационной шкале, а именно отродясь, зовущиеся Альбертами, просто слишком заикленный на своих гипотезах и разумениях человек, в итоге рехнувшийся на их измышлениях, и больше ничего, как мне тогда казалось.

И надо признаться честно, что таких людей слегка побаиваются (и они частенько дают для этого повод своим неадекватным поведением) и в тоже время недоумевают, но уже по собственной причине – недостаточного умственного развития, всеобщей отсталости и что уж

говорить, лени. Что всё вместе тормозит человека на пути к пониманию такого рода дисциплинированности и трудолюбия этих людей (да на хрена мне это всё надо, когда я могу полежать на диване). Ну а что насчёт заскоков и несурзанности поведения, которые часто сопровождаются появления на людях этих людей, то кто сейчас без них, без этого подчёркивающего человеческую отличительность шарма.

Ну и вся эта его знаковая характерность, немедленно получила своё подтверждение перед нами. Так «Чокнутый профессор» оторвал своё внимание от листа бумаги перед собой, посмотрел на нас изучающим взглядом. На что мы как стояли в одном положении, не смея пошевелиться (а руки между тем обжигались стаканчиками с горячими напитками), так и продолжали стоять, стараясь не оказаться им обнаруженными.

Но разве кто-то может понять ход мысли таких людей, как «Чокнутый профессор», а уж что уж говорить о том, чтобы предсказать последующее их поведение. Этого, скорей всего, и сам «Чокнутый профессор» не в силах сделать. Так что всем нам, в том числе и самому «Чокнутому профессору», пришлось ждать и уповать на чью-то неизвестную милость, которая за профессора всё решит и направит его мысль по некоему избранному пути.

И вот путь избран и «Чокнутый профессор», то есть Альберт, направлен проведением в сторону копировального аппарата, а если точнее, то он поворачивается к нему, поднимает крышку этого многофункционального аппарата (он также может сканировать), и, держа её в таком положении, видимо решает провести для нас краткий курс ознакомления с работой этого аппарата (все люди с научным мировоззрением, испытывают большое желание поучать людей без научной степени и до хрипа в голосе оспаривать глупые, по их мнению, гипотетического характера утверждения людей с научными степенями).

– Вы знакомы с принципом работы сканера? – ко всем нам, в общем, и как нами подспудно понимается, и к себе в том числе (он, таким образом, себя проверяет на знания) обращается с этим вопросом Альберт, «Чокнутый профессор». И хотя часть из нас могла похвастаться своим, не обязывающим всё знать знанием работы сканера, а другая часть могла заявить о поверхностном знании работы этого аппарата, – положить сканируемый документ на стеклянную поверхность, а далее следуя пошаговым инструкциям, нажимая кнопки, – никто из нас не стал об этом говорить, отлично зная, что когда имеешь дело с такого рода, сами себе на уме людьми, лучше будет промолчать и внимательно слушать, что тебе скажет этот непредсказуемый человек.

Альберт же, невозможно по его внешнему виду понять, остался ли он доволен нашим ему ответом в виде понимающего молчания, взялся за объяснения. – Сканер состоит из сложной системы зеркал и объектива. С помощью потока света, попадаемого на оригинал, изображение доставляется на экран компьютера. Свет, отразившись, попадает на оптику внутри сканера, где с помощью драйверов расшифровывается этот электрический импульс, содержащий в себе информацию о форме и цвете сканируемой картинке. – Альберт сделал многозначительную паузу, изучающе глядя на нас. Где он переводил свой взгляд от одного к другому и обратно по кругу. И так пока, он к моему крайнему неудовлетворению, не остановился на мне.

А мне не может быть, а точно и уверенно, такая ко мне пристрастность взгляда незнакома для меня человека, не нравится. Но при этом и отвести своего взгляда в сторону я не могу, по сторонам от меня стоят мои товарищи, которые сочтут такой мой поступок не дружественным, и это будет выглядеть не по товарищески (перевёл стрелки на нас). – Но тогда что мне делать и чего собственно от меня хочет этот Альберт? – только было я попытался разобраться со складывающейся вокруг меня ситуации, как... А вот дальше всё со мной произошло так молниеносно и головокружительно для меня, что я и сообразить не успел что со мной происходит, подхваченным за затылок головы чьей-то сильной рукой (скорей всего Альберта, а тогда зачем он так резко в мою сторону направил свой ход – расстояние между нами было всего-то шага три) и так близко пододвигаемому к сканеру, что я хотел уже закричать: «Осторожно!

Моя голова!», но было уже поздно, и я в профиль был вдавлен в стеклянную поверхность сканера, и крышка сканера тут же закрылась над моей головой.

И мне, находящемуся в таком крайнем необычном для меня положении и при этом крайне неловком для меня, – мои руки обхватили собой сканер (стаканчик с напитком и фаст-фуд выпали из рук), ноги, согнувшись в коленях, немного приуныли от такого неудобного и слегка невыразительного положения, мой зрительный обзор вокруг был ограничен двумя поверхностями сканера: крышкой и сканирующей поверхностью, из под которой до меня доносился пугающий меня шум различных механизмов и пробивался свет, в общем, всё было плохо от такой своей подневольности, – теперь оставалось ждать на мой счёт решения этого безумного Альберта.

И как мной с дрожью в ногах и отчасти в себе, где сердцебиение начало отклоняться от нормального, понимается, то мои товарищи ко мне на выручку и не спешат прийти, и скорей всего, не придут – им, видите ли, самим до дрожи в ногах страшно и они уже одному рады, что оказались не на моём месте. А за это уже стоит возблагодарить судьбу и побороться с реальностью своим согласным молчанием. – В общем, трусы и с этого момента мне они совсем не товарищи. И если в следующий раз что-нибудь такое с ними приключится, то я тоже не буду спешить бросаться им на помощь. – За этими своими, сугубо губительными для нашего товарищества, мстительными мыслями, я пропустил, чего там вначале сказал Альберт. Но потом быстро сообразил, что сейчас решается моя судьба, наострил свои уши на слух (что было крайне сложно сделать, учитывая оказываемое на них давление со стороны крышки сканера) и принялся прислушиваться к тому, что там говорит Альберт.

А этот Альберт, как можно было сразу догадаться, ничего для меня хорошего не приготовил, а он, без всякого с моей стороны согласия, и непонятно на каких, таких основаниях, собрался провести сканирование моей головы. С чем я категорически не согласен, хотя бы потому, что я в такого рода вопросах, касающихся моей головы, ещё даже мной мало изученной, крайне щепетилён и не доверчив к людям без соответствующей квалификации. А Альберт, как мне это известно, не имеет никакого отношения к медицине, и у него нет патента на оказание такого рода услуг, даже по пониженной таксе или вообще бесплатно. И тогда спрашивается, к чему всё это и к чему всё это может привести. Хотя отчасти я могу дать ответ на этот вопрос – к болевым ощущениям в моей голове.

Но Альберта, по всей моей слышимости, все эти ждущие мою голову последствия совершенно не волнуют, и он, как мне объёмно слышится, по причине нахождения на моей голове крышки сканера, собирается сейчас считать то, что находится в моей голове. – Посмотрим, – заявляет Альберт, – чем наполнены головы современных представителей творческой или какой его там прослойки молодёжи. Конечно, я понимаю, что я действую по старинке, обращаясь напрямую к голове, а не как вам привычней, к другому месту, каким вы садитесь на сканер и таким образом фиксируете себя, но у вас свои методы своего познания, а у меня свои. – На этом месте Альберт, к сглазыванию мною комка страха, сильнее надавливает на крышку сканера и как мной понимается, запускает сканер. Ну а я ещё крепче обхватываю сканер и закрываю глаза, чтобы их не повредить от бьющего снизу яркого света.

И теперь я полностью оказываюсь во власти звуков заработавших под моей головой разного рода и видов механизмов, где мной угадывается побежавшая световая гашетка, которая, скорей всего и стоит за этим световым просвечиванием уложенного на стеклянную поверхность сканера оригинала, то есть моей головы, которая сейчас будет в доступных для света местах просвечена. Затем, как объяснял Альберт, полученная с помощью этого светового сигнала информация, будет преобразована в электрический импульс, который в свою очередь будет перенаправлен в считывающее Альбертом устройство – наверняка, на заранее им приготовленную флешку. После чего он у себя, в закрытом от чужих глаз кабинете, расшифрует эту

конфиденциального характера информацию, о которой и я-то всё не знаю, и начнёт ею меня шантажировать.

– В вашей голове не обнаружено присутствие мозга, и я даже не знаю, о чём с вами и с вашим начальством после этого не обнаружения говорить. – Поймав меня в каком-нибудь тёмном переходе, обратится ко мне Альберт, глубокомысленным видом и со своим показным доразумением на лице, которое я должен на нём прочитать, если я окончательно не утратил способности самосохранения и рефлекс, для которых моя мозговая деятельность отчасти помеха. А вот мои рефлекс, даже я не ожидал такого, а Альберт и в помине, работают на отлично. И они на этот раз отреагировали безукоризненно (в первый раз, у сканера, они были застаны врасплох, а сейчас они, явно обладая мышечной памятью, уже знали, что ожидать от Альберта).

– Так и скажите, что теперь у руководства нет причин для отказа в моём повышении. Я полностью соответствую их представлению идеального работника. И к тому же очень близок к ним по умственному развитию. – В один свой ответ собыю я всю спесь с Альберта, явно не рассчитывающего на такой результат своего теста. Хотя этот Альберт и ведёт себя так рассеянно и подчас неразумно, всё же он далеко не так прост, и он скорее всего, просчитает заранее такой вариант моего ответа. И тогда он обратится ко мне с другим предложением.

– В вашей голове мной было обнаружено странного характера неустройства, типа опухолей. – С загадочным видом обратится ко мне с этой страшной для меня новостью Альберт. Ну а я, узнав об этом смертельном диагнозе, буду готов на всё, чтобы продлить свою жизнь хотя бы на минуточку, или же решу тут же плюнуть на всё, и немедленно на ботинки Альберта, и заявить ему и на весь мир, что с этого момента меня ничего в этой жизни не волнует, и я пошёл её просаживать в ближайший бар.

А так как я к такому поворотному для себя событию не был подготовлен и только сейчас извешён, то Альберту теперь никуда не деться, когда я ему на ноги наступил, и заодно оттого, чтобы мне не отказать в денежной помощи на это крайне для меня необходимое дело. А если ты, Альберт, будешь демонстрировать на лице боль от своего непонимания моих насущных нужд, то я тебя, падла, прямо сейчас с лестницы сброшу, и мне ничего за это не будет – ведь для меня завтра уже нет, а все последствия моих действий, всегда живут в будущем, в этом уже несуществующим для меня и несущественном завтра.

Но видимо Альберт и этот вариант просчитал, и он решил так на свой счёт не рисковать, а прямо сейчас, после того как световая гашетка подо мной вернулась в начальное положение, озвучил часть полученной информации (она проявилась на выброшенном в лоток листе бумаги).

– Так, ну и что тут у нас. – До меня донёсся голос Альберта, как мной понялось, вынувшего из лотка этот информационный лист. Ну а я, боясь пропустить мимо себя хоть одно слово Альберта, не стал торопиться отрываться головой от сканера, на которую, как мне почувствовалось, перестало оказываться давление со стороны Альберта. И я, замерев в тревожном предощущении, – когда ставят диагноз, всегда жутко чувствуется, – принялся слушать.

И Альберт с первых своих слов напугал меня. – М-да. – Так это безнадёжно сказал Альберт, что меня в ногах подкосило, а я в лице взмок (хотя это было следствием теплопроводности стекла сканера). – И я, в общем-то, не удивлён. – А вот это следующее заявление Альберта, странно мне слышать, как надеюсь и для моих бывших товарищей. Хотя я от них уже всякого жду. Но сейчас меня не это больше всего волнует, а мне надо знать, чего там в моей голове и какие несоответствия здоровому организму и духу, выявил Альберт.

– Успех, успех и ещё раз успех. Что и говорить, мощно закодирован. – Озвучивает свой эпикриз Альберт. – И вот эта его настройка на одно, больше всего и пугает. А где значения сердца и хоть каких-то чувств, кроме этого самосовершенства. – Уже в лицо мне спросил Альберт, в растерянности держа в своих руках лист бумаги, с отсканированным изображением

моей головы. Я же резко выхватываю из его рук лист бумаги и, подведя его к себе, впииваюсь в него взглядом. Ну а там на меня смотрит тёмное пятно и как бы всё.

Я поднимаю голову, смотрю на Альберта, затем на своих так себе товарищей и требовательно задаю свой вопрос. – Это какая-то шутка или розыгрыш?!

– Никакой шутки, а тем более розыгрыша. – Даёт немедленный ответ Альберт.

– Тогда почему мне так это кажется, глядя на вот всё это. – Демонстрируя своё отсканированное изображение, обращаюсь ко всем я.

– Если вы что-то не понимаете, это ещё не значит, чтобы не принимать в серьёз то, что вы не понимаете. – Заявляет Альберт.

– Объясните. – Жёстко отвечаю я, начиная нервно накаляться из-за того, что был подвержен такому для себя унижению и не пойми за что. И, наверное, понимаю я, за что и по какому случаю меня так прищучили крышкой сканера, я бы, скорей всего, также испытывал возмущение и даже желание помахать кулаки после драки, но всё же я бы знал за что и по какому поводу всё это случилось, и так сказать, на этот счёт был спокоен. И видимо, человеку отчего-то (не отчего-то, а из-за жажды справедливости) нужно знать информационную составляющую происходящего с ним, которая позволяет ему понять, что дальше делать и по какому пути в дальнейшем идти – смириться или мстить.

Ну а Альберт верен своей самоидентификации странного и труднопонимаемого человека, который даже при самой ясной погоде умеет напустить тумана и другой мысленного характера расплывчатости. – Чтобы прочитать тёмные области сознания человека, нужно обладать специальной квалификацией. И тут одних рентгенологических знаний просветов и затемнений будет недостаточно. Они только для определения опухолей годятся. – Заявляет Альберт, не без своей доли тщеславия, вирусом которой заражены практически все умы людей не без талантливых. И Альберт, как и другие носители в себе знакового таланта, в данном случае хитроумно использует эту свою характерную ему особенность, тщеславие (у него оно явно дикое и только отчасти прирученное).

Ведь он, таким хитроумным образом, ставит меня и моих трусоватых товарищей перед сложным выбором. Либо я должен признать за ним несомненные пророческие способности разгадывать тайны и загадки чужих голов, – а все чудики и иначе мыслящие люди, типа шизофреников, определённо обладают этими качествами; они только словесно выразить не могут эти свои знания, хотя не без своих откровений, когда они пугающе кому-то вслед или в лицо кричат: Ты такой же как и я, придурок! – либо же оказаться в дураках, послав его куда подальше (надеюсь, не нужно объяснять почему).

И мне приходится признать в нём наличие этого тайного умения читать чужие головные секреты. Но только косвенно и не напрямую, я же не полный придурок, а нахожусь только лишь на пути к нему. – А если яснее. Или вы к этому не способны. – Уставившись на Альберта, процеживаю слова я.

Альберт же выражает немедленную способность ответить. И он с открытым лицом, то есть без налёта неискренности, говорит. – Любая глубокая информация, а в нашем случае она именно такая, никогда полностью с первого поверхностного взгляда не открывается. Она должна накопиться и так сказать, отстояться. Тем более, когда мы её передаём не напрямую, а считываем посредством посредника, в нашем случае сканера. Где световая гашетка со своим лучевым считывающим устройством, только часть информации сразу передаёт на поверхность, тогда как основной информационный блок, в цифровом виде сокрыт от наших глаз в темноте. А вот чтобы вынуть эту интересующую нас информацию, нужно время и умение. – Тут Альберт делает шаг к сканеру и вынимает из него вставленную флешку. Затем с многозначительным и как мною понимается, много чего уже знающим обо мне видом, демонстрирует перед нами эту флешку, и вслед за этим вновь подлавливает нас непредсказуемостью своего поведения – он, никому ничего не сказав, резко скрывается с места, а затем за выходными дверьми (а мои

бывшие товарищи, и уже бесполезно полагаться на их мужество, само собой не встали на его пути, а в момент отпрыгнули в стороны и пропустили его).

Ну и после всего случившегося в копировальной комнате, уже идти ни о какой речи о посиделках там быть не могло. И каждый из нас, не решаясь посмотреть друг другу в глаза, а ограничившись номинальным взглядом себе под ноги и на занятые, а у кого и свободные руки, пробубнив под нос всякую несурзность, типа: «Ну и дела», или «А кофе и остыл», вслед друг за другом покинули копировальную комнату. После чего все разошлись по своим рабочим местам, переваривать в голове это событие. Ну а кому всё это событие было труднее всего переварить, тот тут без вариантов.

Трой на этом месте сделал паузу в своём прокручивании сегодняшних событий, и не только потому, что ему действительно потребовалась передышка, а его от этого дела отвлек и не пойми откуда появившийся дворовый кот, который вдруг воспылал дерзостью и отвагой, а также страстью к ноге Троя, и принялся её умиловать, потираясь об неё. В результате чего, Трой при виде такой его дикой бесцеремонности, даже потерял дар мысленной речи, которая и привела его к остановке всех мысленных действий, и он воззрился на этого мурчащего кота, вполне себе упитанного (он явно нашёл для себя формулу кормления, и стало быть, счастья), рыжей окраски, самой распространённой породы – дворовый кот, а другими словами, приближённый ко двору чьей-то светлости, и не такого грязного, как все дворовые коты.

– Наверное, домашний, но при этом со своими независимыми взглядами на своё времяпровождение на улице. А, по мнению хозяев, совсем отбилась от рук, подлец. – Рассудил про себя Трой, поглядывая на кота, а может и на кошку. – «Я этому негодю ничего не жалею, трачу на него, можно сказать, больше чем на самого себя, а он, что за неблагодарная скотина, всё недоволен и поглядывает на улицу», – переполнившись возмущением на Мурзика (а по мнению Троя, котов только так и зовут), и зачем-то перекрестившись, в итоге поставил точку в совместном бытие-житие хозяин Мурзика, в очередной раз загулявшего по дворам (а я делаю визиты, разве ты не этим занимаешься в своё отсутствие), захлопнув перед его удивлённой мордочкой дверь.

«И можешь там замяукаться, я всё равно тебя не слышу и отныне не понимаю!», – заявил бессердечный хозяин Мурзика, надевая на уши наушники, с громко голосящей оттуда музыкой. «Да-да, любимый тобой хэви-металл, буду слушать», – а вот такого кошунства со стороны хозяина, Мурзик стерпеть не смог и навсегда оставил свой прежний дом на произвол бездушным ветрам, которые без его там нахождения, вскоре всё там внутри выветрят, и как бы прежний хозяин не топил камин и не укрывался под тремя одеялами и спал в валенках, всё бесполезно. Душевная стужа не даст ему никогда согреться, пока Мурзик не будет обратно возвращён.

– Но при этом Мурзик не какая-нибудь неживая вещь или игрушка, и у него тоже есть гордость и чувства, как минимум обоняния, и к тому же ему нужно каждый день кушать. А для этого нужно как-то определяться, хотя бы с ночлегом. Вот он при виде меня и сообразил на мой счёт с таким дальним прицелом. – Сообразил Трой. «Сейчас я этого хмыря подомну под себя своим обаянием, а затем буду делать с ним, что захочу. Ещё никто не мог противостоять моему мурчанию, – примерно вот так за меня решил Мурзик». – Усмехнулся Трой, продолжая наблюдать за котом, чей хитроватый вид, с подглядыванием на него искоса, иначе и не мог трактоваться.

При этом Трой совсем упустил из виду другое, на виду лежащее объяснение такой чистоты этого кота, так уж и быть, пусть будет Мурзика (Трой насчёт имён котов придерживается консервативных взглядов и не слишком изобретателен) – он своей чистотой обязан брюкам вот таких лопухов, как Трой, и не пойми с чего и с какой это ещё стати решивших, что Мурзик, его, первого для него встречного типа и не пойми какого характера (а может он любит всей кошачьей душой Мурзика ненавидимых собак) – одно ясно, не самого благоразумного, –

проникся к нему доверием и не прочь стать для него домашним любимцем, а не льстит ему ради чего-нибудь для себя сладко. А на это между тем всё указывает. В общем, лопухи все эти люди.

А между тем, за одной ошибкой Троя последовала одна за другой. Так он начал путать порядок последовательности причин и следствия, придя к удивившему его умозаключению. – А ведь в чём и угадал этот кот, так это в моих музыкальных предпочтениях. – А ведь сам Трой так за него надумал, а теперь этому ещё и удивляется. Но ладно это, но тут Трой вдруг сообразил провести свои параллели между сегодняшним событием в копировальной комнате, наложившей свой отпечаток на ход его мыслей и встречей с этим котом.

– А ведь тому, что стало столько появляться и встречаться на пути людей, если и не сумасшедших, а с альтернативным образом мышления, но обязательно с закидонами, какими характеризуются люди не от мира сего и нашего ума, есть своё логичное и даже с научной точки зрения объяснение. – Рассудил Трой. – Как домашние животные, те же кошки, на нейронном уровне чувствуют наступление землетрясения или другого рода катастрофы, так и эти, особо чувствительные к внешним раздражителям люди, не могут усидеть дома. И они, всеми фибрами своей души чувствуя необъяснимую в себе тревогу и какую-то сдавленность души, со своим мысленным беспорядком, – окружающий мир, отныне не укладывается ими в их разумение, – выходят на улицы и идут в люди, чтобы нести им своё слово и предупредить их об надвигающейся угрозе конца света. Ну а почему они начинают пророческим голосом говорить именно о конце света? А всё просто, они только одно знают точно – человек только к одному может прислушаться и поверить – к указанию на конец света (это отвечает его природным воззрениям на мир, ведь никто не вечен).

– Но к твоему описанию подходит каждый второй. Да тот же сосед по подъезду, вечно пребывающий в сухом остатке, то есть выжатый как лимон, а если ещё точнее, пребывающий не в себе трезвом, Никанор. – Тут Трой, как это было ему иногда свойственно, выделил в себе для обстоятельного разговора собеседника, с кем путём диалога, часто доходящего до жаркого спора, можно было добраться до истины, и принялся сам с собой, но при этом про себя, вести беседу. Правда, на этот раз ему было несколько легче образно представлять этого, всегда так критично к нему относящегося собеседника – он его поместил на место кота и как бы обращался к нему, а тот успевал делать несколько дел за раз: манипулировать его сознанием, путём притирки своими боками к его ноге, пытаться заглушить голос разума своим мурчанием и выдвигать свои спорные претензии к Трою.

Трой же, в ответ на это указание Мурзика, как выясняется, отлично знающего Никанора (Трой наделил Мурзика своими знаниями, вот и всё объяснение этому факту), забулдыгу, каких не трудно встретить на подворотнях жизни, и человека в плане своего упития крайне активного, мысленно посмотрел на прилегшего отдохнуть на травке у лавочки Никанора и дал свой ответ. – Это всё внешняя оболочка Никанора, где под его внешней бесчувственностью, а временами крайней агрессивностью и драчливостью, направленной против своих близких, скрывается очень чувствительная натура. Ведь его близкие не хотят признавать его в доме хозяином, вот ему и приходится отстаивать это своё право в столь агрессивной форме, стуча по столу и вопросительно крича: «Кто в доме хозяин!». Отчего он часто и не может находиться под одной крышей со своей супругой стервой, ни во что его ставящей и пребывающей в большом предубеждении на его счёт, и выходит на улицу, чтобы проветриться (здесь не совсем становится понятно, чью сторону защищает Трой; хотя всё же понятно то, что у него сторон нет).

– Пропойца и шаромыга ты, Никанор. И никакого от тебя толку дома нет, одни только затраты. – И как спрашивается, после таких слов той, кого Никанор когда-то боготворил и сейчас такое иногда бывает, Никанор может не сорваться на немедленное соответствие этим её заявлениям. А как только он слегка своё сердце успокоит в пивной, то уже его ноги начинают препятствовать его ходу, требуя от Никанора необходимого для них отдыха, хотя бы вот здесь,

на травке, у лавочки. И Никанор, вновь вспомнив эти слова своей благоверной, которую он боготворил и хотел сейчас предупредить о надвигающейся на мир опасности (откуда он узнал, то об этом Никанор умалчивает), решает, что фиг ей скажет об этом, и тут же валится отдохнуть на своё привычное место, у лавочки.

Ну а на этот раз собеседник у Троя более чем активный, и Мурзик, оставив штанину Троя, подошёл к похрапывающему Никанору, – он в мысленной реальности Троя лежал неподалёку от него, – сперва принялся к нему, затем от неудовольствия и частично от потрясения фыркнул: «Ну, ты и даёшь Никанор!», и, вытянув лапу, похлопал ею по щекам Никанора. И что удивительно, так это то, что Никанор отреагировал и открыл глаза, которыми он воззрился на кота.

– Слушай Никанор, – обращается к нему Мурзик, – когда конец света?

Ну а Никанор нисколько не удивлён такому к себе кошачьему подходу. Он ещё и не такое видал с нетрезвых глаз. Всем известное изречение: «Сон разума рождает чудовищ», в полной мере получило подтверждение практикой Никанора, повидавшего таких чудовищ, что он иногда просыпался, не успев добежать до туалета. Так что говорящий кот, это ещё не сон разума, а так, всего лишь предисловие к ним. Что же касается ответа на этот вопрос Мурзика, то он лаконичен.

– Он уже наступил. – Пробурчал Никанор, прикрыв обратно глаза. И, пожалуй, сложно оспорить это утверждение Никанора, когда он так очевиден. Хотя Никанор в своём ответе слишком субъективен и значит, его ответ не может приниматься за точный отсчёт.

– Но тогда, сколько времени нам всем осталось? – задался вопросом Трой.

– Сколько? – повернувшись к Трою, переспросил Мурзик, и тут же дал, даже не ответ, а несколько больше: алгоритм поиска ответа на этот вопрос. – А так ты, вопрошая себя, никогда не узнаешь. А чтобы узнать ответ на этот вопрос, тебе нужно со всем вниманием подойти к этим, так чувствительно мыслящим людям. И это совсем не Никанор, а ты знаешь одного такого. – Мурзик так многозначительно муркнул, что Трой в раз догадался, о ком он ему мурчит – это Альберт. А вот на этот раз Трой почему-то удивился такой проницательности Мурзика, за которой, как и за всеми прежними действиями Мурзика, стоял он сам.

Ну а Мурзик, пока не закончилось действие этого его заморозки Троя, а для него странного типа, с не пробивным на ласки характером (видимо жмот) и таким же упорным на одной мысли лицом, в завершении своего разговора с Троем, добавляет. – А теперь Трой запомни главное. – Отчётливо до Троя доносятся человеческие, а не кошачьи слова. – Раз конец света не за горами, то надо брать от жизни всё и при этом самое лучшее (а что-то усреднённое, то это точно не про тебя). И никаких ограничений. Ты всё понял? – уставившись на Троя немигающими глазами, спросил Мурзик. Ну а Трой, придавленный ошеломлением, в которое он впал при виде всего происходящего с ним, ничего другого сделать не может, как пробормотать в ответ: Да.

– Тогда чего сидишь и зря теряешь время, бери, что идёт тебе прямо в руки. – Мурчит Мурзик и поворачивает голову в противоположную от Троя сторону. Куда вслед смотрит Трой, и видит, не прямо перед собой, а через дорогу, смотрящую куда-то в неизвестную даль девушку неземной красоты, как бы выразились люди романтического склада ума и не большой фантазии. С чем Трой, спроси его об этом, полностью согласен, и он даже мог бы от себя пару восторженных слов добавить, сумей он справиться со сковавшим его волнением. И, наверное, с одной стороны хорошо, что эта неземная красотища находилась на своей отдалённости от Троя – у него есть аргумент: «Она далеко стоит», чтобы не подойти к ней и не спросить её: А у меня есть хоть какой-то шанс?

Сам же Трой, насчёт себя человек много чего знающий, определённо догадывался о том, что дальше может произойти, а если точнее, то куда его может привести ход его мысли: «А ты не сиди, а сократи расстояние между собой и ней. А там посмотрим, что она тебе скажет»,

решает предупредить эти свои действия (да и девушка может сейчас на него посмотреть и тогда у него не будет шанса устоять, если она вдруг захочет ему улыбнуться). Ну а лучшего средства для отвлечения своего внимания от интересующего тебя объекта нет, как через перенаправление своей мысли. И Трой, продолжая смотреть на девушку, мысленно вернулся к своему прежнему размышлению, о предтечи смутных времён и его признаков – людей до безумия интенсивно мыслящих, и к чему оно в итоге привело – к рыжему коту. И на этот раз, это всё вдруг неожиданно развеселило его.

– А я дурак, недалеко от них ушёл, – хлопнув себе по колену рукой, усмехнулся Трой, – раз верю всему, что мне скажут, и дошёл до того, что разговариваю с первым встречным котом. – А вот последняя мысль о первом встречном, а не каком-либо другом (как будто разговор с другим котом, кардинально бы отличался от этого), так развеселила Троя, что он не сдержался и, откинувшись на спинку скамейки, закатился задорным смехом. Где он сквозь слёзы увидел обращённый на себя взгляд посматривающей на него в удивлении девушки неземной красоты, и этого ему было достаточно, чтобы наполниться счастьем. Да, кстати, а кот Мурзик куда-то вдруг пропал.

Глава 4

Связующая собой, разбросанные во времени и пространстве события. За что нужно отдать ей должное, но при этом не стоит слишком расслабляться, так как нас ждут события куда как более запутанные, чем раньше.

Пребывающие на вокзал люди, даже если они беззаботно выглядят, вроде как не спешат и никуда, в общем, не собираются убывать, а всего лишь кого-то провожают или встречают (бывают и такие люди, кто здесь работает, а кто живёт в грязных переходах; это ничего, им нравится такая жизнь, а не нравилась бы, то они бы её не добивались), то всё равно слегка за что-то там переживают и спешат в тех же мыслях, боясь, что опоздает тот поезд, на котором убывает их хороший знакомый, кого они провожают. И тогда их хорошему знакомому придётся ещё на один денёк остаться, а провожающий уже столько радоваться не может, у него уже печень отваливается от перепоя.

Правда, есть среди пребывающих на вокзал и такие люди, кто в тайне своей души желал бы этого опоздания поезда навсегда и эти люди называются ещё влюблённые друг в друга, которые по прибытию на вокзал, даже не смотрят на информационное табло, не сводя своих взглядов друг с друга, как будто за то время, сколько они были вместе, они не насмотрелись друг на друга, когда только этим делом и занимались всё время. И ведь что интересно, – а этим влюблённым за этот факт крайне обидно, – что в их случае, ожидаемый только расписанием железной дороги поезд, а не ими, практически никогда не опаздывает, и что за нахал такой, вечно подаётся на первый перрон, чтобы значит, влюблённые с ним никак не разошлись и тут же на него натолкнулись.

– А вот и наш поезд. – С трудом скрывая своё разочарование, говорит вслух молодой человек, влюблённый во влюблённую в него девушку. А вот что он умалчивает по поводу пунктуальности машиниста поезда, то об этом лучше не говорить, даже если влюблённая в него девушка, была бы полностью на его стороне и в таких же выражениях.

Ну а при виде физического воплощения неизбежности расставания в виде поезда, ещё сильнее подстёгивается сердечный ритм влюблённых друг в друга людей, и они, не теряя больше не минуты, забыв обо всём (может это их шанс не расстаться сейчас), с помощью рук укрепляют связь между собой, – я тебя никому не отдам, а я тебя тоже, – и погружаются взглядами друг в друга. Чем сбивают с хода и нервно волнуют людей не столь беспечных и спешащих по перрону к своему вагону с руками полными сумок.

Правда здесь, на перроне, были и такие люди, кто никуда особо не спешил, ни в ту, ни в другую сторону, а ещё заранее занял собой наиболее привлекательную для посиделок лавочку, – она находилась под ограждающим от дождя и солнечных лучей настилом, отлича-

лась своей чистотой и была всех ближе к выходу из вокзала. А как занял, так и принялся вести своё наблюдение за всем происходящим на перроне, несколько нервирова своим внимательным вмешательством ответственных за чистоту перрона сотрудников вокзала. И эти сотрудники дистанции пути, отвечающей за чистоту перрона, с переживанием на лице покидают перрон, идут к себе в подсобку и там, вынимая из одного секретного места чекушку, в сердцах возмущаются. – Не могу я работать в таких невыносимых условиях, когда мне смотрят по руку! Я сбиваюсь и не могу полноценно выполнять свои служебные обязанности. Наливай!

Но кто же это такой или вернее, такие, кто в указанном нами месте, в упоминаемое нами же время, уселся на эту самую привлекательную лавочку и выводит из себя людей, облечённых трудовыми обязательствами. А вот с первого, даже внимательного взгляда, которым их удостоили работники перрона, и не поймёшь, что так вывело из себя всё тех же работников перрона, – а они повидали всякого люда, и их вывести из себя, а затем с перрона, крайне сложно и можно только невозможным для их понимания обстоятельством своего поведения. А эта парочка, кто занял собой эту самую привлекательную скамейку, вроде и ничем особенным не отличалась от любой другой пары людей, кто по какой-то внутренней осознанности или побуждению, когда-то, а может совсем недавно, решил, что им порознь не будет так эффективно и комфортно жить, нежели воедино. Что и привело к созданию этой пары.

А вот что точно их друг с другом связало, то вот это сразу и не уразумеешь. Вот если бы они, как та пара влюблённых, не сводила друг с друга глаз или вообще целовалась, то можно было бы записать их во влюблённые. Хотя нельзя отменять и того факта, что они свой медовый месяц страсти пережили и сейчас им приносит большую радость другого рода близость – будет хорошо вот так рядышком посидеть, не касаясь друг друга и, глядя в неизвестную даль, откуда время от времени пребывают поезда, мечтать или строить планы о своём будущем. А так их лица именно так проникновенно и целеустремлённо выглядели, то эта версия их понимания выглядит наиболее убедительной.

Ну а когда на пути этой их целеустремлённости, пронизывающей прямо до костей людей без мечты о будущем, вставал работник перрона, то его прямо пробивало в пот осознанием чего-то такого для него недостижимого, и он не мог сдержаться и бежал к себе подсобку, где и выносил весь мусор из себя (конечно, фигурально – весь мусор так и остался лежать на перроне).

– Похоже, что и сегодня их не будет. – Поднявшись со скамейки, обратился к своей спутнице, молодой девушке, прикрывающей свою красоту платком, молодой, но в тоже время серьёзных видов человек. Его спутница перевела свой взгляд на своего спутника и спросила его. – Какие есть предложения?

– Предложения. – Многозначительно посмотрев куда-то вдаль, повторился за своей собеседницей молодой, но серьёзного качества человек. – Сдаётся мне, что нам не будет лишним проехаться до Владислава и посмотреть, как у них движутся дела. – Сказал Илия, при свете дня и рядом со своей спутницей совершенно на себя вечернего не похожий.

– Есть повод для беспокойства? – спросила Илию его спутница Саша.

– Даже если бы и был, то мне что за дело до этого беспокойства. – Холоднейшим образом ответил Илия, судя по его ответной реакции, такой человек, которому не свойственно ни о чём беспокоиться, особенно о чужом беспокойстве. А такая его нечувствительность к окружающему, своего рода бесчувственность, отчасти объясняет эти на расстоянии отношения между ним и его спутницей. И теперь и не поймёшь, что их между собой связывает и из какого интереса они связались между собой и здесь объявились.

Правда, стоящий рядом с Сашей (это спутница Илии) на скамейке средних размеров контейнер, используемый людьми для перевозки своих домашних любимцев, мог бы частично прояснить ситуацию их здесь нахождения. Может они ожидали здесь прибытие кошачьего заводчика (в контейнере, скорей всего, находился кот), пообещавшего привести для знаком-

ства с котом Саши, наиредчайшей породы, родовитую кошечку – вот почему всё так сложно обставлено и происходят все эти встречные затруднения.

– Что ж, – проговорила Саша, бросив взгляд по направлению железнодорожной дали, – видимо и сегодня не тот день. Так что, почему бы и не провести наших друзей. – Сказала Саша, поднимаясь со своего места.

Илия как стоял, не шелохнувшись, так и продолжил наблюдать за тем, как Саша вначале заглянула в контейнер, где она по сюсюкалась с его обитателем, после чего прихватила контейнер и, окинув взглядом Илию, выдвинулась по направлению вокзала. Куда вслед за ней выдвинулся и Илия. Ну а как только они скрылись в дверях, ведущих в здание вокзала, и тем самым освободили от своего присутствия перрон, то на него тут же вернулись работники перрона, теперь выглядящие приободрёнными и столь решительно, что они даже были готовы предъявить претензии тем людям, кто вначале их о посредственно, через своё пристальное внимание, вывел отсюда, а затем их так приободрил. Но к своему непониманию происходящего, работники перрона никого из тех лиц, кто их вывел из себя, на перроне не застают и это их по-новому выводит из себя и вслед с перрона.

– Совершенно невозможно работать в столь изменчивых условиях. – Посетовал на тяжёлую долю работников перрона, бригадир всё тех же работников перрона, открывая в подсобке ещё одно бутылочное н.з.

Что касается Илии и Саши, то они благополучно миновали вокзал, затем прилегающую к нему площадь и, дождавшись своего автобуса, убыли на нём. Как они в нём добирались до своего пункта назначения, то в виду того, что ничего особенного с ними не приключилось по пути своего следования, то здесь это не будет упоминаться, а вот когда они прибыли, то на этом месте мы остановимся.

Так вот, когда по их расчётам им нужно было выходить, – а такие расчёты, как правило, строятся видами из окна того же автобуса, в котором они ехали, – то Саша, кто в общем-то и решал, где им выходить, ещё до прибытия к своей остановке, заметила в окно кого-то, кто вызвал у неё волнение на лице. С чем она смотрит на Илию, а тот ничего не говоря ей, кивком даёт понять, что он тоже видел. Ну а кого они видели, то это выясняется по их выходу из автобуса, где они сразу заходят под крытие остановки и по отъезду автобуса смотрят на другую сторону улицы. Где из своей относительной массы прохожих, движущихся в разные стороны и пока не видящих особых оснований для своей остановки, – ни у кого не развязываются шнурки или упал телефон, – тем выделялась одна парочка людей, что она стояла на одном месте и как будто кого-то ожидала. И скорей всего, именно эта пара людей особенного телосложения, – она отличимо от остальных прохожих, мускулисто выглядела, – и заинтересовала Сашу и Илию.

– И что они стоят? – спросил Сашу Илия. И хотя этот его вопрос был не в бровь, а прямо в чей-то незнакомый глаз, – нашёл, что спросить, – Саша, по своей природе более отзывчивая, чем Илия (спроси она его тоже самое, то он послал бы её у них спросить), нашла, что ему ответить, чтобы значит, было без обид.

– А как ты думаешь? – вопросом на вопрос ответила Саша, давая понять Илии, что на такие вопросы, только внимание даёт ответы. И Илия, со всей своей внимательностью посмотрев на наблюдаемую ими пару людей, сумел вначале увидеть, а затем ответить на этот свой вопрос. В результате чего он перевёл свой взгляд по направлению бросаемых взглядов этих людей в сторону аллеи, где без особого труда можно было выяснить, кто задерживает их взгляды на себе. Там, на одной из скамеек, вольготно разместился некий тип, за которым и приглядывали те двое людей, за которыми в свою очередь вели своё наблюдение Илия и Саша.

– И чем он их заинтересовал? – глядя на этого типа на скамейке, спросил Илия Сашу. Но от неё ответа не поступает, и Илия оборачивается к ней, чтобы понять, с чем связана эта заминка с ответом. А Саша, как выясняется, делом занята и по большому счёту, его не слушала.

Так она поставила контейнер на лавочку и, открыв крышку, протянув руки к дверце, выжидала, когда домашний любимец соизволит выйти наружу и оказаться в её руках. Но то ли кот в контейнере укачало, то ли он разозлился на хозяйку за такое своё содержание чуть ли не в клетке, в общем, он не спешил радовать свою хозяйку выходом из своего заперти и ждал, когда хозяйка найдёт для него убедительные, всё замиряющие между ними слова.

Ну а Саша, хоть и души не чаёт в своём любимце, всё-таки она не позволит собой манипулировать, и её подход к своему домашнему любимцу, более чем ответственен и принципиально строг. – Ра, ты нас всех задерживаешь. – Со строгим взглядом смотря на выход из дверей контейнера, проговорила Саша. Ну а этот Ра, определённо уловив нотки строгости в голосе Саши, как бы не хотел продемонстрировать свой норов и первостатейную наглость, которой отличаются все домашние любимцы, садящиеся на шею своим хозяевам, – не выйду до тех пор, пока ты не будешь меня об этом умолять с колбаской в придачу, – не смог ничего противопоставить строгому обаянию своей хозяйки, у которой в запасе есть и другие методы по его убеждению быть ответственным и дисциплинированным котом, и выдавил себя из дверей контейнера (такой он был пушистый, благодаря беспрестанным заботам Саши – тут и питательный рацион, прогулки на свежем воздухе и вычёсывание шерсти).

И вот Ра оказывается в руках Саши, затем ею подносится поближе к своему лицу, где она, повернув его в сторону аллеи, а в частности в сторону интересующего их лица, указывает ему направление своего внимания, после чего, только для него и только ему понятными словами что-то там шепчет на ушко. А этот Ра делает такой вид, как будто всё-всё понимает и даже на своей рыжей мордочке выражает, как он насупился на этого объективно непонятого для него человека.

Когда же Саша убеждается в том, что Ра всё должно понял, она со словами: «Теперь дело за тобой, но без лишнего энтузиазма», выпускает из рук Ра. Ра же, спрыгнув на землю, вначале адаптируется к своему приземлению, – он вытягивается во всю длину себя, со всё охватывающим зевком, – после чего оперевшись взглядом в человека на скамейке, замирает на месте. Так проходит, наверное, с минуту, и Ра, бросив взгляд на Сашу, перебежками направляется в сторону своей цели. Ну а Саша, переведя свой взгляд на Илию, говорит. – Сейчас всё узнаем.

И на этом, как выясняется Илией, всё. Саша замирает в одном отстранённом от действительности положении и теперь вообще никак не реагирует на окружающий мир. А Илия хоть человек не беспокойный и без не нужного волнения в сердце и чувствах, всё-таки он не может вообще быть спокойным, когда его так в лицо, напрямую игнорируют во всём. Правда, сейчас игнорирование идёт со стороны Саши и при этом этому есть свои объяснения, – для получения телепортационного сигнала от его передатчика, Ра, Саша должна быть должна настроена, – и Илия вынужден бездействовать. Что для него невыносимо. И он, не имея возможности как-то на всё это повлиять, обратил свой взор в сторону скамейки, где Ра уже предпринял атаку на ногу того типа и начал втираться в его доверие.

И хотя у котов своя сущность и свой подход к людям, через те же ноги (они ему ближе всего по росту), Илия воспринял этот подход к незнакомцу Ра, как недостойным и по своему унижительным для Ра. – Тьфу, подлиза. – Передёрнувшись в лице, Илия не смог сдержаться от своего осуждения Ра. И, наверное, узнай об этом Саша, то Илия не поздоровилось бы. Но Саша сейчас не восприимчива к внешнему миру, когда она находится на приёме сигнала от Ра. А тот видимо, уже начал отправлять ей сообщения, и Саша начала внешне реагировать на них, путём хмурения своего милого личика (это никаким платком не скроешь).

Ну а Илия, заметив эту хмурость лица Саши, не может и сам так же не отреагировать, с жестокой выразительностью посмотрев в сторону скамейки, с тем типом на ней. Где тот тип наклонился к Ра и начал с ним вести беседу. Чем отчасти напряг Илию, заподозрившего этого типа в своей не простоте. – Не всякий человек знает язык кошек, а лишь приближённые к священным знаниям люди. – Рассудил про себя Илия. – Тогда кто он такой? – спросил Илия,

принявшись вглядываться в этого подозрительного типа. Но его внешний вид никак не выказывает в нём некую особенность, и Илия вынужден оставаться в качестве статиста. Что ему, человеку деятельному, совсем не по душе.

Но тут до него сзади доносится шевеления и Илия, обернувшись, видит, что Саша пришла в себя. И не просто пришла, а более чем выразительно. – Человек как был собственником, так им остался. – Цепко посмотрев на Илию, проговорила Саша. – Только Ра к нему подошёл, а он уже попытался его себе присвоить через наименование. Каким-то Мурзиком назвал. – Пышет негодованием Саша, оставив в стороне Илию, и бросив свой взгляд в сторону того типа на скамейке, вокруг которого ещё крутился Ра. А Саша выходит, оборвала свою связь с Ра и оставила его один на один с тем типом. А для этого нужны весомые обстоятельства, и которые готов послушать Илия, еле скрывающий своё довольство от услышанного.

– Мурзик. А мне, пожалуй, это имя нравится. – Про себя усмехнулся Илия, как только услышал это возмущение Саши. На чём Илия не остановился и в своём размышления так зашёл далеко, что дальше уже некуда. – А Ра в последнее время слишком обленился и ему не помешает, побыть некоторое время в чужих заботливых руках. Достал он меня своей самонадеянностью. – И Илия ещё дальше мог бы зайти в своём осуждении Ра, если бы Саша не перевела своё внимание на него и принялась пересказывать, чему она стала свидетелем. Правда, её рассказ не обладал никакой стройностью и упорядоченностью, а всё строилось на эмоциях, что ещё больше вносило дисбаланс в понимание Илией Саши, до этого ни разу им не замеченной в живости чувств. И как итог, Илия понял лишь то, что этот тип помешан на идее конца света. Для распознавания которого, ему нужен кот. – Он считает, что кошки обладают особой чувствительностью к колебаниям атмосферы и потрясениям, и помогут ему распознать приближение катастрофических изменений в мире.

– А разве это не так? – явно не подумавши, спросил Илия. Саша с недовольством посмотрела на него и сказала. – Может это и так, но мой Ра не для этих целей был создан, и он не будет служить детектором измерений изменения местной среды.

И тут Илию осеняет догадка. – А ведь мы по возбуждённости среды, мог ли бы распознать прибытие ожидаемых нами гостей. – Еле слышимо проговаривает свою догадку Илия. Но Саша, будучи на своей волне, его не слышит, и продолжает своё возмущение, которое заканчивается своим выводом.

– Слишком он опасен для Ра. И я даже не знаю, почему он ещё не распустил свои руки и не взялся гладить Ра – Подвела итог Саша. При этом она не то чтобы не знает, почему тот тип со скамейки не взялся за умасливание Ра через его поглаживание, а она более чем уверена в том, что для этого есть свои веские основания – этот тип первый ненавистник кошек и ему ближе всего собаки. В общем, из тех людей, кого больше всех недолюбливает Саша.

– Но мы тоже не остались в накладе. Ра дал ему очень дельный совет. Пусть попробует ему последовать, и тогда посмотрим, что в итоге его будет ждать. – Добавила Саша, переведя своё внимание в сторону того типа на скамейке, которого Ра покинул и теперь всё теми же перебежками возвращался назад. И если Саша смотрела на Ра с отзывчивостью в лице, то Илия смотрел на него со странной затаённостью в сердце и лице, которая и раньше в нём замечалась, но только по другому поводу. А вот по какому, то это было глубоко спрятано в душе Илии, который краем глаза посматривал на Сашу, другим на Ра, и третьей частью взгляда на того типа со скамейки, который виделся ему частью некоего, только что возникшего у него в голове плана. Где каждый из наблюдаемых им объектов играл свою роль.

Между тем Ра вернулся и был принят Сашей на руки, затем осмотрен ею на предмет своего не слишком явного довольства и незамеченный в чрезмерности такого рода чувств, был препровождён в контейнер. Когда же дверка контейнера была закрыта, а Саша выпрямилась во весь рост, то Илия обратился к ней с вопросом. – Так мы выяснили или нет, что так заин-

тересовало в этом типе Владислава? – Саша в ответ смотрит куда-то за спину и тихо приговаривает. – Теперь выяснили.

Ну а так как пояснений от неё не последовало, то Илия разворачивается в сторону Владислава и его напарника Ромыча, как уже давно можно было догадаться, и кроме них видит незабываемого вида красотку, которая появилась из своего небытия, царства красоты, туши и помад, как сопутствующих всякой красоте аксессуаров. В общем, вышла из глубины спин этих, находящихся на своей одинокой волне людей, которых вечно нужно мотивировать на своё к себе внимание. А так как ближе всего к ней находился Владислав, – так уж вышло, что он стоял к ней лицом, – то он первым и проявил находчивость и сообразительность. И хотя с того места, где находились Илия и Саша, совершенно невозможно было услышать, что там сейчас сказал на ухо Ромычу Владислав, Илия и Саша отчётливо увидели, к чему привело сказанное Владиславом и насколько неосмотрителен и просто олух по мнению Илии, оказался Ромыч, безоглядно отпустивший Владислава.

Когда же Ромыч обернулся вслед Владиславу, то было уже поздно, и Владислав вслед за той красоткой завернул за угол. А вот теперь настает тот временной момент, когда уже Илия запаздывает со своей сообразительностью и Саша, не давая ему возможности, не то что бы оспорить её решение, а он и сказать слова не успевает, как она отдаёт ему команду (а кто она такая, чтобы здесь командовать): «Этого типа оставляю на тебя, я за Владиславом», и, прихватив со скамейки контейнер, обходным путём направляется вдогонку за Владиславом. Илия в полной растерянности стоит и только смотрит вслед Саше, пытаясь подобрать подходящие и чётко трактующие её поступок слова. А так как между её поступком и им существует неразрывная связь, то очень сложно выразить всю степень своего негодования Илией, чтобы самому не замараться от этих выражений.

И Илия, так ничего особенного в адрес Саши не придумав, проводив её до уличного поворота, поворачивается в сторону того типа на скамейке и видит, что тот тоже куда-то там собрался. И только Илия задался вопросом: «И куда же ты собрался?», как совершенно никому из заинтересованных лиц неожиданно, двое мимо проходящих прохожих, делают резкий разворот в сторону этого типа и, приблизившись к нему в плотную, в свою очередь делают для него резкий поворот в своих будущих планах. А он, может быть, собрался пойти домой, отдохнуть перед телевизором, а тут такое, очень убедительно этими типами объяснённое дело, что у него нет никакой возможности отказать им в их просьбе, немедленно проследовать с ними туда, где всех их вместе настойчиво ждут.

– Вот это дела! – вырывается удивление из Илии, без всякого стеснения удивившемуся такому резкому повороту событий с этим типом на лавочке. – А я, пожалуй, не прогадал, оставшись здесь. – Рассудил Илия, наблюдая за развивающимися там, на аллее, событиями. Когда же типу на скамейке всё было должно разъяснено этими хмурыми людьми, и он понял, что нет большого смысла сопротивляться, а истерить на всю улицу, до противности несчастным голосом, он стесняется, то они все трое выдвинулись туда, куда двоим из этой тройке было нужно. Куда вслед за ними, по своей стороне улицы, выдвинулся Ромыч, не менее чем Илия озадаченный случившимся, а уже вслед за всеми ими, включая Ромыча, выдвинулся и Илия, поначалу посчитавший, что он из всех них находится в самой выигрышной позиции, – я собой замыкаю эту последовательность слежки, – но потом вдруг резко сообразивший, что это так только по его мнению. А вот если он не сразу заметил этих хмурых парней, взявших в свой оборот этого парня на скамейке, то вполне вероятно, что есть и другие такие люди, кто всё держит под контролем и в свою очередь следит и за ним.

От таких мыслей Илия не удержался и, обернувшись назад, принялся вглядываться в прохожих, где каждый из них, хотя бы по причине одного направления с ним своего хода, мог за ним следить. И не потому, что перед прохожим была поставлена такая сыскная задача, а просто он, чтобы не натолкнуться на препятствие перед собой, должен был следить за тем,

куда он вступает. И Илия, уразумев такой подход прохожих к своему передвижению, махнул рукой на то, что он не последнее звено в этой логической цепочке и, решив, что пусть будет так, как будет, вернулся мыслями к объекту своего наблюдения. К тому же ему сейчас нужно было скорее соображать над другим вопросом: «Где взять такси или просто машину», а всё потому, что эти двое суровых типа, подвели ведомого ими человека к автомобилю. Где, усадив его внутрь, сами в него уселись, и автомобиль начал набирать скорость.

А вот любого рода не аккуратностей, небрежностей и упущений в своей работе, а тем более такого, Илия себе позволить допустить не мог, и он, заметив, что Ромычу в деле поимки такси до странности быстро повезло, не тратя времени на рассуждения, бросается в его сторону. И когда Ромыч, совершенно не подозревая о том, какая ему угрожает опасность со спины, приоткрыл дверь такси, чтобы сесть, то на этом моменте, он, молниеносно сбитый с ног и, вмявшись носом в асфальт, выбыл из действительности. А когда он пришёл в себя, сидя на мостовой, то никакого такси не было поблизости и ему только и оставалось, как крутить головой по сторонам в недоумении и непонимании того, что с ним сейчас случилось и как такое могло с ним произойти, когда он так весомо выглядит.

Что же касается Илии, так удачно для себя, но только не для Ромыча, перехватившего такси, то он как-то не задумывался над тем, как ему удалось всё это провернуть с Ромычем, в два раза шире его плечах и с виду как, по основательней выглядящий, а он забрался в такси и убыл вон за тем автомобилем. При этом его знания об объекте своего наблюдения, закончились по приезду в ту часть города, ещё называемую деловое «Сити», где ведомый людьми суровой наружности объект его наблюдения, был заведён в одно из зданий и там был от его глаз укрыт. А внутрь Илии попасть не удалось из-за нахождения там службы безопасности и не пропуска людей без пропуска. И хотя он мог бы добиться для себя желаемого, и пройти внутрь, но тогда бы была нарушена конфиденциальность его там нахождения.

Илия же посмотрел, посмотрел на эту аптекарскую чистоту внутреннего интерьера того здания, куда зашли те люди за кем он вёл своё наблюдение, и убедившись в том, что все сюда входящие и выходящие люди, а также те, кто находится там на своих служебных местах, – на стойке администрации и на контрольно-пропускном пункте, – в себе и своих взглядах несут такого же рода аптекарскую чистоту отутюженных мыслей (они сердечной чувственностью не озабочены), и решил, что ему стоит навести справки об этом месте обитания такого рода людей.

– Надо взять абразивные пробы этой среды. – Задумчиво глядя на дверную вертушку, время от времени проворачивающуюся при проходе через неё человека, рассудил Илия. – Надо выяснить, куда они держат свой ход, когда заканчивается их рабочий день, или же... – Илия замолчал, заметив человека, судя по его униформе и тому что у него было в руках (картонные коробки из под пиццы и ещё что-то из подобного, в чём сейчас переносятся перекусы), из службы доставки обедов.

– Хм. Это интересно. – Посмотрев в сторону человека из экспресс-доставки, рассудил Илия. После чего он посмотрел на тот транспорт, на котором прибыл этот человек и решил ответить на телефонный звонок Саши, которой вдруг стало интересно, где сейчас находится Илия. И она так прямо и спрашивает его, как только Илия ответил на её звонок. – Ты где? – А Илия видимо уже частично проникся местной средой, тем смысловым эфиром расчётливости, в который погружены местные обитатели, и он не спешит делиться имеющейся у него в распоряжении информацией, без соответствующей компенсации.

– А ты где? – в ответ интересуется Илия. В трубке возникает заминка, только после которой Саша называет место своего нахождения. Чем была вызвана эта её заминка, – может она узнавала точный адрес, а может раздумывала над тем, с чего это Илия так себя скрытно ведёт, – Илие со своего места нахождения не было никакой возможности узнать, и он решает, что Саше можно верить и всё ей рассказывает.

– Оставайся там, – говорит Саша, – я думаю, нам не мешает знать, где если что, будет можно найти этого человека.

– Согласен. – Говорит Илия, выключая телефон. – И что это если что значит? – задался про себя вопросом Илия, глядя на фургончик по доставке экспресс питания. – А вот рефлексы ни смотря ни на что, по-прежнему работают как часы. – Почувствовав голодные позывы, Илия посчитал, что ожидание на голодный желудок не самая лучшая идея и было собрался выдвинуться на поиски подходящего для себя места, где можно перекусить, как появление разносчика экспресс-питания, приостановило его на месте, и Илия решил подождать этого курьера. Что уж поделать, Илия иногда бывает в край любопытным человеком, хоть это на него не похоже и никогда в нём внешне не проявляется.

И вот этот курьер по доставке ланчей и горячих напитков, с видом человека, кому хоть было и не легко, но он не дал заднюю и не отступился перед трудностями, и выполнил поставленную перед ним задачу, – взмокший вид и слегка безумный вид способствовали такому его пониманию, – по ходу своего движения к фургону сравнивается с Илией, а тот не пропускает его мимо себя, а вдруг спрашивает его. – Ну как там, не сильно физиономии воротили?

А курьер сразу и не сообразил о чём его спросили, но при этом его рефлексы видимо не хуже чем у других работают и он встаёт на месте как вкопанный, не совсем понимающим взглядом смотрит на Илию и пытается уразуметь, что он от него хочет. При этом курьер не чувствует никакой агрессии со стороны незнакомца, а скорее наоборот, тот проявляет к нему участие и курьер неосознанно чувствует его поддержку, в общем, он на его стороне. А всё это, плюс участливый вид незнакомца, настраивают курьера на доверительность отношений с незнакомцем, таким неосознанным путём добравшегося до понимания того, что от него хотят и чего спросили. И он, с холодным выражением лица кивнув в сторону здания, для оборота речи спросил: «Они-то?», и сразу дал свой ответ:

– Холодный расчёт, это максимум, что там позволяется.

– От души или как? – спросил Илия.

– Сейчас все ограничены рамками корпоративной политики или ещё чего-то там, так что проявление душевных качеств непозволительная роскошь. – Ответил курьер.

– При этом свою сволоту демонстрировать не возбраняется, – посмотрев в сторону здания, ядовито проговорил Илия, – это вроде как считается здоровая конкуренция. Ну и главное, не переходить на личности, ведь главное правило бизнеса, ничего личного, только бизнес. Ну а переход на личности, это своя ниша для ведения бизнеса, которая требует для себя отдельного, за закрытыми дверями разговора. Но об этом молчок. – Прижав палец ко рту, сказал Илия. Курьер же ничего не сказал, а ждал, когда этот тип обратится к нему по какому-нибудь существу. И Илия не заставил его долго ждать и обратился по-своему существу.

– И что, у тебя никогда не возникает желания сделать их жизнь, скажем так, не такой стерильной? – наклонившись к курьеру, прищурившись в глазах, спросил Илия курьера.

Курьер, определённо насторожился в ответ на такую в свой адрес откровенность, затем с опаской посмотрел по сторонам, где вроде никого нет из тех, кто может быть заинтересован в том, чтобы его подловить на слове, и с выражением оскорблённого достоинства, – да как вы смее в таком кощунстве меня подозревать, когда я уже три месяца на этой производственной нише пашу как вол и не получил ещё ни одного нарекания, а если и плюнул разок в чей-то кофе, то только сгоряча, да и этого никто не заметил, да и сделал я это по забывчивости, совершенно не целенаправленно, – дал свой развёрнутый ответ: нет.

– Нет? – переспросил Илия, явно не веря в такую исключительную порядочность курьера. – А я, наверное, так бы не смог. И если бы со мной раз за разом с холодным презрением рассчитывались за мою работу, то... На этом месте Илия так завораживающе углубился в свои размышления, что курьер, не сводивший с него своего взгляда, и сам и не понял, как

вдруг, да ещё так реально, оказался в одном из офисов этого небоскрёба, куда он прибыл чтобы доставить заказ.

И вот этот курьер, которого, как оказывается, зовут Миша, идёт по одному из этажей этого здания, по направлению одного из офисов, где он уже не раз бывал, выполняя заказ. При этом он ничего не подозревает о том, что сейчас он идёт не в той реальности, которая сопровождала его ход до этого момента встречи с этим странным незнакомцем, а это реальность надуманная вымыслом этого незнакомца, правда имеющая под собой весьма существенные основания, разум и память курьера, на основе которого вся эта картинка и сообразилась Илией.

– Ваш заказ. – Говорит Миша, оказавшись внутри одного из множества, стандартного типа офисов, где делаются настоящие дела, а не как там у других, одни лишь сплетни, подсиживания друг друга и игры в последнего пакостного героя.

– Ты же знаешь, куда его ставить. Так что стоишь, как обалдуй. – Из-за коробок, которые заслоняют Мише весь впереди обзор, до него доносится голос Леонетты, в которую Миша влюбился с первого взгляда, как только её увидел (что само собой разумеющееся явление, когда Леонелла так сногшибательно выглядит, а Миша в отличие от неё, без единого шанса на успех, сморчок сморчком) и которая, как думается Мишей, испытывает к нему не менее серьёзные чувства. А что навело его на такие обнадёживающие мысли, которые по-особенному щекочут нервы, то это её отличительная от всех не холодность по отношению к нему.

И эта Леонелла, единственная здесь, кто удостаивает его словом. К тому же она первая, кто его здесь встретил и вообще обратил на него хоть какое-то внимание (с этим делом, с женским вниманием, у Миша были свои сложности – он не то, чтобы им обделён, а женский пол взял себя за привычку вообще не быть внимательным к нему). – Вон какой сладкий пирожок к нам пришёл. – Прямо в один момент и в сердце сразила Леонелла такой своей приметливостью Мишу, который в момент в ногах обмяк и что уж говорить, влюбился.

А сама Леонелла, чтобы значит, не выдавать своих к нему чувств, что за ловкая чертовка, прохаживалась по нему разными оскорбительными словами, то называя чушкой с коробками, увальнем каких свет не видывал и особенно ему нравилось, когда она его называла обалдуюем. А это значило, что Леонелла сегодня в особенном настроении, она может себе позволить лишний кусочек пиццы: она всю неделю от голода страдала, а сегодня у неё такой день, когда всё можно. А по мнению Миши, ничто не повредит её шикарной фигуре.

Откуда всё это знал Миша, так разве не он отвечает за доставку пиццы и напитков в этот офис. И он, если на то пошло, уже третий месяц кормит всех этих людей, которые без его пиццы и горячих напитков, собьются с рабочего ритма, и жди рецессии рынков – они привыкли строго по часам принимать пищу, а тут её всё нет и нет, и разум постепенно начинает разориентироваться. В общем, Миша себя считал важным звеном в деле настройки механизма работы, как минимум этого этажа здания.

Тем временем Миша ставит коробки с едой на специально для этих целей выделенный столик и с серьёзным лицом смотрит на Леонеллу, чтобы не выдать перед ней своих чувств и ждёт своего расчёта. А Леонелла на это раз не спешит холодным взглядом его окинуть и с недоумением заметить: «А это ещё что за чудо-юдо?», а она видимо так сильно ждала этого загрузочного дня, что слегка забылась и запустила свои милые и такие белоснежные ручки в одну из коробок и, вырвав оттуда один из кусков пиццы, прямым его направила себе в рот. А Миша стоит в стороне и наслаждается видами натуральности Леонеллы, совсем забывшей о том, что здесь стоят посторонние люди.

Но Миша себя не считал за постороннего, да и он к тому же здесь был частым гостем в это обеденное время, так что вполне объяснимо, почему Леонелла себя повела так беззаботно – она приняла Мишу за часть местного интерьера, вот и не сообразила не пускать на людях слюни и пачкаться в губах соусом пиццы. А Миша на всё это смотрит и он счастлив хотя бы оттого, что его считают тут за своего и совершенно его не стесняются.

Но как в таких, а может в каких других случаях говорят, не долго счастье длилось, хоть и такого пустяшного качества, и в какой-то момент, когда Леонелла уже практически справилась со своим куском пиццы и видимо намеревалась позволить себе сегодня чуть-чуть лишка, – она плотоядно посмотрела на коробку с пищей, – как вдруг помещение офиса в один момент ощутимо даже для Миши вздрогнуло, а затем Мишу и как им понимается и всех вокруг обдало мысленным поветрием, говорящим: «Он идёт». И не успевает Миша сообразить, что всё это может значить, как он перед собой видит расширенные глаза Леонеллы, которая сквозь него куда-то смотря, так за него крепко взялась руками, что Миша и вовсе помутился рассудком.

Когда же он пришёл в себя, то он уже стоял на выходе из самого здания, совершенно не понимая и не зная, как он не заметил того, как здесь оказался, и ещё его очень сильно волновал вопрос оплаты выполненного заказа – что-то Миша такого не помнил, чтобы ему за него заплатили. И понятно, что не наличными, а через платёжный терминал.

– А может они на этот раз заплатили наличными? – явно боясь того, что оплаты по мобильному терминалу не было, Миша, как всякий утопающий, решил цепляться за соломинку. Хотя как-то это всё странно выглядит. И если действительно так случилось и им выполненный заказ в спешке забыли оплатить, то он всегда может, а точнее завтра, когда поступит следующий заказ, потребовать оплаты заказа. Но надо знать Мишу, человека не столь требовательного к исполнению обязательств теми людьми, у кого перед ним возникли обязательства, и он быстрее сам оплатит этот заказ, чем будет требовать этого от... тем более от Леонеллы.

Так что его желание заглянуть к себе в карманы, было не столь уж и неразумным. И он бы заглянул, да вот только этому помешало то, что он вдруг увидел в своём внешнем виде, а точнее на своём переднем представительстве, на своей униформе, всей вымазанной в соусе, майонезе и жире. И Миша, как только всё это увидел на себе, то ему до тошноты стало за себя больно и обидно, а перед его глазами всё стояла и вытирала себя об него, смотрящая сквозь него Леонелла. С чем Миша бросается на свежий воздух и тут же упирается взглядом в смотрящего на него незнакомца.

– Так как насчёт того, чтобы получить с них расчёт? – глядя на Мишу немигающим взглядом, низким голосом спросил его Илия.

– Я не держу на неё зла. – С дрожью в голосе ответил Миша.

– Но заплатить она должна. – Сказал Илия.

– Как? – сам не ожидая, и может показаться, что не в тему, спросил Миша. Но Илия всё как надо понял. – Если тебя не замечают, и не важно по каким причинам, то ты в итоге становишься тряпкой половой, об которую все будут вытирать ноги. Так что тебе в первую очередь нужно, чтобы ты осознал свою значимость, и это в последствии уж точно проявится не в качестве тряпки, об которую будут вытирать для начала руки. – Илия сделал паузу и добавил: А ей это нужно и подавно.

– Что я должен сделать? – вспотев от волнения, спросил Миша.

– Не особенно много, взять меня завтра с собой. – Бросив взгляд в сторону фургона, сказал Илия.

– Я думаю, это не составит особых сложностей. – Сказал Миша.

– Ну, тогда по рукам. – Усмехнулся Илия, протягивая руку Мише для рукопожатия. Миша жмёт в ответ руку и спрашивает. – Вы, надеюсь, найдёте, как найти нашу службу доставки?

– Можешь не беспокоиться, отыщу. – Отпуская руку, говорит Илия. После чего он вынимает из кармана пачку сигарет и к испугу Миши прикуривает сигарету. И только он пустил дым в воздух, как тут же выясняется, почему Миша так напрягся – из дверей здания появился крепко сколоченный человек в строгом костюме и с ничего не выражающим кроме упорства лицом, решительным шагом направился в их сторону. Илия же делает ещё одну затяжку и со словами: «Тогда до встречи», разворачивается и вроде как не спеша, но в тоже время широким

шагом, начинает удаляться вверх по улице. Направляющийся по его душу охранник, как уже можно было из всего этого понять, решает не останавливаться на достигнутом, а вернее недостигнутом, и ускорив свой шаг, пытается нагнать удаляющего Илию.

И Мише, наблюдающему за всей этой гонкой уже из фургона, куда он забрался от греха подальше и пребывал в готовности нажать на газ и дать дёру, казалось, что Илия сумеет уйти от погони – вон он уже достиг поворота и ему осталось сделать пару шагов, чтобы скрыться за поворотом и тем самым удовлетворить амбиции охранника (он прогнал с подведомственной ему территории нарушителя).

Но видимо охранник был крайне амбициозным человеком, который любое дело, а особенно служебного характера, старается довести до своего логического конца, и он полумерами никогда не ограничивается, раз он не повернул обратно, а прибавив шаг, чтобы не потерять скрывшего за зданием беглеца, бросился вдогонку. И вот когда охранник, как и Илия вскоре скрылся за углом здания, то Миша было решил, что на этом всё и можно трогать с места, – он даже отвернул лицо, посмотрел на панель фургона, и последний раз взглянул в зеркало заднего вида, – как вдруг, к его потрясению, из-за того знакового угла здания вылетает тот самый охранник и прямоком головой впечатывается в мостовую. Ну а если учесть больше среднего габариты охранника, то можно предположить какой переполох в уме Миши и тех содрогнувшихся прохожих, кто всё это видел, вызвало это его падение. И тут в здравом уме и не сообразить, как может быть такое и что послужило такому происшествию. Разве что только можно догадаться, как Миша, который решил, что лучше здесь не оставаться, когда начнут разыскивать тех, кто что-нибудь знает о том типе, кто с удара вывернул челюсть охраннику Дмитрию.

И Миша в момент заводит свой фургон и покидает это место, теперь совершенно и не зная, что ему ожидать от завтрашней встречи со своим новым и очень опасным знакомым.

– Может сказаться больным и не выйти на работу. – Размыслил Миша и тут же отверг этот трусливый вариант, исходящий от своего малодушия. – Тем более большего смысла нет, этот тип, сдаётся мне, если захочет, то хоть из-под земли, а меня отыщет. Так что придётся завтра точно не болеть. – Миша хоть и не таким простым способом, со своим трусливыми отступлениями, решил-таки, хоть начать быть смелым.

Глава 5

Где происходят разного рода, старые так и новые встречи, в результате чего делаются некоторые выводы и подводятся свои итоги.

Утро вечера, говорит народная мудрость, очевидно всегда мудреней, а особенно, если вечер был проведён так затейливо и необычно для себя, что о нём лучше и вовсе не вспоминать. Правда, Константин, проснувшись утром у себя дома и в своей постели, ничем подобным не мог похвастаться, хотя и не без того, что вчерашний вечер им был проведён не так обычно, как в последнее время, – он себя чувствовал как-то по особенному беззаботно и ему всё удавалось в этот вечер: Лилиан, скрученная от хохота, в который её вогнал такой весёлый, сама душка Константин, и времени не нашла для мыслей о заботах.

А вот как только он проснулся и окинул взглядом спальню, где особо остановился на мирно посапывающей Лилиан, то вот для него утро и стало по-особому мудреней. – А ведь мне, пожалуй, нравится вот так утром беззаботно просыпаться. – И только Константин так с удовольствием рассудил, как в его голове нашлась одна проблемная мысль, которая на время ушла в тень, дав Константину возможность напоследок(?) насладиться радостью семейной жизни, когда её не тревожит, скажем так, упадок душевных сил, как следствие разности взглядов, выливающихся в итоге в конфликты интересов. А что это была мысль, то разве не ясно – это мысль о тех вчерашних, до чего же странных встречах, которые, как понимается Константином, вскоре о себе ему напомнят.

И как только Константин обо всём этом вспомнил и подвёл себя под такой обязательный итог, как о нём в тот же момент и вспомнили. Ну а как вспомнили, то тут без особых вариан-

тов, путём всё того же телефона, который для того и рядом с головой кладётся, чтобы быть всегда найденным и включённым в информационные реалии современной жизни. И при этом тот, кто сейчас Константину звонил, к этому своему звонящему делу так ловко подошёл, что у Константина не было ни единого шанса на то, чтобы не ответить на этот звонок, если он конечно, не хочет разбудить свою так мирно посапывающую супругу.

А Лилиан, Константин не раз был этому свидетелем, обязательно разбудится, если он не ответит на звонок, а захочет, к примеру, его выключить. И только Константин нажмёт на кнопку умолчания телефона, как Лилиан тут как тут и уже интересуется: «А чего ты там от меня скрываешь?». И поди ей потом объясни, что он ради её сонного спокойствия решил заткнуть микрофон этому голосистому телефону. Ни за что не поверит и обязательно будет настаивать на том, что он от неё что-то, а вернее, кого-то скрывает.

А Константин, как не доказывай ей обратное, – да хочешь наберу при тебе этот телефон, и сама услышишь по мужскому голосу, что это не баба, – всё бесполезно и у Лилиан на всё это есть свои аргументы. – Ты меня что, вообще за дуру считаешь. Знаю я, как вы там между собой шифруетесь, записывая в телефонном справочнике своих любовниц мужским именем, каким-нибудь Леонардом Антоновичем. А позвони ты сейчас своей лапuse, так она и ответит голосом этого Леонарда Антоновича. – И хотелось Константину поинтересоваться у Лилиан по поводу такой её информативности, – никак по себе, стерва, знаешь, – да выкрутится она, и Константин, считает за лучшее промолчать (и пока Лилиан там разоряется, он может повспоминать все свои телефонные контакты, среди которых как уже можно было догадаться, не было людей с женскими именами). А иначе бы возникли свои вопросы, а затем вечные напоминания, – а своей Алладинне Натольевне, не забыл сегодня о себе напомнить? – и поэтому Константин всегда молчал.

Так что выбора у Константина особого нет, как только приглушённым голосом ответить на этот звонок. А там в трубке, вчерашним голосом интересуются, надумал ли он. А что может сказать Константин в ответ, что мол ещё нет и он с утра плохо соображает. На что, как он отлично понимает, возникнет недоверие к его словам и начнут задавать много лишних вопросов, которые обязательно приведут к тому, что Лилиан проснётся, а затем уже ей объясняй, почему он при ней не продолжил разговор, а всё сделал для того, чтобы сразу закончить этот разговор.

– Ты за моей спиной сговариваешься, или того больше, собрался нас сегодня бросить ради своей разгульной жизни? – Лилиан, как вцепится в Константина, что ему ничего другого не останется, как через цепь последовательных действий привести Лилиан к своему отчасти пророческому, итоговому выводу: А я о чём говорила. А он ещё всё утро отпирался. Собрался к друзьям, а мы весь день дома сиди безвылазно.

– Надумал. – Говорит Константин, оставляя себе место для манёвра. А человек из трубки чрезвычайно прямолинеен и Константин даже не удивится тому, если этот его телефонный собеседник, всё вокруг видит в одной плоскости, и считает, что мир так же плосок, как и его мировоззрение, – земля плоская, стоит на трёх слонах и перевозится по безбрежному океану на огромной черепахе.

– Вот и отлично, – сообразно своему прямолинейному мировоззрению понимает Константина его собеседник, – тогда мы высылаем за вами машину. – Добавив это, человек из трубки заканчивает разговор, а Константину ничего другого не остаётся, как вписаться в плоский мир своего собеседника и начать потихоньку выбираться из кровати, чтобы таким же неуловимым способом покинуть пределы спальни, затем прихожей и как итог, квартиры.

А как только он оказался на улице, то вот уже стоит автомобиль и его двери открываются, приглашая его внутрь. Константин вначале в мерах предосторожности заглядывает внутрь и, обнаружив там помимо водителя серьёзного вида человека, решил поинтересоваться там, а они часом не ошиблись. На что серьёзного вида человек одёргивает рукав пиджака, смотрит

на ручные часы, и с убедительностью кувалды говорит, что они прибыли строго в назначенное время. Такое его отношение к пунктуальности лучше всяких дополнительных слов и действий с его стороны убеждает Константина сесть в автомобиль.

Ну а как только дверь за ним захлопнулась, то автомобиль в момент с места трогается и Константин даже не успевает посмотреть в стороны своих окон, откуда ему бы сейчас очень хотелось, чтобы вниз смотрела Лилиан с ручкой и блокнотом в руках, куда бы она предусмотрительно записала номер автомобиля, приметы водителя и человека со шрамом в душе, а также ... Но дальше мысль Константина не пошла, унесённая вдаль этим скоростным автомобилем, так летящим по автомагистрали, что Константину подумалось о бесперспективности его поисков полицией, надумай Лилиан прямо сейчас заявить о его пропаже.

– Она подштанники надеть не успеет, как ты уже будешь закатан в асфальт, затем она прихорошиться у зеркала не успеет, как свежий асфальт с тобой в своём составе будет уложен на востребованных для такого рода укладки участках улиц города, а когда твоя Лилиан поедет с офицером полиции в сторону тех мест, где тебя раньше видели и вроде как можно там спросить, когда тебя там в последний раз видели, то догадайся по какой дороге они поедут? – Свист колёс этого скоростного автомобиля закидывал в голову Константина вот такие свои порции мыслей. От которых Константину было не очень уютно и немножко за себя обидно. Особенно на него подействовала только что влетевшая ему в голову насмешливая мысль этого законного ветра.

«Какая хорошая дорога, – в удивлении скажет Лилиан, с интересом поглядывая на офицера полиции, как она уже поняла, любящего хорошие слова в свой адрес, – а раньше здесь были одни только ухабы». Офицер полиции оценивающим взглядом окинет Лилиан боковым зрением, прошепчет себе в усы: «Поблагодарите вашего мужа за эту мягкость поездки», а вслух повернувшись к Лилиан скажет другое. – Не могу не согласиться, когда вы на этом настаиваете, но только с одной совсем маленькой оговоркой, – глядя глаза в глаза Лилиан, процеживая свои слова сквозь усы, проговорит офицер полиции, – не всё ещё гладко на этом моём участке ответственности, и бывает, что встречаются и ухабы. – И только он это сказал, как вот он, ухаб, который в один миг бросает Лилиан в объятия этого усатого и очень довольного своим фокусом с ухабом офицера, который только рад стараться быть так близко и лично знакомым с упавшей ему в объятия Лилиан. И этого ловкого офицера, явно имеющегося у себя в наличие ещё и не такие фокусы, совершенно не тревожит то, что он на дорогу не смотрит, а ему, видите ли, ближе другая реальность в виде ошеломлённого и всего в удивительной панике лица Лилиан.

– Мне ваши усища нравятся, – к потрясению Константина, и не подозревавшего о таких предпочтениях Лилиан, вот такое и прямо в эти усища заявляет Лилиан. И Константин уже приготовился вырвать из контекста своих мыслей все эти усища, как резкая остановка автомобиля, резким его одёргиванием напоминает ему о их прибытии. После чего все на выход из автомобиля, кроме, конечно, водителя, чьё лицо Константин намерено запомнил и сам себе обещал его найти и спросить с него всё, что он знает об офицере с огромными усищами, а иначе как объяснить все эти навязанные скоростью мысли Константина (не иначе этот водитель что-то для него важное знает).

Но все эти дорожные мысли совсем скоро остаются позади и теперь все мысли Константина заняты предстоящей встречей, на которую он идёт, как на какой-то крайне для себя важный экзамен и при этом совершенно неподготовленным. И вот то, что он не знает, что от него ждать и что с него на нём спросят, а подготовиться к нему с помощью тех же шпаргалок, нет никакой возможности, и начинает Константина тревожить. Отчего он начинает неуверенно и волнительно выглядеть. Хотя он и пытается бодриться и бодрить себя мыслями о том, что он вроде как ничего не теряет, так что нечего так переживать. Но это ему не больно помогает и Константин подспудно чувствует, что он что-то обязательно потеряет, если экзамен для него не так пройдёт.

И только Константин остановился на такой близкой к провалу мысли, как тут же окружающая реальность начала подавать ему знаки, указывающие на верность такой мысли. Так для начала Константина повели совсем не в тот кабинет для совещаний, где стены хоть и холодные, но уже знакомые для Константина, а ведущий Константина, тот тип с немислимо уверенным лицом, по заходу в знаковое здание, направил свой ход не в сторону лифта, а они, поднявшись по лестнице на первый по ходу этаж, дальше преодолели длинный коридор, затем сделали ещё один лестничный переход, затем отмерили своим шагом ещё пару коридоров и спустя несколько лестничных переходов, как вроде бы добрались до места.

Что это было за место, то Константин, да и кто другой на его месте, ничего особенного в нём бы не приметил. Это был огромный офис, на подобие тех, которые всем показывают в киношедеврах, повествующих о не сладкой доле офисного планктона, выстроенного из комбинации перегородок и столов между ними, где за этими столами занимали свои места эти сотрудники умственного и отчасти щекотливого в заду труда. Ну а чтобы всем этим людям на посторонние занятия не отвлекалось и они более ответственно относились к своей работе, за которую они между прочим и получают зарплату, то тут же, а точнее сказать и указать, на втором этаже, состоящем из небольшой площадки и нескольких кабинетов на нём, с жалюзи на окнах, в выходящем на самую площадку кабинете, разместился руководитель этого офисного хозяйства.

При виде ведущей на этот второй этаж лестницы, к которой вёл Константина его проводник, с тяжёлым на разумения лицом, Константин было решил, что его статус со вчерашнего дня по какому-то разумению высокого человека понижен и Константина это почему-то задело. – Это с какой это стати и что за дела? – поглядывая по сторонам, озадачился вопросами Константин, вдруг почувствовавший в себе решимость отвергать все предложения менее высоких людей.

– Так и скажу, – рассудил Константин, – разговаривать буду только с высоким человеком и даже не думайте мне подсовывать всякую мелочь, типа людей по связям с общественностью. Я не всякая общественность, а я заложник предубеждений высокого человека. И раз он заварил всю эту кашу, то ему её и расхлёбывать. Кстати, для начала было бы не плохо узнать, как зовут этого высокого человека. – Константин хоть натолкнулся на одну конструктивную мысль. – А то спросят меня, какого высокого человека к нему позвать, то он толком и сказать ничего не сможет. А скажи им, что он, как и все высокие люди, высок, облагорожен своей высокой статью и при деньгах, так переговорщики его поднимут на смех, заявив, что и уборщик Митрич, обладает всеми перечисленными качествами, – он высок, высоко статичен и всегда при деньгах, как он говорит: «Я постоянно вращаюсь в кругу денежных мешков, и это даёт мне веские основания так говорить».

«Так что, уборщика Митрича к тебе на поклон звать?», – явно издеваясь, спросят Константина переговорщики, а он и сказать ничего против не сможет. Вдруг это и вправду Митрич выдавал себя за высокого человека, чтобы таким фокусом развеять уже свою скуку. Здесь, в этом здании, как понял Константин, все мучаются от этого бича современности, скуки. Что поделать, человека перекормили информационной пищей, вот он и мается теперь, не зная, что ему надо и хочется. Ну а Митрич, хоть и не такого высокого полёта, как все эти высокие люди из больших кабинетов, но он всё-таки к ним в кабинеты вхож (кто-то ведь должен брать на себя функции уборки, где вместе с мусором и всяким сором, выметаются и брошенные невзначай разумения этих высоких людей) и, находясь там, может всякого нахвататься, в том числе и мыслей о своей богоизбранности с её побочным эффектом, очерствения своих сердечных чувств и как итоговый результат всего этого, ему до тошноты стало скучно жить.

Вот и Митрич, имея в своём распоряжении ключи от всех кабинетов, плюс он знает все ходы и выходы, коды и пароли, приободрившись тем самым нектаром, коим себя потчуют на Олимпе богоизбранные боги (здесь нет никакой ошибки, их ведь избрал человек, вот они и

избранные боги), решает развлечь себя вот таким, очень близким к его профессии способом, где в качестве подопытного и выступил Константин.

И Константин, следуя по пятам за своим провожающим, можно сказать, уже сумел себя убедить в том, что всё так именно и было, – Митрич всё знает о трудностях уборки и ему эта тема ближе всего, вот он и стал мусорить из окна монетами и деньгами, – как спина впереди идущего проводника резко останавливается и Константин еле успевает остановиться, чтобы на неё не наскочить. А как только он так взбадривается, то он видит, что они не только пришли к кабинету на втором этаже, а его встречает высокий человек, за спиной которого маячит всё тот же человек сложной конструкции. И Константин при виде него понимает, что тот совсем не похож ни на какого Митрича, даже если этот Митрич на самом деле существует.

И только Константин так подумал, как со стороны высокого человека звучит обращение к сопроводившему Константина человеку: «Дмитрий, ты свободен», и Константина слегка ошарашивает такая именная близость между им выдуманным Митричем и этим Дмитрием, Митричем в будущем, если он этого именованного для себя от своих беззубых дружанов заслужит.

Но сейчас речь идёт не о нём, хотя Константину это было бы небезынтересно знать, а высокий человек даёт понять Константину, что он его ждёт в кабинете, разворачивается и проходит во внутрь него. Константин подождал, когда высокий человек войдёт в кабинет, после чего посмотрел на стоящего около дверей человека, опекающего высокого человека и, не увидев в нём желания преграждать ему путь, зашёл вслед за высоким человеком. Ну а там его уже ждёт мягкий стул через стол, за которым поместился высокий человек.

Константин занимает собой всю мягкость этого даже не стула, а полу кресла и было собрался закинуть ногу на ногу, чтобы придать себе веса на этих переговорах, как со стороны высокого человека звучит к нему вопрос. – Как спали?

Константину несколько удивительно слышать это вмешательство в свою личную жизнь, – какое твоё, собачье дело, как я и с кем спал! – но он виду не показывает, что заинтригован таким вопросом высокого человека. Может это такой у высоких людей культурный код, интересоваться о том, о чём у простых людей не принято спрашивать. Ведь им-то недоступен любого рода сон, это проклятие, данное всем высоким людям: они лишь тогда смогут сомкнуть свои глаза, когда на земле наступит всеобщее счастье. А пока всего этого не наступило, даже не думай спать. Ну а то, что они по утру так всегда заспанно выглядят, то это не их заспанность, а наоборот, последствия их бессонницы.

– Хорошо спалось. – Говорит Константин и сразу же нарывается на недовольство высокого человека, явно завистливого в край человека, раз он, имея всё на свете, не может не позабавлять такой мелочи, хорошему сну другого человека, или хотя бы не делать вид, что ему так невыносимо слышать от простого человека, что тому хорошо спится. – А вот мне, почти самому могущественному человеку, так не спится. – Примерно так можно было расценить недовольное выражение лица высокого человека.

Правда, высокому человеку нет равных в деле охмурения человека, и он найдёт выход из любого сложного для себя положения. Вот и сейчас он, не желая признавать всплывшую на его лице и всё на глазах Константина очевидность своей зависти, так ловко всё это извратил, что к нему формально и не придерёшься. – Я, – говорит этот хитроумный высокий человек, считающий, раз у него на счетах денег без счёта, то он только врать и имеет право, и при этом ему все обязаны верить на слово, – предполагал, что если человек относится к порученному ему делу ответственно, то ему всегда сложно уснуть.

А вот Константина неожиданно всё достало и надоело без затратно для этого высокого человека перед ним пресмыкаться. Ты вначале определись со степенью в твою сторону вложений, заинтересуй ими, а как только всё это оформится в договор на паритетных началах, то требуй от своего контрагента своей понимаемости. Так что ответ Константина высокому человеку был со своим скрытым подтекстом.

– А вас не посетила такая мысль, что уверенному в своих силах и профессионализме человеку, незачем себя так мучить. – Демонстративно закинув ногу на ногу и, откинувшись на спинку стула, дерзко заявил Константин. А высокий человек при виде всей этой демонстративности поведения Константина, таким образом отстаивающего свою независимую точку сидения, с долей растерянности посмотрел себе в ноги («Эх, жаль, а самому ногу на ногу и не забросить! – усмехнулся Константин, глядя на эту осмотрительность себя высокого человека») и, подняв голову, с растерянной улыбкой проговорил. – Вы правы, об этом я и не подумал. – Здесь высокий человек поднимается из-за стола и, выйдя на свободное место рядом с ним, пускается в рассуждения.

– Это, наверное, виной всему мой устоявшийся образ мышления, со своим взглядом на людей и на их поступки. Разучился я позитивно мыслить и в людях хорошее видеть. Обязательно какую-нибудь, даже самую ничтожную, пакостную черту в них подчеркну, усилю её до небес и с нею для себя олицетворю встреченного мной человека. – Высокий человек, в задумчивости глядя куда-то сквозь Константина, замолкает.

А вот Константину до своей несдержанности становится интересно, на что сейчас устался в нём высокий человек и не дай боже, что он там в нём для себя пакостного подчёркивает. И Константин, явно опасаясь быть записанным высоким человеком в хамы, – «Ну и хамло я встретил в этом, вроде с виду приличном человеке, – начнёт распыляться у зеркала этот высокий человек, – я ему слово, а он мне десять в ответ», – нейтрально интересуется у высокого человека. – И на что вы устались? – вопрошает Константин.

А высокий человек, вздрогнув от неожиданности, – он действительно углубился в мысли и для него вопрос Константина был неожиданным, – с непонимающим видом смотрит на Константина, которого не проведёшь и он видит в этом его отличную актёрскую игру, и спрашивает его. – Вы это о чём?

– Ага, поверил. – усмехнулся про себя Константин, но вслух с серьёзным видом объяснил. – Вы же сами сказали, что выискиваете в человеке какой-нибудь огрех и на основании его разносите его в пух и прах.

– Ну, да. – Говорит высокий человек, сбивая Константина с набранного темпа. – Но я сейчас не о том. – Сказал высокий человек, вернувшись за стол. – Сумел-таки вывернуться. – Сделал неутешительный для себя вывод Константин. – Возможно именно потому, что мой взгляд на окружающий мир уже не столь чист, а он замутнён знаниями и опытом, – что с одной стороны позволяет раскрыть глаза на многие до этого не видимые вещи, но с другой стороны уже не даёт мыслить непредвзято, – я и обратился к вашим услугам. – Задумчиво проговорил высокий человек. – А это меня, и не знаю пока из каких внутренних побуждений, не устраивает. – Добавил высокий человек и вновь вышел из-за стола и принялся прохаживаться рядом с ним. А Константин сделал свои выводы из этих слов высокого человека.

– Так вот почему он всё это затеял. Его не устраивает то, что он не всё держит у себя под контролем. И он решил путём стрессовой ситуации выяснить для себя источник этих неосознанных им, подспудных волнений. Чтобы затем окончательно отрезать свою связь с человеком – пережмёт в себе все чувствительные окончания и станет полностью обособленным от реальности человеком-уникумом. Вот же до чего дошли эти хозяева жизни от своего пресыщения жизнью. Им не только жить как обычные люди не хочется, а они хотят быть выше этого, окончательно уйдя в научно-умственный прогресс. – Константин с желчью в мыслях посмотрел на высокого человека и решил так его застраховать, что б ему не повадно было.

Высокий человек между тем подошёл к окну и, рукой сделав щелку в жалюзи, посмотрел в общий зал, затем обернулся к Константину и пустился в размышления. – Фундамент этого здания, да и все основы нашего мироздания, на которых зиждется наш мир, крепится на точных науках. Но вот какое странное дело. – Высокий человек фиксирует своё внимание на Константине. – Ни один, даже самый мощный компьютер, чья производительность счёта немис-

лима для человека, не обладает человеческой способностью к итоговому умозаключению, как например, к доказыванию теорем. Как говорил один авторитетный физик-теоретик, математические выводы осуществляются «невыхислимым» способом. И это моя философия жизни. И теперь вы, надеюсь, поняли, почему вы мне понадобились. – Высокий человек, уставившись взглядом в Константина, обозначил ему свою позицию на его счёт.

А Константин хоть и смотрит в ответ на него, но при этом думает совершенно о другом. Он неожиданно для себя понял, что уже слышал эти слова высокого человека, и их ему, как не странно, говорил архитектор. И вот это чрезвычайно взволновало его. – И что всё это значит? – спросил себя Константин, глядя на высокого человека и, видя одновременно его и архитектора. – Их связывает нечто большее, чем ... – На этом месте Константин запнулся, уже ни в чём неуверенный.

А высокий человек между тем о чём-то там говорит, а Константин, отвлекшись на свои раздумия и ничего не слышит из того, что он говорит. А это может привести к непониманию друг друга, и до Константина подспудно дошло, что сейчас нет времени на свои раздумия, а сейчас будет разумнее слушать, что там говорит высокий человек. И Константин включается в процесс осознания того, что говорит высокий человек и вроде как не слишком поздно.

– Почему человеку столь интересны истории построенные на основе логических цепочек, рассказы и киноэпопеи дедуктивного свойства, с распутыванием узлов чьего-нибудь злодейского замышления или ещё лучше, последовательной разработке некоего плана, со своими логическими комбинациями, куда подключается большое количество случайных и неслучайных факторов, а также друзей, которые будут играть роль контрольных точек, через которые будут подводиться события к своему итоговому результату. – Вслух рассуждал высокий человек. – А всё потому, что человек по своей сути творец, и ему крайне любопытно знать, что из чего складывается и создаётся. Ему желается докопаться до элементарных истин, на основе которых построен этот мир. И нагляднее, а вернее, занимательней (такова уж природа человека, он через игру быстрее включается в процесс запоминания), на это смотреть не путём демонтажа выстроенной системы, или его частности, некоего, с детективным подтекстом события, что куда как затратней, – мироздание, это прежде всего умственные основы человека, – а путём его пошаговой постройки, сложения воедино всех составных частей, пусть будет пазлов.

– Так что же ты хочешь на самом деле построить? – спросил себя Константин, не сводя своего взгляда с высокого человека, чьё имя пора бы уже узнать.

Высокий человек вновь подходит к окну, как теперь понимается Константином, совсем не случайно, и говорит ему. – А теперь напоследок мой тебе совет. Придерживайся главного правила, которому следую и я: ориентируйся на случай. – После чего высокий человек приоткрывает жалюзи заглядывает в приоткрывшуюся щель и, повернувшись к Константину, говорит. – А теперь контрольный тест. Сейчас я вызову в свой кабинет одну из сотрудниц, ваша же задача состоит в том, чтобы застраховать меня от всех возможных страховых случаев, которые могут возникнуть вследствие моего, один на один собеседования с этой сотрудницей. – А вот такого резкого перехода от слов к делу, Константин точно не ожидал, и он вполне по понятным причинам должен был растеряться, но в нём что-то внутри щёлкнуло и он, собравшись, включился в работу, для чего перво-наперво, быстро окинул взглядом кабинет. И, не успев высокий человек отойти от окна, чтобы подойти к столу и по внутренней связи вызвать к себе намеченную им жертву (Константин уже сообразил, на каком виде преступления будет настаивать высокий человек, вызвав к себе самую привлекательную сотрудницу), как у Константина уже есть к нему вопрос.

– Как насчёт видеокамер? – спрашивает Константин.

– Вы меня радуете вашей предусмотрительностью. – Сухо сказал высокий человек, подходя к столу. Где он берёт трубку стационарного телефона, набирает номер и после небольшого ожидания говорит: «Вызовите ко мне Снежную». После чего он кладёт трубку, смотрит

на Константина и удивляется его беззаботности. – Вы ещё здесь, – с полнейшим непониманием беспечности Константина, обращается к нему высокий человек, – у вас времени, чтобы не допустить страхового случая, всего ничего: Пока она не дойдёт до кабинета и не окажется здесь.

И только сейчас Константин сообразил, что от него требуется. Вот только как всего этого не допустить, и кто вообще такая эта Снежная, которую вызвал к себе в кабинет высокий человек, Константин знать не знает. Но у него и времени на размышления нет, и он подпрыгивает со своего места и вот он уже на площадке, предваряющей собой вход в кабинет. После чего Константин быстрым шагом подходит к перилам, ограждающим собой эту смотровую площадку, и начинает делать быстрый осмотр лежащего внизу, как на ладони, первого этажа, всё пространство которого занято под офис. И хотя там внизу всё видно, как на ладони, всё-таки когда всё движется в своём хаотизме и только самым движущим объектам известно (правда не всегда точно) о своём предназначении, чрезвычайно сложно определить, кто куда идёт и куда его дорожка приведёт.

И Константин в спешке принялся бросаться от одного идущего куда-то объекта к другому, стоило только тому начать любого рода движение. Да за той же упавшей со стола ручкой наклонился или заглянул через перегородку и о чём-то там спросил своего коллегу или соседку. Что, естественно, приводит к одному итогу, к растерянности Константина, который резко себя останавливает на одном объекте наблюдения, нижней площадки спуска с лестницы, ведущей со второго этажа на первый, и в скором режиме набросав основных для себя тезисов, которыми может характеризоваться эта Снежная, – однозначно девушка молодого возраста, привлекательная, цвет волос может быть разный, целеустремлённая и к ней не подступиться, так она ответственно выглядит, – начал перемещать свой взгляд от выходной с лестницы площадки первого этажа по улицам этого мини лабиринта.

– Может это она? – задался вопросом Константин, вдруг наткнувшись на более чем внимательный, обращённый прямо на него взгляд молодой особы в строгом костюме, которая только что отложила трубку телефона и стояла на изготовке, глядя на Константина. И при этом так напористо на Константина смотрела, что Константин не смог не почувствовать это её стремление познать его. – А это ещё что за хрен такой?

– Нет, не она. – Еле оторвав свой взгляд от этой леди, строгой к нему и ко всему мимо неё проходящему, решил Константин, выдвинувшись дальше по рядам столов своим взглядом. Даже стараясь не думать о том, что там происходит за пределами его обзорного взгляда. Ясно, что одно только недовольство и негодование. – Да кто он такой, чтобы воротить свою рожу?! Надо срочно навести о нём справки.

Но все эти метания в разные стороны ни к чему не приводят, и Константин, взмокший от волнения, так и не сумев определить, кто такая эта Снежная, – а она может в любой момент появиться, и как думается Константину, из самого неожиданного места, – оборачивается назад и видит приоткрытые жалюзи в окне. «Значит, за мной там наблюдают и однозначно насмеются». – Делает злой вывод Константин.

– Он меня уже уморил, а ведь он ещё не видел Снежную... королеву. – Поглядывая на Константина, позволил себе улыбку искренность в лице высокий человек. – Вот будет потеха, когда он при виде неё скатится по ступенькам. – У Константина при виде такого своего понимания происходящего там, в кабинете, рождается даже не план, а он приходит к решению, спуститься вниз и там, ещё до ступенек, перехватить эту Снежную. Как ещё понимается Константином, расчётливую и циничную карьеристку, которая однозначно находится в сговоре с высоким человеком, и будет вести себя крайне строптиво и неуступчиво, попытайся он... А вот что ему делать, даже если он угадает, кто такая эта Снежная и что предпринять, Константин совершенно не знает.

Но Константин уже спустился вниз и, загородив собой проход на верхний этаж, приготовился к обороне. – Другого входа, скорей всего, нет, или по крайней мере, о нём ничего неизвестно рядовым сотрудникам. – Здравомысленно рассудил Константин, принявшись во все стороны глазеть, выглядывая там эту Снежную. Но та, как будто специально всё не показывалась, что ещё больше убеждало Константина в том, что она находится в сговоре с высоким человеком. Ведь так не спешить и заставлять собой ждать высокое начальство, всегда заставляет задуматься это высокое начальство о соответствии своему служебному положению вызываемого ими сотрудника.

И вот когда казалось, что все сроки прошли и Константин даже мыслями обратился в сторону тайного входа, через который эта Снежная уже прошла и сейчас там, в кабинете, сидит на коленях высокого человека и они вместе посмеиваются над его недоразумением, – ну и лопух этот Константин, а ещё бил себя в грудь, заявляя, что он самый предусмотрительный человек («Это когда такое было?! – возмутился Константин»), – как он краем края глаза замечает в дальней, справа стороне, открывающиеся двери. И Константин, сам не зная почему, фиксирует свой взгляд на этих дверях, которые, как ему кажется, медленно-медленно приоткрываются. – Что-то здесь не так. – Пробило странной мыслью Константина, уже полностью вовлечённого в процесс наблюдения за открытием этой двери.

Ну а дальше интерес растёт по возрастающей. Так из-за двери, тем же не спешным темпом показываются женские туфли (понятно, что поочередно), а как только Константин обмер в одном положении ожидания того, что там дальше будет и покажется, то из-за дверей показывается самое прекрасное лицо, какое в кино только и видел Константин, а за ним и всё остальное, что принадлежит по праву своего рождения этой носительнице своего совершенства и красоты, как без всякого сомнения понял Константин, Снежной.

А вот теперь наступает момент для самого интересного для Константина, – Снежная повернулась в его сторону, быстро убедилась в том, что её ждёт на её пути (а это в том числе и Константин, которого бросило в жар от ожидания этой встречи) и напролом выдвинулась вперёд, напрямик на Константина. И у Константина теперь в запасе где-то секунд десять, чтобы сообразить, как не пропустить мимо себя эту Снежную, что при виде её хода, кажется, совершенно нереально сделать. И Константин вместо того, чтобы начать разумно соображать, первым делом бросился в панику.

– Лучше бы она была бабой-ягой, – глядя на неминуемо приближающуюся Снежную (как она идёт, просто загляденье), окромя всех этих за скобочных мыслей, трусливо рассудил Константин, – всё же было бы легче ставить ей подножку. – Вот до каких неизящных мыслей докатился Константин, уже не веря в себя и в то, что он сможет остановить этот страховый случай в виде Снежной, которая катком по любому пройдёт, кто встанет на её пути.

И вот когда расстояние между ними сократилось до того самого критического предела, когда каждому из них нужно определяться с тем, что дальше делать, – Константину немедленно поберечься и отойти в сторону, чтобы пропустить Снежную, а Снежной, в общем, ничего не нужно делать, разве что только оценивающим взглядом предупредить этого зазевавшегося нахала о тех страшных последствиях, которые его будут ждать, если он не поторопится быть предупредительным к молодой и амбициозной девушке с намерениями положить весть мир к своим ногам, – как неожиданно для всех участников этой встречи, Константин, для Снежной человек совершенно незнакомый и пока ею не идентифицируемый, берёт и в одно своё заявление ломает всю схему, устоявшуюся в этой части земного пространства, по которой расходятся люди при встрече со Снежной.

– Если в моих расчётах нет никакой ошибки и вы та самая Снежная, то прошу проследовать за мной, меня отрекомендовали к вам, чтобы я вас проводил до места. – Сказал Константин, пригласив рукой Снежную, проследовать вслед за ним. У Снежной почему-то это приглашение Константина проводить её до места встречи вызвало удивление, с которым она

посмотрела на Константина, очень непонятного для неё человека, который ей не только не знаком, но и не заслужил никакого доверия (всё по той же причине). А это всё в совокупности подводит её к тому, что ей придётся довериться этому для неё незнакомцу.

А вот доверять себя, то есть самое для себя дорогое, первому встречному незнакомцу, слишком большая роскошь для разумного человека, к коим себя причисляет и Снежная, и всё в ней говорит, что самое разумное, не поверить этому человеку и спросить его, с чего это он взял, что она, как наивная дурочка, всему, что он сказал вдруг поверит. И Снежная так бы и сделала, если бы не тот червячок сомнения в ней, который в своё время привёл к древу познания Еву, ещё называемый любопытством, который большой ходок до такого рода яблок и связанных с ними интриг.

И Снежная, со свойственной ей харизмой, держа свою особую марку, даёт свой ответ Константину. – И с какой стати я должна пойти с первым встречным туда, не зная куда? Вот ответьте мне на этот вопрос и тогда я быть может, с вами пойду. – Константин, несколько сбитый этим ответом Снежный, на один момент было подумал, что он чего-то из сказанного ему высоким человеком недопонял, отчего он рефлекторно бросил взгляд наверх, в сторону знакового кабинета (этот взгляд не прошёл незамеченным Снежной). Но выбора у него другого по большому счёту не было, и он решает дожать ситуацию со Снежной (высокий человек её зачем-то же вызывал).

– Это не моя инициатива. – А вот теперь по другому большому счёту, Константин соврал. И как это часто бывает, его вранью быстрее поверили, чем если бы он был откровенно честным. Правда, он изначально и так лукавил.

И Снежная, чьё решение довериться этому незнакомцу, явно было принято под воздействием этого брошенного вверх взгляда незнакомца, идёт навстречу Константину. – Что ж, поверю. – Со вздохом какого-то затаённого и вслух не выговариваемого чувства, сказала Снежная. – Ведите. – Добавляет она и Константин, посмотрев по сторонам так, как будто он точно не уверен, куда ему нужно вести Снежную, – а Снежная уже ему доверилась и не обращает никакого внимания на эти странности в его поведении, – наконец, определяется с направлением движения, и со словами: «Нам сюда», выдвигается в сторону одного из коридоров, ведущих в отдельное от общего зала ответвление. И как вскоре Константином выясняется, то он себя и Снежную привёл в своего рода складские помещения.

И тут бы казалось, что Снежной нужно и пора бы начать волноваться, – я что-то не поняла, ты куда, скотина, меня завёл?! – но она ни капельки не проявляет инициативы в сторону панического настроения и пока пребывает в состоянии некоего заворожения, в предощущении сюрприза или чего-то в такой же неожиданной степени. Ну а у Константина другого выхода нет, как сейчас же и притом немедленно, пока Снежная ему доверяет, воспользоваться и обмануть это её доверие. И Константин по ходу своего движения по этим обшарканным коридорам, замечает вроде как подходящую дверь, вместе с собой останавливает Снежную, затем бесстрастным голосом, но при этом тихо, говорит: «Одну секунду», и подойдя к двери, пробует её на предмет открытости.

И к немалой удаче Константина дверь поддаётся ему, и он, не давая возможности Снежной заглянуть через его спину, в один момент ныряет внутрь этого, как оказывается, со своей индивидуальной спецификацией помещения – это раздевалка для сотрудников физического труда, без которых пока не обойтись, а роботы пока ещё слишком дороги, чтобы ими заменять грузчиков, дворников и такого же рода специалистов. Правда, это не просто раздевалка, где главный интерьер помещения это шкафчики, а это помещения расширено до уровня комнаты отдыха, где для этого времяпровождения есть стол со стульями, телевизор и само собой диван, куда уставший работник не умственного труда, перенёсший на своих плечах столько груза ответственности за людей с верхних этажей, прямо в одежде и сапогах бухается и сразу же засыпает, провалявшись так весь свой обед.

Но на всё это понимание людей больше физического труда у Константина времени совсем нет, ему нужно прямо сейчас сообразить, что ему остаётся делать со Снежной, которая ладно бы, что она там за дверьми ждёт, а вот запри он её здесь на самое даже небольшое время, то что его тогда будет ждать. И как подспудно чувствуется Константином, то скандал и оскорбления в свой адрес с её стороны, это самое малое, что он заслуженно получит.

– Но тогда что, сдать? – спросил себя Константин, повернувшись к выходным дверям, где на гвоздике заметил висящий ключ. – Это судьба. – Вздохнул Константин, снимая ключ с дверей. После чего он выходит из дверей и, остановившись на самом входе, обращается к Снежной: Вас ждут.

Снежная за время отсутствия Константина несколько озябла от непонимания того, что она здесь делает, и появление Константина определённо её успокоило и она без лишних вопросов выдвинулась в его сторону. Когда же Снежная с Константином сравнялась, она до пронзительности внимательным взглядом посмотрела на него (что, ты меня осуждаешь?) и, ничего по нему не сумев прочитать, вошла внутрь этого странного помещения.

И не успела Снежная сообразить, куда это она попала и что, собственно, тут происходит, как до неё сзади доносится звук поворачивающихся ключей, и Снежную, ой, мамочки! холодным ознобом обдаёт и в ослабших коленях в момент подгибает к самому полу. Снежная с этого, нового для себя положения, во все глаза смотрит перед собой и её начинает пробирать холодными мурашками от страха при виде всего того, что она тут увидела. Но самое страшное не то, что она увидела, а то, что пока находилось в визуальной недостижимости для неё, там, за поворотом, где заканчивался ряд из шкафчиков, откуда доносился шум падающих беспрестанно и на скорости капель воды, а другими словами, работающего душа. И вот эта работа душа и то, что могло за этим действием стоять, и вгоняло в дрожь Снежную, отчётливо догадывающуюся и отчасти представляющую, что её может ждать, когда душ закончит свою омывающую работу.

А вот куда-то спрятаться здесь, не представляется никакой возможности, а ломиться в закрытую дверь, как понимает Снежная, только усугублять своё положение, пойманной в ловушку мышки-норушки. – Не в шкафчик же лезть, в самом деле. – Сглотнув набежавшую слюну, рассудила Снежная, глядя на раскрытую дверку шкафчика. И только она отвергла этот вариант своего спасения, как со стороны душевой (Константин из-за своей спешки не обнаружил этого помещения) доносятся вгоняющие Снежную в ещё больший страх и бледность лица (а она регулярно посещала солярий и была при загаре) звуки затишья – душ прекратил свою работу.

Снежная, оглушённая этим страшным для неё затишьем, в один момент почувствовала себя не просто незащищённой, а она ощутила себя полностью раздетой перед тем, что её сейчас ожидает. А всё потому, что она догадывалась о том, в каком раздетом качестве сейчас находится и перед ней вскоре может предстать тот, кто там в данный момент находится в душе. И хотя физически раздет будет тот человек из душа, чувствовать себя раздетой будет почему-то Снежная. Вот такой фигуральный физиоборот выходит.

Ну а как только до Снежной донеслись хлюпающие шаги сланцев, в которые надеты ноги того человека из душа, то у неё в один момент в голове всё потемнело, и она тут же потерялась. Да так скрытно, что вышедший человек из душа никого в раздевалке не обнаружил, да и он, в общем-то, не спешил кого-то искать. А он, выйдя из душа в завернутом вокруг своего тела полотенце, сразу направил свой ход к столу, где его ждал горячий чай с булочками. Там он себе налил в кружку чая, включил телевизор и, заняв поудобней место на стуле, принялся отдыхать под кружку чая.

Константин же тем временем, скорым шагом выбрался из этого лабиринта подсобных и технических помещений и, оказавшись у того места, с чего вся эта история со Снежной начиналась, – на площадке у лестницы, ведущей на второй этаж, – посмотрел по сторонам, где

ничего так и не изменилось, затем бросил взгляд вверх ...А вот там произошли достаточно заметные изменения, вогнавшие Константина в предчувственную тревогу.

– Что-то здесь не так. – Пронзила Константина мысль, при виде стоящей на площадке второго этажа группы людей. Где кроме высокого человека, кто был известен Константину, стоял незнакомый ему молодой человек и девушка, выделяющаяся не как обычно и предстало женскому полу, за что его отчасти любят, а больше боятся, красотой, а своими прилично выраженными физическими параметрами, подчёркнуто выделяющимися через её брючный костюм. Она была не чересчур, а вполне достойно физически развита и это всё на фоне её высокого роста и более чем уверенного взгляда на тебя, дрыщ. В общем, она брала тебя обаянием своих стальных мышц и во всём убеждающим строгим взглядом.

И Константина при виде этой атлетически выглядящей девушки, накрыло сомнение и неуверенность в правильности своих действий. – Чёрт, неужели я ошибся? – сглотнув эту пронесшуюся мысль в голове, Константин неуверенным шагом начал свой подъём по лестнице на второй этаж, с которого на него, как сговорившись, смотрели все там находящиеся люди. А вот по какому поводу им так интересно было смотреть на поднимающегося Константина, то тут без особых вариантов – Константин всё, что было можно, провалил.

Но Константин на последних ступенях своего подъёма укрепляется духом и решает просто так не сдаваться и бороться за себя. И вот он, поднявшись на площадку второго этажа, останавливается практически сразу и выжидающе смотрит на высокого человека, у кого, как он понимает, имеется право главного слова. Что так и есть, и высокий человек, с невыраженной ухмылкой смотря на Константина, констатирует факт произошедшего. – Мне, кажется, что вы опоздали.

На что Константин делает удивлённое лицо и с явным непониманием того, в чём его тут пытаются убедить, говорит. – Как опоздал? – вопрошает Константин. – Не может быть. Она там, внизу заперта. – А вот теперь пришёл черёд удивляться высокому человеку и его спутникам, которые с искренним непониманием Константина и всего того, что он сейчас сказал, смотрят на него и сразу не могут найти, что ему сказать и как на его заявление реагировать.

Но вот высокий человек справляется со своим мысленным застопорением и спрашивает Константина. – Позвольте объясниться. – А Константин и сам не понимает того, чего это высокий человек из себя строит постороннего человека, которому невдомёк то, чему он сам был зачинщиком. – Вы дали мне поручение, устранить страховый случай. Я его и выполнил. – Как само собой разумеющееся говорит Константин. Что мало что проясняет для высокого человека и его спутников, и высокий человек переводит разговор в плоскость прямых действий.

– Веди. – Говорит он и Константин готов выполнить эту его просьбу. С чем он разворачивается в сторону спуска с лестницы, и теперь они все вместе выдвигаются туда, где находится под замком Снежная. И как нам, а ещё больше Константину понимается, то его там сейчас ждёт невероятно сложный разговор со Снежной ли (теперь Константин и в этом не уверен). А все эти ожидаемые им обстоятельства встречи со Снежной (пусть она так и зовётся, раз по другим именам она неизвестна) совершенно не укрепляют уверенности в шаге Константина, который теперь идёт, как на ватных ногах, пытаясь сообразить, что сказать в своё оправдание.

– Лучше пусть бросится драться на меня с кулаками, это для меня будет наилучший вариант. – Холодея сердцем, подвёл итог своему размышлению Константин, при подходе к знаковой двери. Подойдя к которой, Константин остановился, посмотрел на остановившегося позади него высокого человека и, получив от него отмашку, – «Чего стоишь, давай, удивляй нас, – вот что означал его кивок», – взялся за ключ, оставленный им в двери. А это уже зачтётся ему на суде, куда его призовут в качестве ответчика по делу о незаконном удерживании Снежной, самой красивой девушки, которую здесь видели, достойной лучшего, а не этой раздевалки.

А вот то, что Константин запер Снежную в помещении с таким знаковым названием, усугубляет его положение ответчика за свои дела. Это косвенно указывает на его приоритетные

планы насчёт жертвы его намерений, Снежной. А вот пытаться себя обелить тем, что Константин поборник чистоты и вообще человек чистых намерений, – поэтому он запер Снежную в раздевалку со своей душевой, а не в грязный чулан, – не стоит, все прекрасно знают, куда ведут в итоге все эти чистые намерения. Ими выстелена дорога в самый ад супружеских отношений.

Ну а так как Константин, а его жена, Лириан, соврать ему точно не даст возможности, и не думал думать так серьёзно в сторону Снежной, а вот несерьёзно, с чувственными и физического плана утехами, сколько угодно, что непростительно и крайне обидно всем участникам этого процесса, кроме, конечно, самого Константина, – у него, видите ли, на всё имеется своё особое мнение, – то он приговаривается как раз для него «чистюле», достойному наказанию, пребывать в той одежде, в какой он запер в раздевалке Снежную, целый год.

– Контроль за выполнением этого судебного решения возлагается на госпожу Снежную. – Выносит решение высокий суд к вящему удовольствию только одной стороны, на которой не находится Константин. А вот почему так этому решению радуется Лириан, то Константину это совершенно невдомёк. Правда, стоило ему посмотреть на Снежную, как всё встало перед Константином на свои места – Снежная будет испытывать его мужскую крепость, раздеваясь на его глазах, и посмей он только пожелать раздеться, вмиг вступит в действие другое судебное решение – запереть Константина подальше от людских глаз.

– А если обвинённый по всем статьям Константин, – продолжает выносить мозг Константину и своё судебное решение судья в мантии и само собой женщина, раз выносит мужчинам одни лишь только приговоры и ни одного предупреждения, – с этим судебным решением не согласен, – а по стоящему на его лице недовольству видно, что он также имеет наглость подвергать сомнению судебную систему государства, – то пусть только попробует его обжаловать, неблагодарная скотина. Адрианна Павловна, судья высшей инстанции, кто рассматривает все эти жалобы, не любит таких апелляционных людей, готовых ради того, чтобы себя выгородить, на всякую клязу и доносительство на своих, самых, можно сказать, близких людей. Так что хорошенько подумайте, господин Константин, прежде чем вздумать людям морочить голову, своими апелляциями к истине для вас последней инстанции, Адрианне Павловне.

Константин, окаченный холодным душем такого рода разумений, открывает дверь и с тревожным предощущением входит внутрь этого помещения. Где он к своему, до крайней степени удивлению, в другом конце этого помещения наталкивается на одетого в одно лишь полотенце человека, в своём довольстве развалившегося на стуле и сразу не сообразившего обратить своё внимание в сторону входных дверей. Константин же при виде всего этого, ещё больше впадает в тревогу и начинает в поисках кого-то, озираться по сторонам. Когда же этот тип в полотенце замечает, что в помещении народу прибыло, то он отвлекается от телевизора, смотрит в сторону входа и начинает в себе выражать непонимание происходящего.

Но Константина не провести на такие уловки, он самолично привёл сюда Снежную, и значит, вся ответственность с этого момента лежит на этом человеке в полотенце. И пока в голову Константина не затесалась страшная мысль о том, что мог предложить этот человек в полотенце Снежной, чтобы скрасить их время ожидания взаперти (у него ничего нет кроме полотенца и что он может предложить Снежной, предсказуемо), он с убеждающей резкостью спрашивает этого типа в полотенце. – Где она?

А этот тип в полотенце, да ещё не в самом обычном, а с птичками на нём (сразу видно, что изворотливого ума человек, со своими особыми взглядами на раздетое тело), как и ожидалось Константином, начинает выгораживать себя и своё участие в деле пропажи Снежной. И он пошёл не просто в полный отказ, а он принялся настаивать на своей полной невменяемости, в которое впала его физиономия, ничего разумного не выражающая – это моё алиби и я на нём буду настаивать.

– Ничего знать, не знаю, и меня лучше не спрашивайте. Я человек с умственными ограничениями, с их недоразвитой отсталостью, и с меня как с гуся вода. – Вот такой непонимающий вид и при этом так натурально, делает этот тип в полотенце.

Но Константина ни в какую не разубедить такой упёртостью, и он пока душу не вытряхнет из этого типа в полотенце, не успокоится. Константин насквозь видит эту подлую физическую сущность этого типа в полотенце, который и накинул его на себя, чтобы создать себе то самое алиби, на котором он и будет настаивать. А так он, как это себе представляет Константин, насквозь его видя, сразу же зашёл к Снежной со своим хоть и прямым, но это не отменяет всей гнусности его предложения.

– Самое сложное во взаимоотношениях между женщиной и мужчиной, это неопределённость. И женщин, а особенно девушек красивых как вы, пугает во всём этом деле незнание того, что от них скрывается под покрывалами тайны того мужчины, с кем у неё налаживаются отношения. – Тип в полотенце многозначительно посмотрел на Снежную, давая ей понять, что понимает, с чем связано её затруднение собственного понимания. После чего придвинувшись к ней поближе, добавляет. – Так во избежание всех возможных осложнений между нами и недо-молвок насчёт друг друга, со своими инсинуациями, я принял решение полностью открыться перед вами. – С долей патетики делает это заявление тип в полотенце и открывает все имеющиеся на нём завесы тайн перед Снежной.

– Вот же негодяй! – всё-всё понял за этого ловкача в полотенце Константин. – Да он и в душ ходит лишь для одной только цели: Оттачивать мастерство своей изворотливости. Он там изворачивается между струек душа. А иначе как объяснить эту его сухость.

Ну а попробуй этот тип снять полотенце и попытаться таким способом противостоять Константину, то он и с закрытыми глазами будет готов бороться за Снежную, которую этот тип, скорей всего, ввёл в транс своей телесностью, которую он приоткрыл перед Снежной, сняв полотенце, а затем, пока она находилась в мысленном ступоре от увиденного, воспользовался её беззащитностью, спрятав её в диван, или в шкафчик.

– Точно, в шкафчик! – догадался Константин, переведя свой взгляд в сторону ряда шкафчиков.

– Она здесь? – кивнув головой в сторону шкафчика, спросил типа в полотенце Константин. А тот сидит с ничего непонимающей физиономией, как будто воды в рот набрав (точно, он и воды в рот набрал, чтобы было удобней отнекиваться), и, переведя свой взгляд в сторону шкафчиков, делает такой удивлённый вид, как будто и не знает, кого он прячет в своём шкафчике. Но Константина, как уже говорилось, не провести на такую самодеятельность, и он для подчёркивания крепости своих намерений, вывести на чистую воду этого типа в полотенце, – и ему на этот раз не избежать встречи с водой, как бы он не изворачивался, – смотрит на стоящих позади него в своём изумлении людей, высокого человека и его спутников, переводит свой взгляд на этого типа в полотенце, даёт ему последний шанс на чистосердечное признание своего чёрного дела, и, не увидев в нём никакого раскаяния (одно только притворство), говорит: Тогда я сам открою.

И только Константин это сказал, как со стороны одного из шкафчиков доносится лёгкий стук, который в один момент осаживает всех тут находящихся людей в своё недоразумение (и в колени заодно). И теперь никто не знает, что дальше делать, и все, застыв в том положении, в каком их застал этот стук, не сводя своего немигающего взгляда с двери того шкафчика, откуда раздался стук, ждут что будет дальше.

А дальше со стороны шкафчика доносится какое-то шевеление, заставившее всех этих наблюдателей напрячься, а спустя совсем немного, дверка приоткрывается и из неё показывается бледное, преbledное лицо Снежной, которая выглянув из своего убежища, с непостижимым для её лица выражением опаски, принялась смотреть на людей сомкнувших своё внимание к тому шкафчику, откуда она сейчас показалась.

И такая странная, чуть ли не объяснимая ситуация сейчас получается, что выйти из неё без потерь не представляется возможным, если за её разрешение не возьмётся человек с твёрдыми позициями и принципами, как у высокого человека. Который решительно выходит на первый план, протягивает руку Снежной и приглашает её на выход.

– Позвольте предоставить вам свою помощь. – Говорит высокий человек. И Снежная, почувствовав эту твёрдость его намерений, протягивает ему свою руку и таким образом вынимается из достаточно узкого шкафчика. После чего высокий человек перепоручает Снежную своей спутнице: «Надин, препроводите нашу узницу до места», и переводит свой испытующий взгляд на Константина. Но немедленная расплата для Константина сейчас не наступает, а она откладывается. А всё потому, что дверь в раздевалку открывается, и на её пороге появляется пару людей, служащих физического труда, испытывающих большую нужду в отдыхе. И только успели эти двое рабочих раскрыть рот от удивления, как их вбивает в свою послушность громовой голос высокого человека: Зайдите позже!

И видимо грозность голоса высокого человека была такой высокоморальной наполненности, да ещё тут плюс ко всему такого удивительного качества отдельные части общей представившейся им картины, – Семён в одном полотенце и тут же потерянная в себе девушка, явно находящаяся не в себе от переживаний, – из чего, даже не имея воображения, можно сделать такие выводы, что просто позавидуешь Семёну, что этих двух рабочих, ставших невольными свидетелями разыгравшейся трагедии падения этой девушки в глазах Семёна, как ветром сдуло за дверь, а затем в курилку. Где они сразу же взялись за сигареты, затем за курение и уже после за обсуждение ими только что увиденного. Ну а так как эти двое рабочих были разных взглядов на жизнь, по причине хотя бы их разных возрастов, то их выводы насчёт скотского поведения Семёна, были диаметрально противоположными.

И если рабочий в возрасте утверждал, что Семёну теперь не позавидуешь, то его более молодой коллега пребывал в состоянии зависти к Семёну, которому так в жизни повезло.

– Я бы всё отдал, чтобы оказаться на месте Семёна. – Вот так, с безграничной убеждёностью в сказанное, заявил молодой рабочий. Его умудрённый возрастом коллега снисходительно посмотрел на наивность своего коллеги и подвёл свой итог сказанному им. – Ты готов на такие траты потому, что тебе нечего терять. А вот когда у тебя хоть что-то появится в жизни и если дойдёт дело до размена, то тогда посмотрим, что ты скажешь в этом случае.

Что ответил этому умудрённому возрастом человеку его молодой коллега, до точности неизвестно (наверняка, он его послал подальше, а в ответ сам пошёл в магазин за сигаретами для своего взрослого товарища за то, что он не придерживается субординации, – Я тебе pošлю, pošлятина), да и сейчас это не стоит на первом месте по актуальности, когда всех тревожит то, что там сейчас происходит в раздевалке.

А там, в раздевалке, как только её покинули эти незваные гости, а затем Снежная с Надин, катализатором всего движения выступил высокий человек, который перевёл свой взгляд на типа в полотенце, как стало нам известно, Семёна, и обратился к нему. – Милостивый государь, вы не оставите нас на минуту. – И так убедительно это сказал высокий человек, что Семён в желании пойти навстречу этой просьбе высокого человека, растерялся, не зная за что первое хвататься. Высокий человек, обнаружив все эти затруднения Семёна, делает дельное замечание ему. – Полотенце можете оставить при себе. – И это сделанное уточнение высокого человека попадает в цель, выводя Семёна в чём он есть прямиком за двери душевой, затем до курилки, где он присоединяется к своим обалдевшим от его появлении в таком виде здесь, в курилке, коллегам (всё тем же, ранее упомянутыми нами людям), которые, несмотря на свою ошалелость, бросились во всём ему угодать, предлагая сигареты и огоньку.

Что было должно оценено Семёном, и он, как человек прямой и сама честность, немедленно принялся их вознаграждать за свою предупредительность к нему. Правда, в начале, он взял с них слово, что о том, о чём он им расскажет, они ни-ни, никому. А то сами знаете, что

бывает с теми людьми, кто не держит язык за зубами и слишком много себе на словах позволяет в сторону девушек, незащищенных перед людскими наговорами, даже если они имели под собой все основания быть.

– Чтобы вас не мучить предисловиями, вы же не для них со мной разговариваете, – выпустив дыма из лёгких прямо в лицо своим слушателям, стойко перенёсших эту заявку Семёна на свою новую значимость, вершителя судеб и покорителя женских сердец, заговорил Семён, – скажу прямо. Да-да, всё именно так, как вы и подумали. Влюбилась в меня как кошка, и ничего с собой не имея возможности поделаться, – сердцу не прикажешь, – преодолевая брезгливость, спустилась со своего этажа к нам в трущобы, чтобы доказать мне, как я ей небезразличен. Таково было моё условие. – Семён сделал глубокую затяжку и пустился в дальнейший рассказ.

– Так и говорю этой мымре, – заговорил Семён, на этом моменте с мымрой чуть не ударив сам себя лицом в грязь посредством кулака своего молодого собрата по профессии, еле сдержавшего себя от проявления физического неприятия такого паскудства со стороны этого трепача Семёна. Ему эта девушка, чуть ли не ангел, всю себя отдаёт и посвящает (чему не хочет верить молодой коллега), а он так к ней не целомудренно и по-скотски относится. Сволочь этот Семён одно слово. И молодой коллега хотел плюнуть в сердцах на разутые ноги Семёна, да Семён это почувствует и ещё обидится за такое недоверие к себе (вы же, падлы, собственными глазами всё видели), и не станет заканчивать свой рассказ. А молодому коллеге Семёна, несмотря на всё своё недоверие к рассказчику, до жути интересно, что там дальше было.

Ну а так как молодой коллега Семёна ему не плюнул на ногу, то Семён спокойно продолжил свой захватывающий дух у слушателей и отчасти у него самого рассказ.

– Ты вся такая чистая и просто ангельское загляденье, а я сама посмотри, просто мухомор по сравнению с тобой, – на этих словах Семёна все его слушатели на него посмотрели и на этот раз во всём с ним согласились. А молодой сотрудник даже себя укорил за свою несправедливость по отношению к Семёну, как выясняется, человеку хоть и позволяющему себе иногда переоценку собственного я, но по большому счёту, объективно о себе мыслящего. – И если ты действительно меня любишь, не считаешь нас не парой и всё это не девичьи капризы, докажи что это так. И не мне, а самой себе. «Как? – спрашивает она, с придыханием глядя на меня». – Ну, здесь Семён опять хватил лишнего. – Единодушно взгляды на Семёна его слушателей.

«Если не боишься, то приходи в нашу раздевалку, – говорю я ей». – Замолкает Семён и на этом волнующем моменте все замирают и начинают вглядываться в источаемый сигаретами дым, сквозь дымку которого им представляется лицо этой влюблённой как кошка в Семёна мымры, и каждый пытается понять, что действительно движет ею в сторону этого мухомора Семёна. – Да ничего не может! – вновь единодушно слушатели Семёна. На пути к этому согласию находился и Семён, да вот только он был более заинтересованным лицом и так сказать, находился чуть ли лицом к лицу к происходящим в раздевалке событиям, и у него однозначно могли возникнуть путающие всякую здравую мысль фантазии. Ведь всё-таки та красотка зачем-то забралась не просто в шкафчик, а именно в шкафчик Семёна, пока он был в душе, а это что-то, да значит. Вот только что, Семён так понять и не может.

А между тем его заинтересованные в детализации рассказа слушатели ждут от Семёна новых порций откровений. И Семён даёт их, он человек на этот счёт щедрый. – Ну и она, как видите пришла. Да вот только её папаша, большой человек в компании, путём различных средств слежения прознал о таком постигнувшем несчастье своей любимой доченьки (коллеги Семёна опять отдали должное самокритичности Семёна, так прошедшемуся по себе) и выследил нас. – Так тяжело вздохнул Семён, что у его слушателей невольно потянулись руки за сигаретами, чтобы хоть так облегчить Семёну его сердечные переживания.

А в раздевалке в это время происходили свои разговоры, как можно догадаться, совершенно не касающиеся Семёна.

Так высокий человек изучающе уставился на Константина и принялся его домысливать, как подумалось Константину. – А ты сумел меня удивить, – спустя время говорит высокий человек, разворачиваясь в сторону выхода из раздевалки.

– Это значит, что вы меня нанимаете? – спрашивает уже спину высокого человека Константин. Высокий человек останавливается у дверей, ведущих на выход, оборачивается к Константину и, кивнув в сторону молодого человека, с кем он пришёл сюда, говорит. – Тебе, как я убедился, нужен помощник, знакомьтесь. А затем ко мне. – И на этом пока вроде бы всё – высокий человек покидает пределы раздевалки, а вслед за ним и Константин со своим напарником, Троем.

Глава 6

В ней много о чём рассказывается, но главное из всего тут сообщённого нужно усвоить то, что кто рано встаёт, тому бог, не сам, конечно, а посредством своих инструментов, поддаёт.

Чем отличается день ото дня, и не для каких-то там глобальных систем своего позиционирования в мировом мироустройстве, которые по большому счёту живут в системе среднестатистических данных и они такими отличительными данными не апеллируют, а для одного из частных случаев, для какого-нибудь среднестатистического человека, у которого и запросов особых к окружающему миру нет и живёт он, как и все обычно, по своей обыденной формуле, час от часу не легче, и день на день одинаковый не выпадает, то если отбросить все природные неровности, на которые он никак не может повлиять и рассматривать лишь то, что этого среднестатистического человека касается и волнует, то этот заданный вопрос сводится к следующему ответу – степени ожидания и не ожидания чего-то от предстоящего дня этим среднестатистическим человеком. В общем, одни дни он, обнадёженный неким предстоящим событием, трепетно ждёт, а другие дни для него проходят как бы формально, без лишних переживаний. Ну а как там дальше проходит, – его ждёт там разочарование или наоборот, всё вышло так, как задумывалось, – то это другой вопрос.

И вот поверхностно нам уже известный Миша, тот молодой человек из службы экспресс-доставки, о котором у нас сложилось противоречивое мнение, – он с одной стороны парень не слишком привлекательный, тюфяк и сама скромность, а с другой стороны, не без своего самоутверждения, в общем, он находится в том самом переходном возрасте, где идёт формирование его единства личности, – весь вчерашний вечер пребывал в ожидании сегодняшнего дня, от которого он одновременно ничего хорошего не ждал и в тоже время ждал чего-то для себя прорывного. Так что вполне понятна его душевная неустроенность, которая начала сопровождать его с самого подъёма и так всё утро, а затем до прибытия на место своей работы, до которой он на этот раз добирался не обычной дорогой, а обходным путём.

Чем он мотивировался в таком своём подходе к выдвижению на работу, сложно и самому ему сказать, но можно сделать основанные на вчерашних событиях предположения – он несколько опасался встречи со вчерашним типом, который однозначно нагнал на него страха. И, конечно, было глупо так себя вести, когда он сам сообщил тому типу, где он может его встретить и подловить, если ему этого захочется. Так что Миша перекрутил все зашедшие ему в голову варианты хотелок этого типа, и ему ничего здравого на ум не пришло, кроме того, что тот тип секретный агент правительства, который набирает себе в команду самых отчаянных людей. А Миша по всем параметрам подходил под эту категорию отчаявшихся людей. Да-да, всё верно, самые отчаянные люди, это отчаявшиеся нытики, каким был Миша, и этому типу крайне повезло, что он натолкнулся на Мишу, как раз в самый такой отчаявшийся момент его жизни (Леонелла так жестоко с ним поступила).

И вот это отчаяние Миши на последнем жизненном фронте (любовном), где он ещё питал насчёт себя какие-то иллюзии (на всех остальных фронтах он шаг за шагом отступал и терпел поражения), когда уже и отступить казалось что некуда, и поддержало в Мише те послед-

ние силы, которые его привели на место его работу, в одну из пиццерий. Где его в свою очередь ждали свои обыденные неприятности, которые всегда преследуют таких как Миша людей, в основе которых лежит скромная конструкция. И физическим олицетворением всех этих неприятностей, как правило, выступают его коллеги по работе, уже с виду на них посмотришь, то увидишь, что они совершенно не такие как он, закомплексованные люди, а наоборот, им всё по плечу и в радость надсмехаться над такими людьми как Миша, кого можно загрузить работой по полной.

И только Миша переступил порог заведения пиццерии, откуда начинается его оговорённая трудовым договором ответственность, как его уже все рады видеть, особенно его коллеги, Влад и Лёха, которые, как с порога Миша всегда и сейчас выясняет, без него никак не справляются. И это несмотря на то, что Влад и Лёха такого вида здоровых лба, что при виде них у тебя закрадывается сомнение по поводу того, что они с чем-то там не справляются. Да быть такого не может. Правда, очевидность такова, что почему-то всегда, вот в таких рассматриваемых сейчас случаях, не справляются со своей рабочей загруженностью вот такие здоровые лбы, как Влад и Лёха. И они, как люди не без своей сноровки и сообразительности, уже заранее предвидя, что им не будет по силам справиться с объёмом порученной им работы, дабышний раз не мучить себя и окружающим нервы, – той же начальнице смены, Машке для них, а для всех Марии Семёновне, – заложили руки в брюки, чтобы они отдыхали и набирались сил, и, облокотившись, кто куда (к стенке или на стульчик присев), сохраняя равновесие и невозмутимость, определялись ждать эту палочку для всех выручалочку, Мишу.

Ну а Машка, или Мария Семёновна, что может поделать, когда эти два здоровых лба являются гарантами дисциплины в этом небольшом коммерческом предприятии, хоть сами и не слишком дисциплинированы. Но тут уж нужно выбирать, либо Влад с Лёхой как умеют поддерживают порядок и дисциплину (Мария Семёновна все же в душе ещё Машка и у неё ещё не получается быть строгой), либо они переходят в стан безответственных людей и с этого момента ни за что не отвечают. В общем, Машке пока она не набралась опыта и строгости в себе, приходится приравниваться к обстоятельствам и во всём потакать этим здоровым лбам.

– Чего встал, давай помогай упаковывать пиццу. – Подгоняет в Мише его ответственность Влад, сам не покладая рук, переводит свой дух со стаканчиком кофе в одной руке и эклером в другой.

Ну а Миша всегда рад быть полезным хоть кому, а особенно своим коллегам по работе, которые, как люди более чем он ответственные, раньше его прибыли на работу и пока он там по дороге прохлаждался, уже всё тут по своим местам распределили. И Мише теперь только и оставалось, как воплотить в жизнь эти планы: упаковать в коробки пиццу, рассортировать её по заказам, затем развести по фургонам, а затем... А затем ему не надо думать, за него есть кому этим умственным процессом заниматься.

И Миша, взглянув на опустившую голову в бумаги полные цифр и заказов Марию Семёновну и, убедившись в том, что с ней у Влада с Лёхой всё согласованно, – а если он решил занять противоречащую всякому товариществу, грубую позицию недоверия к их словам, то Влад с Лёхой, вынув кулаки из своей занятости, готовы предоставить Мише убедительнейшего характера аргументы, – с понурой головой отправляется справляться с работой.

– Вот и дело пошло на лад. – Сделал вывод Лёха, другой коллега Миши, наблюдая затем, как слаженно укладывает коробки с пиццей Миша. – Мне, кажется, что мы заслужили глотка свежего воздуха. – Сказал Лёха, со значением посмотрев на Влада. Ну а Влад с полуслова понимает своего напарника и предлагает выйти подышать на улицу.

Ну а как выглядит это наполнение себя свежим воздухом, не нужно объяснять, оно, как правило, идёт по одному и тому же сценарию. Так Влад и Лёха, как те люди, кто решил немедленно восполнить в себе недостаток свежего воздуха, – им скорей всего, понадобился воздух с большей концентрации кислорода (для чего это им было нужно, пока что трудно сказать), –

вышли на крыльцо, предваряющее собой вход в пиццерию, затем окинули с утра не слишком многолюдную улицу и зашли в специальный закуток, за углом пиццерии, где, как оказывается, как нигде вокруг вольно дышится.

И видимо насыщенность кислородом воздуха в этой части пространства настолько было велико, что эти господа (а кто же ещё), дабы в голове не закружилось, достают из карманов сигареты и посредством этих фильтрующих трубок, разбавляя поступающий в лёгкие кислород, начинают полной грудью дышать местный воздух. Ну а как только их организм частично восполнил в себе недостаток свежего воздуха, то можно и поговорить о самых насущных темах.

– Да, – глубоко вздыхает Влад, – даже не знаю, как бы мы справлялись со своей работой, не будь с нами Миши, этого великодушного человека. – Пустив дым вверх, многозначительно смотрит в тот же верх Влад.

– Да без него мы как без рук. – Соглашается Лёха, вслед за Владом выпуская струю дыма. Здесь они переглядываются и обдают себя радостью, исходящей прямо от души – ведь у них есть Миша и как этому не радоваться искренне. И только эти честные во всём господа так за себя порадовались, как в этот закуток заглядывает незнакомец, который начинает себя вести до невероятности странно. Не как подобает всякому незнакомцу, неуверенно и с чувством внимания и уважения к людям здесь бывалым не раз, а так, как будто Влад с Лёхой здесь новички, а он человек здесь свой.

– Значит, дышим. – Окинув с ног до головы возмущившим Лёху и Влада взглядом, как-то по-особенному констатировал факт их здесь нахождения этот странный незнакомец, позиционирующий себя за свойского для этих мест человека. А Лёха с Владом и не знают, как на всё это реагировать, и продолжать ли вдыхать в себя свежий воздух через сигарету, или это будет выглядеть невежливо по отношению к этому свойскому человеку, у которого, как что-то им подсказывает, нет при себе сигарет, а вот желание, так же как и они подышать, имеется. И значит, следующим его шагом будет его к ним обращение на предмет выяснения того, насколько они сообразительны.

А вот это уже вызывает свои сложности, если знать, насколько щепетильны эти господа в вопросах своей собственности. И хотя у них не вызывало особых затруднений указывать на недопустимость такого рода просьб, человеку обращавшемуся к ним за этим сигаретным одолжением, – это не этично делиться со своим ближним своими вредными привычками, – что-то им не даёт покоя в этом человеке, и ими подспудно чувствуется, что такой ответ его не устроит и он не пройдёт.

А незнакомец между тем приблизился к ним и остановился в такой предельной близости, что теперь им дышать в свои сигаретные трубки было крайне сложно, без того, чтобы не задеть этого типа выбросами из своих лёгких. И теперь этим господам, Лёхе и Владу, нужно решать, как им быть со своими сигаретными трубками во рту, которые там тлеют и не дают, не то чтобы полноценно вести разговор (как они будет выглядеть, если начнут говорить сквозь зубы, к чему подбивает сигарета в зубах), а они и дышат в пол лёгких. И судя по тому, что они в лице краснеют и в глазах мутнеют, то они решили быть до конца вежливыми и не пускать дым в лицо этому незнакомцу.

А тот всё это видит и по достоинству (правда по-своему) оценивает это их не пренебрежение правилам хорошего тона. – А вот у меня не такие здоровые лёгкие, как у вас. – Переводя свой взгляд с одного господина на другого, с долей завидливости, рассудительно заговорил незнакомец. – Не могу я их прокачивать всякой гадостью, не держат они в себе ничего кроме качественного воздуха. Вот такой я неженка. – С укором к себе сказал этот незнакомец, и при этом так серьёзно, что его невозможно было заподозрить во всяком зубоскальстве.

А господа Лёха и Влад, от этих слов незнакомца, и не заметили, как наполнились гордостью за себя, столь здоровых людей, которым всё нипочём и они не только себя потчуют этой вредной привычкой, а они плюс ко всему этому, ведут настолько беспорядочный образ

жизни, что только поистине железный организм может выдержать такие оказываемые на него нагрузки, а вслед за этим, и не заметив как, пропустив в себя сигаретного дыму, наполнились под завязку уже им. А как только произошло это их, под самую горловую завязку дымное наполнение, то они вдруг обнаруживают на себе упревший прямо в них взгляд этого незнакомца, который, как это им убедительнейше видится, не просто на них смотрит, а с некой выжидающей целью.

А вот какая у него во всём этом цель, то начавший уже раздражать горло сигаретный дым, от которого уже начинают в голове происходить помутнения, со своим головокружением, через эти симптомы подсказывает, что он хочет выявить среди них самого слабака, который не выдержит этого на себя дымного давления и первым выдохнет дым на него через свою уже обжигающую губы сигаретку. И если бы на месте этих господ сейчас находились люди без амбиций и не столь самонадеянные, то возможно, что на этом всё и закончилось, – этот слизняк раскашлялся и выдохнул из себя дым, – но так как незнакомец, скорей всего, знал с кем имеет дело, то господ Лёху и Влад, переглянувшись между собой, решили держаться до конца и не сдаваться. И теперь они во все свои выпученные глаза на него смотрели и ждали своей развязки всего этого происшествия – к кому обратится с вопросом этот тип, тот и получит для себя преференцию, раскрыть рот и тем самым выйти победителем из этого соревнования.

И незнакомец, явно догадываясь обо всём этом (да он не просто догадывался, а всё знал, раз сам и стоял за всем этим), изучающе посмотрел на этих господ, да и обратился к ним обоим сразу.

– А Миша вам кем приходится? – Задаётся этим вопросом незнакомец. И как только смысл этого вопроса доходит до разума этих господ, которые может быть и ожидали всякое услышать, но вот чтобы такое(!), то их в одно мгновение переполняет окончательно чувство собственного достоинства (куда там всё влезло и поместилось уму непостижимо), которому возмутительно слышать такого рода сомнения и утверждения, два в одном, и их в тот же миг одновременно прорвало слюной и лопнуло дымом (такой схлопывающийся звук из них издался). А как только их так прорвало, то вслед за этим, их в головокружении закатило и уронило прямо в ноги стоящего перед ними незнакомца.

– Я всё понял. Никем не приходится. – Сделал вывод этот незнакомый для многих здесь человек, после чего он разворачивается и оставляет в своём одиночестве прокашливаться и источать желчь, господ Лёху и Влада.

Куда же направил свой ход этот незнакомец для многих с ним незнакомых людей, а для нас не пребывающих в этом качестве, как уже можно догадаться, это был Илия, кто обговорил свою встречу с Мишей, то об этом тоже не трудно догадаться – под своды того заведения, где трудился Миша, сейчас разнося по фургонам отсортированные по своим заказам коробки. Где Миша за всем этим своим занятием и своей трудолюбивостью, и позабыл о том, чего он так весь вчерашний вечер и утро этого дня страшился и ожидал – встречи с Илией. Так что вполне можно было спрогнозировать его стрессовое состояние лица, когда он, перенося стопку коробок, вдруг натолкнулся на того самого типа, встреча с которым ему принесла столько душевных волнений.

И только благодаря большому хладнокровию Илии, который уловил Мишу, падающего с коробками, и тем самым не довёл до истерики Марию Семёновну, которая хоть всё и держала под своим визуальным контролем, но её сердечко, волнующееся не только за Мишу, к которому она испытывала наставническую симпатию, но и в её подотчёте находятся все эти коробки с пиццей, могло и не выдержать такого удара судьбы и раскричаться. Но так как Илия сумел вовремя вмешаться и оставить на ногах Мишу и коробки не раскиданными, то Мария Семёновна только лишь побледнела и с интересом посмотрела на этого человека, который оказал столь значительную поддержку этому, вечно у него ничего не держится в руках, Мише.

А этот, по своему интересный для Марии Семёновны незнакомец, с каким-то удивительным удовольствием улыбается Марии Семёновне и делает неоднозначное замечание, требующее для себя своего обдумывания. – Да у вас, как я посмотрю, никого в ногах не держит. – Говорит Илия, для всех тут, кроме Миши и то только отчасти, незнакомец с удивительными мыслями и со странной улыбкой, обращённой, почему именно на меня (так подумала над этой сюжетной линией Мария Семёновна, готовая представиться незнакомцу просто Машей).

И если Мария Семёновна принялась анализировать и подвергать осмыслению слова незнакомца, то для Миши было всё боле-менее ясно – он был найден.

Сам же Илия не спешит озвучивать свою позицию насчёт Миши, который приготовился к самому нехорошему для себя повороту дальнейших событий (хотя чего так бояться, и хуже вряд ли будет, когда ты не испытываешь вообще радости от своего нынешнего существования и точно не жизни), а он внимательно посмотрел на Марию Семёновну, в один момент расправившую свои плечи и настроившую свой взгляд на свою имеющуюся в наличии очевидность, которая ещё по достоинству никем не оценена, хоть и не была обойдена вниманием со стороны, и явно прикинувшись близоруким, приблизился к Марии Семёновне с таким пронзающим всё на своём пути взглядом, что Марии Семёновне, для вас просто Маше, стало бледно в лице и душно в её одежде.

А этот незнакомец, Илия, посмотрел на неё и говорит. – Мне, кажется, что вы мало цените ваших работников. А в частности Михаила. – Илия указывает на Мишу, который при виде этого указания на себя, осел в испуге в ногах, и продолжает говорить. – А он, между прочим, самый надёжный и ответственный работник. И я даже не побоюсь этого сказать, – а Михаил, я, надеюсь, меня в этом не упрекнёт и не осудит, если это чистейшая правда, – он ради вас на всё готов. – А вот на это заявление Илии невозможно было с бесстрастным лицом отреагировать, и все невольные участники этого разговора, за исключением самого Илии, может быть невольно, а может и спонтанно, друг на друга посмотрели и при этом одновременно, и, наткнувшись на ответный взгляд, в своей неловкости быстро одёрнулись в своё непонимание того, как так вышло, что они вдруг так друг на друга посмотрели.

И если Мише, человеку, находящемуся в своём переходном периоде, такая рассеянность взгляда по сторонам, как бы простительна и объяснительна, то вот куда смотрела Мария Семёновна, на два года старше этого Миши (а объективно ещё старше) и, занимающей не последнюю ступень в иерархии этой предпринимательской компании, совершенно не ясно и непостижимо для умов серьёзных и здравомыслящих.

Ну а если такое её поведение объяснять её человеческой природой: «Во всём винюваты рефлексy», то таким образом мы до всякого безобразия можем договориться: все свои поступки объясняю природой заложенными факторами. Что невыносимо слышать людям со свободной волей и независимостью в себе и во всех своих взглядах, и они никогда не примут такой своей природной данности и лучше будут одни, со связанными руками по вечерам, чем наедине со своей природой, глумящейся над своей природой.

При этом как всеми тут понимается, то Марии Семёновне нужно немедленно держать слово, или она будет на прямую заподозрена в своей сердечной внимательности к Мише, с которого она глаз не сводит, стоит только о нём завести кому-то речь. И Мария Семёновна, теперь уже красная в лице от всех этих переживаний, связанных с этим несносным Мишей, отчего Мише становится очень неудобно и в тоже время радостно за себя и за то, что он стал причиной всех этих волнений на лице Марии Семёновны, и хотела бы сейчас выступить с возмущением и опротестованием слов незнакомца: «Нет совершенно никакой связи между покраснением моего лица и всем тем, что можно было подумать на мой счёт!», но у неё в горло всё так пересохло, что она не решилась вымолвить хоть слово хриплым на слова голосом.

Ну и все сразу решили (в том числе и сама Мария Семёновна), что в словах незнакомца есть своя доля истины и даже правда. А вот что всем заинтересованным лицам делать с этой

правдой, никто по большому счёту не знает, а незнакомец, как сейчас выясняется, сюда не для этого пришёл и у него есть свои вопросы к Мише.

– Так что, ты готов? – обращается к Мише Илия. Миша смотрит на коробки в своих руках, затем по сторонам и не с такой прямо убедительностью говорит, что вроде как да. На что теперь уже у Марии Семёновны возникают вопросы. – И это куда ты собрался? – интересуется она у Миши, посмотрев на него через призму стоящего на её пути Илии.

– Как куда? – удивляется в ответ Миша. – Развозить заказы.

– А... – Мария Семёновна многозначительно обходится одной буквой алфавита (но зато какой), дополняя недосказанные буквы своим взглядом на незнакомца, чьё здесь нахождение для неё до сих пор остаётся под большим вопросом: Кто он такой и что здесь делает?

И как немедленно Марией Семёновной выясняется, то она сейчас чуть ли не встретила на своём пути свою мечту – человека без слов с её стороны её понимающего. И этот человек, то есть Илия, без дополнительных подсказок с её стороны, разрешил эти её вопросительные затруднения. – Я, – говорит Илия, – человек временно безработный (понятно, что для этого есть очень качественные основания и объяснения), и Миша, как человек большой души и сердца, не остался глух к этой моей проблеме и предложил свою помощь в деле моего трудоустройства. Вы меня примете на испытательный срок? – посмотрев на Марию Семёновну чистым пречистым взглядом, спросил её Илия. И разве Мария Семёновна, а тем более Машка, может ему отказать, когда на неё смотрят таким испытывающим её взглядом. Конечно, нет, даже если вопрос приёма на работу не в её компетенции, а буквального хозяина этого заведения, скотского характера и за каждую копейку трясущегося предпринимателя с большой скупой буквы, Андрона Батона.

Но Мария Семёновна в некоторых, особенных для себя случаях, делает для себя исключения из своих общих правил, на которых настаивает её Машкина натура, и она становится крепкой как камень, той настоящей Марией Семёновной, к которой она шаг за шагом идёт на своём жизненном пути – эта Мария Семёновна любого мужлана за пояс заткнёт, а посмей тот же Андрон Батон раскрыть рот в её сторону с какой-нибудь претензией, то лучше бы он его не раскрывал – уж очень больно его захлопывать со всего раскрытого разбега, когда и язык спрятать за зубы не успеваешь.

– Приму. – Тихо, но с твёрдостью в голосе говорит Маша и только Маша. После чего она переводит свой взгляд на Мишу и отдаёт ему распоряжение. – Миша введи в курс дел нашего нового работника. – На чём вроде как, и порешили. Ну а то, что при этом трудоустройстве обошлись без лишних, документально оформленных формальностей, то в деле предпринимательства такие уж особые правила. Если хочешь выйти в плюс и быть на плаву, то тебе приходится обходить стороной все эти бюрократические заслоны со своим издержками и доверять людям до первой их или твоего заведения проверки специальными надзорными органами, в случае твоего заведения и людьми суровой жизненной харизмы, если человек, которому столько доверили, не выдержал проверки временем и крупной суммой, выданной ему под сохранность и решил всех перехитрить, сбежав с нею.

И вот Илия, приодетый Мишей в рабочую униформу и, взятый им в свои стажёры, занимает своё место в фургоне и ему, судя по его довольному виду, всё это времяпровождение доставляет удовольствие. Чего не скажешь о Мише, в коем чувствуется напряжение по причине неясности будущих шагов его стажёра, который только с виду такой весь излучающий одну радость и доброту, а вот вчерашний охранник, с вывернутой челюстью наружу, на этот счёт имел другую точку зрения и Миша отлично видел такую. Но видимо Илию такие мелочи в Мише мало волнуют и он, посмотрев на него посредством зеркала заднего вида, постучав по панели рукой, говорит:

– Не дрейфь. Всё будет, как и должно быть.

– А как должно быть? – вглядываясь в лицо Илии, спрашивает его Миша. А Илия и ответил бы ему сейчас, да вот только он кого-то уже в боковое зеркало заметил и сейчас сильно отвлечён на всё это. Миша со своей стороны пытается обнаружить, что там так заняло внимание Илии, да только с его места это сложно сделать. Впрочем, ему недолго остаётся находиться в этой неизвестности, и Влад, вдруг появившийся со стороны пассажирского места, где его занимал Илия, частично вносит ясность в понимание Мишей происходящего с той стороны дверей. А вот почему Влад так жутко и при этом зло выглядит и глядит на Илию, то Миша об этом ничего не знает, хотя и может сделать свои предположения – Влад всегда так жутко выглядит, когда что-то идёт или складывается не по его желанию. И видимо Илия в каком-то месте наступил ему на его мозоль или переступил ему дорогу, что и привело того в такое раздражённое состояние. А всё это в итоге привело Мишу к тому, что он вдруг задался вопросом:

– А где же Лёха? – Да вот только он сразу и не заметил, как запоздало он задался этим вопросом, а как только он им задался, как уже поздно было им задаваться, когда ответ на него вот он, у двери стоит и схватил Мишу за волосы. И Миша только собрался отреагировать истошным криком на такое вмешательство Лёхи в его внутреннее жизненное пространство в виде причёски, как до него доносится удивлённый голос Илии: «Всё-таки все дела нужно доводить до своего логического конца», затем раздаётся такого глухого и жуткого качества тупой звук соударения двух глухих к чужим стонам поверхностей и, замерший в одном положении Миша, по ослаблению хватки своей головы, приходит к пониманию, что не один он слышал этот жуткий звук, и Лёха определённо тоже стал свидетелем всего того, что там со стороны Илии произошло. А вот что там произошло, то с Миши и вчерашних видов охранника с вывернутой челюстью достаточно, чтобы испытывать к своему стажёру повышенное уважение.

И как сейчас же выяснилось Мишей, отпущенного Лёхой, то и Лёха проникся уважением к его стажёру, и пока ему не оторвали руки и ещё чего-то в нём не поломали, он предусмотрительно на первых порах ретировался в сторону, но так как он это сделал очень поспешно для себя, то на вторых порах он выказал себя крайне неосмотрительным человеком, налетев со всей своей лобовой дури на железобетонную перегородку в виде столба. Ну а результат этой встречи более чем очевиден и, пожалуй, лучше оставить без комментариев распластавшегося на бетонном полу Лёху, которому на этот раз просто так не отлежаться и без обращения в травмпункт не обойтись.

Между тем Миша дал по газам и они выехали из устроенного под склад помещения на улицу, ну а дальше по указанному в разнарядке маршруту. И таким скоростным темпом по своим точкам, пока фургон, а точнее будет фургончик, не опустеет от заказов. После чего они едут обратно, где получают новую порцию заказов и так до тех пор, пока Миша на руки не получает долгожданный заказ. А как только он его получает, то это сразу в глаза Илии бросается, до этого момента не проявляющего никакого желания вмешиваться в производственный процесс, которым руководил Миша. А вот сейчас он всё это по Мише заметил и поинтересовался. – Я, как понимаю, мы сейчас за расчётом поедём? – И, хотя Миша в этом вопросе не был столь уверен, он не стал высказывать возражения, а только угукнул.

И вот они прибывают на парковку у знакового здания банка, Миша останавливает свой фургончик на одном из свободных мест, заглушает автомобиль и вопросительно смотрит на Илию. Илия в свою очередь посмотрел на Мишу и не совсем понимая, с чем связана эта его вопросительность во взгляде, спрашивает его. – Есть какие-то вопросы?

И само собой у Миши они есть. – Есть. – Говорит Миша.

– Я слушаю. – Сказал Илия то единственное, что он мог сказать.

– Как насчёт охраны на входе, у них вопросы не возникнут по поводу вчерашнего. – Так нейтрально обратился к Илии Миша.

– Не возникнут. – Твёрдо говорит Илия и это вполне достаточно для Миши, чтобы начать собираться на выход. – Тогда идём. – говорит Миша и они покидают салон фургона. Затем они

перемещаются к задним дверям кузова, Миша раскрывает двери, и они начинают нагружать себя коробками. Когда же заказ из фургона полностью переходит им в руки, Миша закрывает двери, поворачивается в сторону здания банка, задерживает свой взгляд на нём на одно мгновение и, вздохнув, со словами: «Что ли идём», выдвигается вперёд. Куда вслед за ним выдвигается и Илия, ни капельки не выдавая своего волнения. И хотя Илия, можно сказать, в первый раз шёл в это незнакомое для себя место, да к тому же не с пустыми руками, а выполняя ответственное поручение, за которое платят деньги, он и вправду не испытывал никакого рода волнений, а вот Миша, человек, можно сказать, не новичок в этом деле и опытный, почему-то себя не так расслаблено и уверенно чувствовал, и весь его вид источал сомнение в себе и неуверенность.

Так что вполне предсказуемо и понятно, что охрана на входе зацепилась за его неуверенное лицо взглядом и, остановив его, принялась допытываться у Миши о цели его прибытия сюда, в эти священные своды для всякого расчётливого человека и просто финансиста. Когда же Миша сбивчиво им всё объяснил и даже сослался на то, что они его все давно знают, а то, что он на себя сегодня не похож, то это дело десятое, когда его столько голодных ртов ждёт, то ему всё-таки до конца не поверили и начали звонить наверх, выясняя там, наверху, голодны ли они и ждут ли для себя пищу. И даже несколько странно такое слышать тем, кто наверху, ведь там одни хищники обитают и быть постоянно голодным это константа их жизни.

Так что этому любознательному сотруднику службы безопасности, который так себя неразумно повёл, – а оправдывать себя тем, что он тут новичок, лучше не стоит (этот сотрудник подменил того самого(!) сотрудника, выбывшего из строя по причине своей большой любознательности), – быстро пришлось прихлопнуть своё хлебало и немедленно пропустить курьера. И новичок, быстро прихлопнув то, что ему настоятельно посоветовали сделать, не посмел задавать уточняющий вопрос, касающийся количественной характеристики прибывших курьеров, а с открытым выражением неприязни пропустил Мишу и Илию, перегородив собой дорогу ещё одному человеку, желающему пройти внутрь здания и ожидавшему своей очереди на этом пункте пропуска.

И сейчас, когда вроде бы путь оказался свободен и нужно было бы идти, Илия берёт и приостанавливает всё движение и со словами: «Давай его подождём», поворачивается в сторону пропускного пункта, где начал застревать тот шедший за ними посетитель. Ну а причиной его задержки стал этот рослый сотрудник службы безопасности, человек не дюжей силы и большого внимания к себе, которое если кем-то со стороны нарушается, то он как-то должен на это реагировать. В общем, его этим звонком вывели из себя, а также уплотнили в своей самоуверенности, и он теперь был просто обязан на ком-то отыграться. А вот этот человек, кто шёл вслед за Мишей и Илией, по всем внешним параметрам подходил под того человека, на ком этот охранник может отвести свою душу.

И этот сотрудник службы безопасности хотел было прямоком спросить этого человека: «А ты чего здесь забыл? И только не говори мне, что пакет акций», но ему вдруг что-то странное в голову нашептало и он и сам не зная почему, взял и выступил телесуфлёром, а вернее ретранслятором этих нашептываний. – И из каких соображений вы решили нас посетить? – с вытянувшимся от недоумения лицом на собой же говоримое, задался вопросом этот сотрудник.

А молодой человек, тот, кто чуть ранее ожидал своей очереди, а сейчас стоял перед этим громоздким во все стороны охранником, протягивает ему некий документ и говорит: Там всё написано.

Сотрудник службы безопасности иногда для краткости правописания называемый охранником, ещё находясь под воздействием своих скрытых до сегодняшнего дня столь удививших его способностей, излагать свою мысль в таких словесных оборотах, уже частично боясь себя (мало ли там ещё его подсознание решит тут выкинуть), осторожно берёт протянутый доку-

мент и, убедившись в том, что этого документа будет достаточно для того, чтобы пропустить этого человека без задержки, пропускает его.

– А вот теперь идём. – Говорит Илия и они с Мишей, а также чуть позади их идущий, тот молодой человек, кого только что пропустили через пункт пропуска, держат свой путь в сторону лифта. Добравшись до которого, они останавливаются в его ожидании и как люди при деле, начинают концентрированно на этом деле выглядеть, напряжённо глядя на цифровое табло, информирующее ожидающих лифт людей о том, где сейчас завис лифт. И за всем этим интересным и внимательным делом, можно до всякого ненужного и глупого додуматься, предоставь только значительное время для людей, ожидающих лифта. Но к некоторому сожалению Илии, и больше, скорей всего, никого, лифт не стал это значительное время зависать где-то сверху, а вскоре прибыл. А вот случись так, что он задержался на это значительное время, то у Илии уже есть в запасе интересные версии объяснения этого завистливого положения, в котором оказался лифт и приехавшие на 13 этаж люди на нём.

– Что ж, – с глубоким вздохом и с какой-то трагичностью в голосе проговорит Илия, – этого следовало ожидать. – И это его замечание естественно вызовет большую заинтересованность стоящих рядом с ним людей в ожидании лифта. Правда, это будет скромная заинтересованность, которая выразится только в брошенных взглядах этих людей на Илию. Но Илии и этого будет достаточно для своей мотивации на дикий рассказ с пикантными подробностями.

– Как бы человек себя не убеждал в своей полной самостоятельности и убедительности себя сверх меры, – я такой человек, кто ни во что не верит, я окончательный атеист и мне все эти суеверия до лампочки, – он неосознанно подпадает под суеверное влияние знакового свойства символов, в том числе и цифр, к которым относится и число тринадцать. И вот один из таких самоуверенных людей, как-то отправившийся на этом лифте само собой на самый высокий этаж, будучи в созерцательном состоянии духа, от делать нечего, обратил своё внимание на ряд кнопок на стене лифта, обозначающих собой этажи, которые освещались светом, когда лифт пересекал свой высотный барьер. При этом можно было для себя заранее выяснить, на каком из этажей по пути к своему самому высокому этажу, сделает свою остановку лифт (кнопка этажа, где была намечена нажатием эта остановка, высвечивалась отдельным световым огоньком). И вот это-то и увидел этот атеист во всём себе. А как увидел, то имея время на осмысление происходящего, да и к тому же лифт подбирался к этой знаковой отметке, вдруг озадачился вопросом.

– И кто спрашивается, выбрал для себя этот чёртовый путь своего конечного назначения? – задался вопросом атеист, удивившись тому, что этот вопрос так взволновал его, человека претендующего на звание самого бесчувственного человека года. Он на всех наплевал с самой высокой колокольни этого города, как уже можно было догадаться, со смотровой площадки этого здания, которая находится на самой вершине этого небоскрёба, до которой рукой подать из кабинета этого господина, атеиста. А бывало и так, что он для того чтобы полюбоваться с высоты птичьего полёта (а там у него летают только самые редкие птицы – птицы счастья) на лежащую внизу низменность, в которой пребывают в своём приниженном состоянии приземлённые люди, то он окунается в строенный в само здание бассейн, и в одних плавках плавая в нём, снисходит взглядом вниз.

И хотя этот опрос был задан вслух и крайне возмутительным тоном атеиста, он на него не получил ответа (возможно и потому, что атеист здесь был всем известной личностью и непрекаемым авторитетом самого главного человека в этом здании, а может и не только). А ведь кто-то из ехавших сейчас в лифте людей нажал на кнопку 13 этажа, а это значит, что по крайней мере он должен знать ответ на этот вопрос. Но может эта информация в себе содержит некую конфиденциальность, о которой вот так вслух, да ещё и при наличии вокруг незнакомых людей не распространяются, и поэтому этот человек не спешит отвечать на вопросы о своём пункте назначения.

М-да, может и так, а может этот человек так умолчал себя по причине того, что испугался быть заподозренным атеистом и всеми тут находящимися людьми в отличных от других взглядах. Все тут видишь ли, не живут в откровенной демонстрации своих низменных пристрастий и склонности ко всякой чертовщине и ещё только чёрт знает чему, а этот тип, а может и того больше, леди, – и как это вышло так, что никто и не заметил, кто нажал на эту 13 кнопку (чертовщина какая-то), – взяла и совершила этот открытый камин-аут. Я, мол, такая-сякая и меня нисколько не заботит, что обо мне подумают другие люди (так она или он думал до поры до времени, пока об этом не спросил атеист, высокое начальство, с кем всё-таки приходится считаться).

Но при всём при том, видимо этот человек не знает с кем имеет дело (или может, наоборот, отлично знает), и если атеист задался вопросом, то он ни за что не успокоится, пока не получит на него ответ. И атеист приступает к визуальному осмотру своих временных попутчиков. И если к господам с серьёзными и ответственными лицами, и при таких же костюмах на себе, у него нет никаких претензий и особых вопросов (хотя для острастки с них всё равно стоит спросить), то вот представительны женского пола вновь демонстрируют самостоятельность своего курса деловой жизни.

– Ни в чём не знают удержу, если уж деловые, то уж такие деловые, что и не подойти к ним без предварительной записи. – Пройдясь по лицам сотрудниц в деловых костюмах, которые были все как на подбор в любое деловое и модельное агентство, уже про себя рассудил атеист, не смея для их же пользы никого из них особо выделять. И лучше они пусть вот так стоят, стиснув зубы, в надежде только на себя, глядя насквозь холодным взглядом сквозь тебя по направлению своей отдалённой цели, чем они потом будут цепляться той же зубовой цепкостью со скрежетом за ту обманувшую её безнадёжность, где одна из них совратилась пагубными мыслями обмануть свою природу, растоптав её во имя этой завуалированной под успех бесцельности.

Атеист переводит свой взгляд на табло с кнопками, где свет, перепрыгивая с кнопки на кнопку, уже готов был перепрыгнуть на ту самую кнопку с цифрой 13 на ней и тем самым сделать остановку. И теперь атеист и, скорей всего, и все остальные люди в этом лифте, с нетерпением ожидают развязки этой истории, и теперь будет ясно, кто же нажал на кнопку 13.

И вот когда все буквально настроились к этому моменту истины, через своё напряжение и своё пристальное внимание к тому лучу света, который приготовился к своему прыжку, – и вот он даже оттолкнулся от кнопки 12 и всеми ожидалось приземление этого лучика света на кнопку 13, и все надеялись, что благополучно, – как вдруг, а по другому всякие незапланированные и крайне вас изумляющие вещи не случаются, свет в лифте на одно мгновение гаснет и... Этого хватило, чтобы навести своего знакового шороху в головах всех этих людей и в их костюмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.